

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

*Здравствуйте,
дорогие друзья, читатели и писатели!*

Сейчас вы держите в руках первый выпуск журнала «Писатель. XXI век».

Этот журнал задуман как некий плацдарм для обсуждения острых и злободневных тем, актуальных для общества и страны, в которой живут и писатели и читатели. В этом журнале мы предполагаем обсуждать роль и ответственность писателя в условиях нового мироустройства.

Мир изменился необратимо. Телевидение, радио, Интернет, огромное количество журналов, газет, книг заполнили тот информационный вакуум, который существовал в нашем родном Отечестве всего каких-то двадцать лет тому назад. Дефицита информации нет. Доступно все. Полки книжных магазинов ломятся от самой разнообразной продукции. Ежемесячно выпускаются на рынок тысячи новых наименований книг! Но люди читают их все реже. Ритм жизни ускорился неимоверно, а жизненный прессинг растет. Многие вообще не покупают книг, просто довольствуясь телевизором или находя нужную для себя информацию в Интернете. В виртуальном пространстве сейчас существуют тысячи тысяч разнообразных сайтов всяких сообществ, каждый журнал и газета имеет свою электронную версию. Есть десятки огромных виртуальных библиотек, где можно взять любую книгу. Лучшее из лучшего! То, что проверено временем. Но есть и современная литература всех мыслимых жанров.

И несмотря на такое количество литературы, писателей становится все больше. Рождается совершенно новый класс людей, которые зарабатывают на жизнь, выполняя заказы издательств составлением книг из текстов Интернета. Их за спиной уничижительно называют рабами, неграми. При этом серьезная авторская литература, рожденная в муках творчества, обращенная к уму, чести и совести народа, не находит интереса и поддержки в редакциях. И к большому сожалению, труд составителей книг по заказу издательств оказывается востребован больше, чем труд тех писателей, которые имеют чувство глубокой внутренней ответственности перед собственной совестью за каждое написанное слово.

В результате те, кто пишет серьезную и ответственную литературу, остаются не востребованы. Они собираются в маленькие сообщества и оказываются почти полностью изолированы от своих потенциальных читателей, которые хотели бы прочесть что-то кроме детективов и дамских романов, но лишены такой возможности, потому что читатель и писатель не всегда могут найти друг друга... Огромное число типографий и издательств покровительствует тому, что называется желтой литературой. И это притом, что роль писателя всегда была неразрывно связана с судьбой народа и с национальной идеей. Именно писатели были и гласом народным, и совестью своей эпохи. Именно они и их творчество служили нравственными ориентирами для многих поколений людей.

Но какая идеология сейчас насаждается всеми средствами массовой информации в российском обществе? Вероятно, каждый знает ответ. А ведь это касается каждого и влияет на всех. Тихие информационные войны, поддерживаемые желтой цензурой, разъедают словно ржавчина нравственность людей, формируют ложные ценности и способствуют пропаганде такого образа жизни, в котором доминирующими становятся исключительно материальные ценности и жажда накопительства. Иногда рождается ощущение, что кому-то выгодна «дебилизация народа». Но русские люди вовсе не глупы, и все чаще и чаще то тут, то там раздаются возмущенные возгласы по этому поводу. Однако ситуация практически не меняется. Пока.

Россия не может сделать своей национальной идеей американскую мечту о личном богатстве. Мы — другой народ. И у нас другие корни, которые нельзя так бездумно и безответственно обрубать.

Мы приглашаем всех заинтересованных лиц к острому диалогу на важные для нашего общества темы.

И будем рады не только вашему вниманию к публикациям, но и мнениям. И главный вопрос, который стоит обсудить: какова должна быть роль писателя в современном мире? КАК и О ЧЕМ должен писать тот, кто наделен даром слова? Как сделать такие книги интересными, современными и востребованными? Как найти неповторимый авторский стиль, сохранив правдивость и искренность, лаконичную ясность формулировок, увлекательно выстроенный сюжет и, самое главное, умение четко схватить и передать узнаваемую атмосферу и детали современности? И как говорить с людьми на современном, понятном им языке о вечных ценностях, пробуждая в них чувство самосознания, благородства и достоинства?

В журнале мы попытаемся найти некоторые ответы на эти важные вопросы.

*С уважением к вам,
члены Российского Межрегионального союза писателей*

О ЧЕМ ГОВОРЯТ УМНЫЕ И ЧЕСТНЫЕ

<i>Лана Бриз</i>	
ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ И ЖЕЛТОЙ ЦЕНЗУРЕ	4
О ВЕЧНЫХ ЦЕННОСТЯХ, ИДЕАЛАХ И ТЕМПЕ ЖИЗНИ	7
КАК ПИСАТЬ, ЧТОБЫ ЧИТАЛИ? ИЛИ В ЧЕМ СЕКРЕТ ПРИУМНОЖЕНИЯ ТАЛАНТА?.....	10
...ПЕРЕЧИТЫВАЯ М. БУЛГАКОВА, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВНУТРЕННЕЙ	
ЧЕСТНОСТИ И ТРУДЕ ПИСАТЕЛЯ.....	15
ЛЕД ТРОНУЛСЯ!	17

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ГЛАВНОЕ

<i>Александр Миронов</i>	
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПИСАТЕЛЯ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	19
<i>Вадим Петров, Александр Миронов</i>	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ЕЕ ВЛИЯНИЕ	
НА ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ.....	25
<i>Евгений Раевский</i>	
НАМ ЛЖЕТ ЭПОХА	31

ПРОЗА XXI

<i>Владимир Бовкун</i>	
РЕЛЬС (Рассказ).....	32

О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ

<i>Е. С. Роговер</i>	
ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР НАТАЛИИ УЛЬЯНОВОЙ	48
СТИХИ НАТАЛИИ УЛЬЯНОВОЙ	52

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ИНСПИРИРОВАННЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

<i>В. В. Петров, Г. Б. Егоров</i>	
АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ВОСПОМИНАНИЙ ЮРОВСКОГО	57
<i>В. В. Петров, Г. Б. Егоров</i>	
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ? КРИМИНАЛИСТИЧЕ-	
СКИЙ ВЗГЛЯД.....	66

А МЫ ВИДИМ ИНАЧЕ

<i>Олег Филатов</i>	
СИМВОЛ ВЕРЫ (Фрагмент из романа).....	86

АРХИВЫ УЧАТ

<i>Реставратор (Андрей Павлов-Арбенин)</i>	
ВЗГЛЯД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА	
НА ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И. БУНИНА	100

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ НА РОССИЮ XXI ВЕКА

<i>Светлана Яремич</i>	
«ТОЧНАЯ КОПИЯ БЕЗ ОРИГИНАЛА»	118
<i>Лана Бриз</i>	
ПИСЬМО ЛАНЫ БРИЗ СВЕТЛАНЕ ЯРЕМИЧ	119

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Андрей Каратыгин</i>	
О ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОГО ВОСПРИЯТИЯ СЛОЖНОГО И ВОЗМОЖНЫХ	
СПОСОБАХ ЕЕ РЕШЕНИЯ	125

О РАБОТЕ ПИСАТЕЛЬСКИХ СОЮЗОВ

ЛИТЕРАТУРА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РАБОТЕ СЕКЦИИ	
«ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЕ ЧТЕНИЯ» РМСП (Краткий отчет о деятельности	
секции в 2008 году)	128

Лана Бриз

ОБ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ И ЖЕЛТОЙ ЦЕНЗУРЕ

Все мы были свидетелями недавних военных событий в Цхинвале, неотрывно следя за развитием событий по телевидению. И более всего были возмущены той наглой ложью и коварством, с которыми была проведена эта неприкрытая агрессия и последовавшая за ней ложь. Нет смысла пересказывать подробности, кто следил за событиями и хотел в них разобраться, имел возможность это сделать. Ясно одно — информационные войны наносят огромный ущерб нациям и государствам, отравляя общую атмосферу в мире, дезориентируя людей и обостряя взаимоотношения между народами. Растиражированная миллионами информационных каналов лживая информация меняет сознание как обычных людей, так и правителей государств и влияет на их решения и поступки, формируя таким образом ту жизненную реальность, в которой живут конкретные люди. И в этом кроется большая опасность.

Вроде бы все и раньше слышали о том, что СМИ влияют и на политику, и на сознание людей, но именно последние трагические события в полной мере оголили масштаб явления и угрозу, которая исходит от пятой власти. Вдруг всем стало очевидно то, как легко можно исказить факты, подтасовав другие тексты к одному и тому же визуальному ряду, как можно перевернуть и исказить смысл происходящего и ввести в заблуждение все мировое сообщество! События в Цхинвале и их освещение в мировых СМИ показали, насколько изощренными и опасными могут быть информационные войны, которые выгодны определенным силам. Эта война и события, с нею свя-

занные, не только выявили угрозу информационной агрессии, но и послужили своеобразным катализатором весьма значительных политических процессов, которые изменили господствующее однополярное мироустройство. И быть может, это и есть тот единственный положительный результат, который принесли вместе с собой те драматические и кровавые события, оплаченные жизнями и слезами тысяч людей.

В стране есть цензура

Однако не менее опасные процессы, разъедающие подобно ржавчине души и умы людей, тихо и почти незаметно давно протекают и внутри страны.

И творится это беззаконие не внешними врагами, а руками наших же соотечественников! Это и есть самая что ни на есть массированная информационная война, только она не так заметна, от этого становясь еще более опасной.

В русле идей демократического развития Новой России вся политическая цензура вроде бы отменена. Казалось бы, можно говорить обо всем. Никого за инакомыслие нынче в тюрьмы не сажают. Однако провозглашение свободы слова в условиях дикого капитализма на просторах родного отечества породило не только пошлую моду на примитивность и вульгарность, но и уродливого монстра, имя которому — желтая цензура. И такая цензура во много крат опаснее той, которая властвовала в СССР и поддерживала социалистическую идеологию. Потому что она вообще убивает идеалы и высокие порывы души в людях, делая их

циничными приземленными прагматиками, перенимающими потребительскую систему ценностей в качестве жизненных ориентиров и ценностей.

То, что пропускает желтая цензура через свои заслоны на широкие экраны и многотиражные издания, просто калечит сознание людей, отравляя психику, порождая агрессию, алчность, будоража низменные инстинкты и девальвируя вечные ценности. И в первую очередь коверкается сознание молодежи — будущего нашей страны!

Пройдет совсем немного времени, и эта молодежь, воспитанная на «Камеди клуб», «Доме-2», книгах о том «Как стать стервой» и «Жизни без трусов», займет руководящие посты на производствах, в госучреждениях, в правоохранительной системе, в Думе, в правительстве. И еще большой вопрос, сможет ли сознание этого поколения по мере биологического взросления избавиться от того цинизма и примитивизма, которые так настойчиво вдалбливаются всем в головы по всем ведущим каналам ТВ, радио, в прессе, в литературе.

Желтая цензура и власть золотого тельца

Сейчас, уже после Цхинвала, начали наконец-то говорить о том, что на ведущих каналах СМИ и ТВ стоит прочный кордон, который не пускает на ведущие трибуны страны тех людей, которые способны сказать нечто отличное от уже сложившегося повсеместно желтого формата подачи информации. Творческие люди, писатели, поэты, певцы, композиторы, художники просто стонут от меркантильного произвола капитализированных собственников информационных каналов, которые пропускают, публикуют и пропагандируют почти исключительно то, что в народе называют емким словом «дешевая желтая попса».

Она стала приоритетным направлением в развитии и формировании вкусов подрастающего поколения. И не только. Взрослые и вроде бы образо-

ванные руководители и собственники информационных площадок в погоне за прибылями отдают на поругание самые сокровенные вещи, смыслы и понятия ради того, чтобы пополнить свои банковские счета. В результате великая страна Россия, отвергнув социалистическую идеологию, оказалась вообще лишенной всякой идеологии и национальной идеи. Умами и душами людей владевает идеология денег, которая, по словам Платона, является верным признаком олигархического, а вовсе не демократического государственного устройства. И это совершенно недопустимо для страны, у которой есть мощное культурное, духовное и историческое наследие предков.

Невольно вспоминается 66-й сонет Шекспира, так точно отражающий нынешнее положение дел в нашей стране и настроения многих думающих людей, ее населяющих.

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слышет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!

Перевод С. Маршака

Политика издательств, писатели и поэты

Если бы Шекспир жил в наше время, то вряд ли ему удалось бы убедить издателей выпустить свои пьесы или сонеты. Современные поэты имеют только одну возможность увидеть свои книги — издать их за свои деньги малым тиражом и распространять по рукам знакомых. Издательства просто не берут стихи и не хотят их публиковать.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Встреча в Союзе писателей с известным бардом, певцом, композитором и поэтом Александром Дольским и презентация его прекрасной, глубокой и лиричной стихотворной поэмы «Анна» оголили масштаб этого явления. Даже такой прославленный и любимый народом поэт не смог найти издателей для выпуска своей книги. Она вышла только благодаря его личным стараниям. Но и книжные магазины, следуя порочной традиции, отказали ему в помощи. Они не взяли книгу на реализацию. В результате Александр Дольский вынужден был продавать книгу поштучно на своих концертах среди верных поклонников. А что делать другим поэтам? Или стране не нужны поэты?

Не лучше обстояли бы дела и у Данте с его «Божественной комедией» или «Пиром». Вряд ли ему удалось бы сегодня найти издательство, которое рискнуло выпустить такое непонятное и сложное для народа произведение.

Да, такое произведение, может, и не для всех, но совершенно не случайно именно оно живо и сейчас, спустя 600 лет после своего написания. А вся «попса» давно смыта историческими волнами, не оставив даже следа воспоминаний о своих авторах.

Многие, очень многие ныне признанные серьезные авторы и философы прошлого, повлиявшие на мировую культуру и духовное становление людей, не нашли бы сегодня поддержки в современных книжных издательствах России. Увы. Не смог бы издать свои книги и Н. Бердяев, и В. Соловьев, и, конечно, Платон с его философскими рассуждениями о государственном устройстве в «Государстве» или скандально знаменитом «Пире» не нашел бы понимания у желтых цензоров. Возможно, и Достоевского развернули бы от порога с его психологичными и драматичными романами о жизни простого народа. Глубина психологических терзаний, движение души, осмысление жизни... Это не приветствуется! Но детективы с нескончаемыми убийствами и кровавыми сценами, бесконечным калейдоскопом бес-

смысленных перемещений и грубоватой речью, пошловатые сборники вульгарных анекдотов и сентиментальные дамские романы идут на ура. Это что? Разве это именно то, чего заслуживают русские люди? Разве народ, родивший множество гениев, заслуживает такой пищи? Разве это то, в чем на самом деле нуждаются люди сегодня? Разве такая литература способна дать силы, воодушевить, помочь жить, побеждать? В конце концов, осмыслить жизнь и понять смысл всего происходящего?

А что показывают по ТВ? Складывается такое впечатление, что есть какой-то один нескончаемый детектив, который идет по всем каналам одновременно, без начала и конца. На другом полюсе этой виртуальной реальности живут, постоянно развлекаясь, золотая молодежь и звезды шоу-бизнеса, получая за это к тому же неплохие гонорары.

Нет, я ничего не имею против них лично. Но почему их жизнь регулярно и настойчиво показывается в качестве образца-эталона? Это то, что может служить ориентиром? Это то, к чему должен стремиться каждый? Какие чувства этот показной гламур будит в обычных людях, миллионы которых по всей стране с огромным трудом вынуждены решать свои насущные проблемы, живя практически в нищете, за порогом черты бедности?

На фоне такой пропаганды праздного образа жизни и повсеместном платном образовании желание учиться, думать, читать и обретать знания во многих молодых людях убивается полностью, в то время как страна должна бы быть заинтересована в том, чтобы уровень самосознания людей и уровень образования молодежи повышался. Разве страна не заинтересована в том, чтобы ее граждане были морально сильными, образованными и думающими людьми, которые способны на великие свершения? Или кому-то выгодно иметь невежественных граждан, чьи интересы не простираются дальше кошелька, а единственным доступным развлечением и отдыхом становится бутылка пива? Судя по

тому, как часто, булькая и пенясь, льется пиво в бокалы на экранах ТВ, это кому-то выгодно. Да и то сказать, управлять невежественным и одурманенным народом гораздо легче, чем тем, у которого есть не только принципы, но и мощная система жизненных ценностей.

Но может быть, роль честного писателя и состоит в том, чтобы изменить существующее положение вещей? Ведь когда болезнь названа, а диагноз поставлен, становится возможным и лечение того, кто болен.

ОБРАЩЕНИЕ

Уважаемые писатели, включайтесь в обсуждение поднятой темы, делитесь опытом, наблюдениями, предложениями.

От лица всех коллег по творческому цеху, писателей и поэтов, я также обращаюсь к независимым представителям официальной власти города и страны с просьбой поддержать творческую деятельность тех, для кого писательский труд является насущной потребностью, а не ремеслом. Помогите выпускать и популяризировать серьезные, не «желтые» книги, пробуждающие в людях благородное начало, высокие порывы души и мечты.

Ведь на сегодняшний день даже очень умные и порядочные писатели никак не поддержаны, их серьезные изыскания не

востребованы, а мотивации к созданию важных по содержанию книг нет вообще. Только самые стойкие, несмотря на жесткий прессинг, продолжают писать в «стол», надеясь, что придет время, когда их книги увидят свет и встретят своего читателя.

Возьмите Союз писателей России под свое покровительство. Ведь именно такие люди создают славу Отечества, и часто имена правителей вспоминают только потому, что в свое время они покровительствовали творческим людям, поэтам, писателям, художникам.

Нравственное состояние общества во многом зависит от доминирующей идеологии, которая формируется ныне не только политической позицией руководства страны, но в большей степени СМИ.

Идеологическая война против собственного народа должна прекратиться. Жизненно необходимо вернуть обществу устойчивые нравственные ориентиры!

Писатели готовы принять в этом благом деле самое активное и непосредственное участие. Но нам нужна возможность делать это.

Ну неужели в такой могучей стране, как Россия, с ее колоссальными возможностями, огромным экономическим потенциалом и сотнями типографий не найдется издательства, которое стало бы сотрудничать с писателями, ратующими за нравственное состояние общества? Или это не надо стране?

О ВЕЧНЫХ ЦЕННОСТЯХ, ИДЕАЛАХ И ТЕМПЕ ЖИЗНИ

Размышляя о национальной идее, которая так остро нужна Новой России, и о том, что она непременно должна иметь духовную основу, я все время невольно вспоминаю слова известного писателя Й. Анкер Ларсена, который еще 100 лет тому назад писал:

Мы живем в век безумств и развлечений. Каждое новое развлечение подобно

песку, бросаемому лопатой в глубину мира наших мыслей. Более того, мы радуемся этому, не осознавая, что радуемся собственному разрушению.

Над грядущими поколениями будет все больше и больше господствовать механический образ жизни, и новые развлечения сделают любые глубокие мысли невозможными. Помимо этого, наши молодые люди, с одной стороны, будут так огра-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

ничены догмами, что выражение собственных мыслей становится практически невозможным; а с другой стороны, они будут настолько запуганы высокомерием довольно никчемной интеллигенции, что на любое стремление к вечности навяжут ярлык глупости.

Но, к счастью, останутся и такие люди, которых не удовлетворит то, что предложит им их время. В конце концов, голод и жажда дадут о себе знать и многих заставят в поисках истинного удовлетворения заглянуть в глубь самих себя. Даже сейчас на земле есть люди, отказывающиеся быть первопроходцами в жизни, лишенной каких-либо вечных ценностей. Они чувствуют потребность искать Бога заново.

К сожалению, он был прав. К старым развлечениям и механистическому образу жизни добавились новые. Интернет погружает людей все больше и больше в виртуальную реальность, а живое общение все более делается поверхностным и лишенным искренности и глубины. Люди разучились вести неспешные душевные беседы, писать друг другу письма пером, в которых бы высказывали свои чаяния, надежды и мечты. Переписка по Интернету просто убила эпистолярный жанр, лишив людей прекрасной возможности по-настоящему интимного общения. Обмен SMS-ками превратили контакты людей в своеобразный пинг-понг, приучив многих к быстрому и неглубокому общению. Чтение более длинных текстов вызывает у многих людей психологические сложности и технические проблемы. Они все более и более привыкают скользить мыслью по поверхности текста, не углубляясь в его суть. Длинные тексты вообще сразу же вызывают скуку и отпугивают многих. Отчасти именно поэтому журналы в основном заполнены яркими фотографиями с трехстрочными текстами, а толстые книги вызывают чуть ли не страх своим объемом.

А духовность, которая должна быть фундаментом национальной российской идеи, в сознании многих молодых и не очень молодых людей связывает-

ся исключительно с религиозностью и далеко не у всех вызывает воодушевление, тем более, что Россия — страна многоконфессиональная. На просторах родного Отечества живут не только православные христиане, но и католики, и лютеране, и баптисты, и буддисты, и кришнаиты, и иеговисты, и иудаисты, и мусульмане, и даосы и другие, поскольку потребность в чем-то большем, чем то, что может предложить современному человеку окружающий его мир, присутствует во многих людях. Однако Карл Юнг в этой связи писал:

Современный человек с болью в сердце воспринимает тот факт, что ни его великие религии, ни многочисленные философии не дают ему того мощного, воодушевляющего идеала, обеспечивающего ту безопасность, в которой он нуждается перед лицом нынешнего состояния мира. Буддисты скажут: «Все было бы так, как надо, если бы люди следовали восьмеричному пути». Христианин скажет: «Если бы люди имели веру в Бога, то мы имели бы лучший мир». Рационалист скажет: «Если бы люди были более понимающие и разумные, то все наши проблемы были бы решены» — трудность заключается в том, что ни один из них сам эти проблемы решить не может.

Так какой идеал способен воодушевить людей и помочь им по-настоящему решить их жизненные проблемы? Есть ли такой?

Это очень важный вопрос не только для каждого отдельно взятого человека, не только для России, которая находится в поиске своей национальной идеи, но, быть может, это самый важный вопрос современности.

Ведь темп жизни в обществе, особенно в крупных городах, сегодня настолько высок, что люди подвергаются все время стрессу, который стал хроническим. Прессинг жизни стал для многих просто невыносимым, количество разводов и нервно-психических заболеваний в мире неуклонно растет, а одиночество в «каменных

джунглях» стало носить массовый характер...

Сознание людей постоянно вращается вокруг мирских забот и не может выйти за его пределы. Сегодня, в век прагматизма и потребления люди, как никогда прежде, удалены от идеалов и настоящих знаний. И при этом потребность в них ощущается очень остро. К тому же сейчас на Земле живет очень много талантливых, одаренных, думающих людей, для которых высокие, настоящие идеалы, способные воодушевить их, просто жизненно необходимы. И именно такие люди испытывают самый большой стресс, но именно у них есть и самые большие возможности.

Оглянитесь вокруг! Расширьте свои мысленные границы. Да разве то, о чем нас призывают думать средства массовой информации и реклама, это предел человеческой мысли и мечты? Люди сами загнали себя в узкие мешанские рамки обывательских проблем. Но ведь совсем не обязательно подпадать под эту магию пропаганды примитивного способа жизни и идеологии потребления. Такая идеология культивируется умышленно, двигая чей-то бизнес и помогая осуществлять тихую экспансию народов и стран, в результате чего миллионы людей в мире стали жить с ощущением, что им катастрофически не хватает не только денег и вещей, но и времени. Поэтому такая повышенная нервозность, суета и истерия. А ведь в сутках у всех 24 часа. В этом смысле все равно богаты! Задумайтесь над этим фактом.

На что люди тратят свое время? Ведь они все время куда-то торопятся и спешат. Мы все стремимся куда-то добежать. У нас уже нет времени на то, чтобы созерцать и размышлять, читать, думать, а тем более наслаждаться жизнью! У людей ныне нет времени на то, чтобы любить! Но при этом все стонут! А попробуйте предложить им решение, и вы увидите, что они ответят. Им некогда вникать во что-то, что-то изучать и думать, а тем более делать. Понимаете? Им некогда жить! Они спешат, а жизнь-то проходит... И все мимо...

Проклятье века — это
спешка,
И человек, стирая пот,
По жизни мчится, словно пешка,
Попав затравленно в цейтнот.
Поспешно пьют, поспешно любят,
И опускается душа.
Поспешно бьют, поспешно губят,
А после каются, спеша.
Но ты, хотя однажды в мире,
Когда он спит или кипит,
Остановись, как лошадь в мыле,
Почувствуй пропасть у копыт.
Остановись на полдороге,
Доверься небу, как судьбе,
Подумай, — если не о Боге, —
Хотя бы просто о себе.
Под шелест листьев обветшалых,
Под паровозный хриплый крик
Пойми: забегавшийся — жалок,
Остановившийся — велик.
Пыль суеты сует сметая,
Ты вспомни вечность наконец,
И нерешительность святая
Вольется в ноги, как свинец.
Есть в нерешительности сила,
Когда по ложному пути
Вперед на ложные светила
Ты не решаешься идти.
Топча, как листья, чьи-то лица,
Остановись! Ты слеп, как Вий,
И самый шанс остановиться
Безумством спешки не убий.
Когда шагаешь к цели бойко,
Как по ступеням, по телам,
Остановись, забывший Бога, —
Ты по себе шагаешь сам!
Когда тебя толкает злоба
К забвению собственной души,
К бесчестью выстрела и слова —
Не поспеши, не соверши!
Остановись, идя вслепую,
О население Земли!
Замри, летя из кольта, пуля,
И бомба в воздухе замри!
О человек, чье имя свято,
Подняв глаза с молитвой ввысь,
Среди распада и разврата
Остановись! Остановись!

Е. Евтушенко

Складывается такое впечатление, что современные люди все время только собираются жить, занимаясь неус-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

танно приготовлениями к жизни или вовсе наплевав на все, живя одним днем. Они откладывают жизнь до лучших времен, «на потом», но это «потом» так и не настает. Даже на пенсии вас ждут какие-то дела. Они никогда не закончатся! Но смысл вашей жизни вовсе не в том, чтобы переделать все дела, это невозможно. Смысл в том, чтобы обрести любовь и радость жизни и наполнить этим смыслом каждый свой день. Но в обществе, увы, культивируются совсем другие ценности...

Все куда-то спешат. Да и сама жизнь стала носить клиповый харак-

тер, похожий то ли на рекламу, то ли на боевик или мелодраму.

О современном кинематографе, кстати, очень метко высказался известный кинорежиссер А. Кончаловский. Его слова на редкость точны: «...диарея образов...» Почти как в жизни...

Какая-то бессмысленная чехарда всего стала нормой жизни в стремительном информационном потоке, который увлекает людей, словно опавшую листву, в пустоту и лишает способности осмыслить свою собственную жизнь и ее истинные задачи.

И это надо как-то исправлять. И если не мы, то кто?

КАК ПИСАТЬ, ЧТОБЫ ЧИТАЛИ? ИЛИ В ЧЕМ СЕКРЕТ ПРИУМНОЖЕНИЯ ТАЛАНТА?

Согласитесь, вопрос не праздный для писателей и поэтов, обладающих внутренним талантом, но не всегда умеющих его приумножить в соответствии с библейским наказом, поскольку многие писатели не всегда находят понимание не только у издателей, но и у читателей. И это уже неправильно. Для кого же они пишут?

Проблему с издателями мы начали обсуждать в другой статье, здесь же надо выяснить отношения с читателями, а вернее, с собой, поскольку влиять на морально-нравственное состояние общества и самосознание ее граждан, значит, читателей, писатель может только с помощью своих книг, и для этого они должны быть востребованы.

Нельзя заставить читать книги. Ими можно только заинтересовать.

Если же мы остановимся в своих рассуждениях исключительно на ответственности других, обвинив издательства в меркантильности, а читателей в невежестве и примитивности, то тем самым вообще лишим себя возможности что-либо изменить. Начинать все-таки надо с себя, потому что

это единственное, что мы можем реально менять. И попутно напоминать себе, и почаще, что даже при засилье плохой литературы и «попсы» все же пишутся и выходят хорошие книги! И что еще более существенно, эти книги охотно читаются и успешно продаются, удовлетворяя имеющиеся потребности и издателей и читателей. Они-то как раз и написаны наиболее талантливо. А именно это и требуется.

Так в чем же секрет хороших книг?

Однажды я задала этот вопрос человеку, мнению которого доверяю, человеку, который обладает не только большим пониманием психологии людей, но и огромным духовным опытом. Я спросила:

— Как же надо говорить с людьми о важных и серьезных вещах, чтобы быть услышанным, чтобы быть понятным, чтобы не вызывать раздражения касанием к болезненным темам? Как надо писать?

Ответ прозвучал следующим образом, и он, безусловно, стоит того, чтобы быть опубликованным в журнале для писателей.

Вот он:

— **Надо говорить с людьми на понятном им языке, через призму их проблем или «болячек», говорить с ними на их уровне понимания, но НЕ с их уровня, а со своего! При этом надо стоять высоко. Держаться высокой планки, а силу дозировать.**

Я хорошо запомнила эти слова, и они пригодились мне в жизни не раз.

Неоднократно я убеждалась в справедливости и точности такой позиции, которая, пожалуй, и может быть единственно эффективной для того человека, который работает со словом и людьми.

И теперь стоит задать вопрос. А владеют ли писатели тем языком, на котором говорят, и, главное, думают те, для кого они пишут? Могут ли они говорить с народом через призму их «болячек»? И не больны ли сами тем же?

...«Врачу — исцели себя сам». Сперва.

Кому мораль?

Сегодня уже никого не удивишь разговорами о морально-нравственном состоянии общества. Об этом и говорят и пишут. Потому что только слепой не видит того невиданного размаха нравственного падения многих людей, разгула преступности, деградации многих граждан и коррумпированности правящей элиты, которые встречаются повсеместно. Демократическая вседозволенность и крушение старого мира похоронили под своими обломками и зачатки нравственности во многих людях.

То тут, то там раздаются ностальгические голоса об ушедших нравах.

И многие равнодушные писатели пытаются писать об этом. Но книги нравственно-морального содержания зачастую могут и хотят прочесть только те, у кого нет морально-нравственных проблем. А те, кому стоило бы задуматься о чем-то серьезном, вообще не воспринимают того языка, на котором с ними пытается говорить автор. Им не интересна тема, назидания их раздражают, а демагогия скучна. И в результате они не хотят это читать. Но

кто-то ведь должен научить-ся говорить и с ними о важном! Мы ведь не думаем, что наши читатели ангелы? Мы ведь намерены изменить морально-нравственную ситуацию в стране, а это значит, что предстоит работать с «больными», ведь низкий уровень морали — признак безусловного психологического и духовного нездоровья. И это значит, что писатель XXI века должен уметь не только увидеть болезнь (все это видят), он должен уметь вскрыть эти язвы не разнося заразы и, главное, суметь дать конкретный рецепт лечения этих недугов, поскольку заниматься простым описанием и смакованием подробностей протекающей болезни вообще не имеет смысла. Более того, это безответственно. А многие делают именно это. Зря. Такая авторская позиция только разносит заразу, оставляя после себя отравленный след безнадежности в душе, порождая уныние или агрессию, цинизм и прагматизм.

Писатель должен быть почти врачом, который способен не только поставить диагноз, но и назначить лечение.

Пастыри для беспризорников

Перед честными писателями, кинематографистами, журналистами, перед всеми творческими и думающими людьми сегодня стоят поистине глобальные и трудные задачи. И их надо решать, потому что такие проблемы сами не рассасываются. Но когда вникаешь в них, просматривая ситуации, становится просто жутковато от осознания масштаба этого явления.

Невольно в сознании всплывает этот извечный, сакраментальный русский вопрос, который был озвучен еще Чернышевским: «Что делать?».

Каждый правильно поставленный вопрос содержит в себе и ответ — ДЕЛАТЬ.

И на наше счастье, успешные примеры есть. Мы не первые, кого волнуют вопросы здоровья общества и морально-нравственного состояния людей, живущих в этом обществе, то есть наших

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

соплеменников, представителей одного с нами вида «человека разумного» (в чем приходится часто сомневаться...).

Но взять, к примеру, Макаренко. Он ведь сумел найти общий язык с беспризорниками и помог им вернуть свое человеческое достоинство, помог им преодолеть жизненные невзгоды, разбудил в них интерес к знаниям, побудил к развитию и нравственному становлению. Примерно то же самое должен научиться делать тот автор, который чувствует свою ответственность за судьбу народа.

И с этим народом нужно найти общий язык для понимания. А так как в стране живет 142 000 000 граждан, то можно не сомневаться в том, что у каждого талантливого и самобытного писателя найдется свой читатель.

Молодежь — какое будущее у страны?

Будущее страны и мира традиционно связывается с его подрастающим поколением. И это правильно. Старое поколение уходит, а новое подрастает и занимает освобождающиеся места во всех областях жизни общества. Но точно так же, как на грядке в дождливое лето не вырастут без ухода добрые плоды, так и в большом обществе, где процессы воспитания молодежи пущены почти на самотек, нельзя ждать рекордного «урожая» гениев и мудрых правителей.

Особые надежды в каждом цивилизованном обществе возлагаются на молодых людей, которые учатся в высших учебных заведениях, повышая уровень своего интеллектуального развития. И этот уровень действительно повышается, профессионализм растет, повышая при этом и уровень амбиций взрослых молодых людей. Но при этом развития морально-нравственных качеств очень часто и вовсе не происходит. А во многих случаях происходит их очевидная атрофия, поскольку высокие амбиции, помноженные на развитый интеллект, при отсутствии морального стержня личности делают человека опасным хищником.

Наша интеллектуально развитая молодежь, высокомерная в силу своего возраста, с большим скепсисом воспринимает назидания от старшего поколения. Нотации о высоких идеалах кажутся полной чушью и древней архаикой поклонникам циничного юмора «Камеди-клуб».

С такой молодежью нелегко найти общий язык, отличный от действующих форматов. Но и на них нашелся свой автор!

Скандално известный роман В. Пелевина «Чапаев и пустота» пользуется до сих пор большой популярностью в молодежных кругах. Эту книгу почти сразу назвали культовой.

Так как мне очень понравились рассказы Пелевина «Желтая стрела», «Тарзанка», «Хрустальный мир» и другие, то я решила прочесть и этот его роман. А надо сказать, что я давно уже не читаю все подряд. Читать — это тратить время своей жизни. И книга должна того стоить. (Об этом, кстати, стоит помнить не только тогда, когда берешься читать, но особенно тогда, когда собираешься писать.)

В свое время меня заинтриговала аннотация к его книге с рассказами. На обложке книги было написано:

Рассказы и повести Виктора Пелевина по праву вошли в золотой фонд современной отечественной литературы. Мало того, они сделали Пелевина самым читаемым современным интеллектуальным писателем...

Я не пожалела времени и прочла его рассказы. Некоторые из них действительно почти гениальны, ибо совмещают в себе и острую философскую мысль, суть которой раскрыта на почти фантастическом и одновременно реальном материале. Где-то на грани. И при этом стиль речи и сама подача материала абсолютно неподражаемы и очень современны, что мне представляется очень ценным. Да и автор явно обладает глубиной понимания темы.

И я захотела узнать, что же написано в «Чапаеве...»? Почему эта книга вызвала такой интерес у читателей? Особенно у молодежи?

И я прочла ее. Читала я этот роман как читатель, а не как писатель. И видно, это было неправильно. Поскольку я выискивала для себя в этой книге какие-то новые свежие мысли. А надо было обращать внимание на другое.

Сказать по правде, до конца дочитать книгу меня заставило только любопытство. Я все надеялась, что, может быть, дальше что-то будет? Закрыв последнюю страницу, я испытала чувство, близкое к досаде, подумав при этом лишь о том, что такая разрекламированная книга, претендующая к тому же на роль философско-эзотерического романа, могла бы быть и покруче. Примирило меня с книгой только то, что автор явно хорошо владел различными модальностями русского языка, рассматривал в книге серьезные вопросы бытия, да и высказанные им мысли не были примитивны.

Вот, например, устами своих героев автор поднимает вопрос:

...почему одни устремляются к новому, а другие так и остаются выяснять несуществующие отношения с тенями угасшего мира...

И устами другого героя дает тут же ответ:

...Дело в том, что у первых идеал мыслится не как оставшийся в прошлом, а как потенциально существующий в будущем. И это сразу же наполняет их существование смыслом.

Согласитесь, мысль важная. И если даже только она одна вошла в сознание читателей, то книга была написана явно не зря. Успокоив себя этими рассуждениями, я забыла о романе.

А спустя несколько лет после этого я поймала себя на мысли, что уже не в первый раз вспоминаю один эпизод из той книги, притом что сам сюжет и действующие в ней персонажи оставили в моей памяти весьма слабые воспоминания.

Но одна мысль, высказанная самим автором на ее страницах, объясняла и популярность его книг, и давала ответ на вопрос, который обсуждается на страницах нашего журнала. КАК писать, что-

бы быть услышанным, понятым, изданным и читаемым?

Возможно, ответ прост, как все гениальное. И он абсолютно созвучен уже обозначенному ответу. А в романе Пелевина весьма популярно проиллюстрирован эпизодом пламенного выступления Чапаева перед армией солдат и последующим комментарием к этому выступлению.

Вот этот фрагмент книги:

Фурманов перевел взгляд на Чапаева.

— Орел, — сказал он, — только смотреть за ним надо. Говорят, заносит его часто. Но б-бойцы его любят. П-понимают его.

Он кивнул на притихшую площадь, над которой разносились слова Чапаева:

— Только бы дело свое не посрамить — то-то оно, дело-то!.. Как есть одному без другого никак не устоять... А ежели у вас кисель пойдет — какая она будет война?.. Надо, значит, идти — вот и весь сказ, такая моя командирская зарука... А сейчас комиссар говорить будет.

Чапаев отошел от ограждения.

— Давай теперь ты, Петька, — громко велел он.

Я подошел к ограждению.

Было тяжело смотреть на этих людей и представлять себе мрачные маршруты их судеб. Они были обмануты с детства, и, в сущности, для них ничего не изменилось из-за того, что теперь их обманывали по-другому, но топорность, издевательская примитивность этих обманов — и старых и новых — поистине была бесчеловечна. Чувства и мысли стоящих на площади были так же уродливы, как надетое на них тряпье, и даже умирать они уходили, провожаемые глупой клоунадой случайных людей. Но, подумал я, разве дело со мной обстоит иначе? Если я точно так же не понимаю — или, что еще хуже, думаю, что понимаю, — природу управляющих моей жизнью сил, то чем я лучше пьяного пролетария, которого отправляют помирать за слово «интернационал»? Тем, что я читал Гоголя, Гегеля и еще какого-нибудь Герцена? Смешно подумать... Я вспомнил одно из стихотворений Соловьева и рассмеялся.

— Что это вы? — спросил Чапаев.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

— Так, — сказал я. — Понял, что такое панмонголизм.

— И что же это?

— Это такое учение, — сказал я, — которое было очень популярно в Польше во времена Чингиз-хана.

— Вот как, — сказал Чапаев. — Какие вы интересные знаете слова.

— О, до вас в этой области мне далеко. Кстати, не объясните ли вы, что такое зарука?

— Как? — наморщился Чапаев.

— Зарука, — повторил я.

— Где это вы услышали?

— Если я не ошибаюсь, вы сами только что говорили с трибуны о своей командирской заруке.

— А, — улыбнулся Чапаев, — вот вы о чем. Знаете, Петр, **когда приходится говорить с массой, совершенно не важно, понимаешь ли сам произносимые слова. Важно, чтобы их понимали другие. Нужно просто отразить ожидания толпы. Некоторые достигают этого, изучая язык, на котором говорит масса, а я предпочитаю действовать напрямую. Так что если вы хотите узнать, что такое «зарука», вам надо спрашивать не у меня, а у тех, кто стоит сейчас на площади.**

Мне показалось, что я понимаю, о чем он говорит. Уже давно я пришел к очень близким выводам, только они касались разговоров об искусстве, всегда угнетавших меня своим однообразием и бесцельностью. Будучи вынужден по роду своих занятий встречаться со множеством тяжелых идиотов из литературных кругов, я развил в себе способность участвовать в их беседах, не особо вдумываясь в то, о чем идет речь, но свободно жонглируя нелепыми словами вроде «реализма», «теургии» или даже «теософического кокса». В терминологии Чапаева это означало изучить язык, на котором говорит масса. А сам он, как я понял, даже не утруждал себя знанием слов, которые произносил. Было, правда, неясно, как он этого достигает. Может быть, впадая в подобие транса, он улавливал эманации чужого ожидания и каким-то образом сплетал из них понятный толпе узор...

Я уверена, что над этим фрагментом текста стоит подумать каждому пи-

сателю и поэту, который хочет, чтобы его книги издавались и читались.

Только к развитию подобных эмпатических способностей писателю нужно добавить смысла и пользы, чтобы использовать эти способности по назначению. И тогда все получится, потому что о важных вещах действительно можно говорить через любую призму, на понятном собеседнику языке. Если мы не хотим оказаться по отношению к читателям в роли иностранца, которого никто не понимает, а потому и не слушает то, что он говорит.

Для кого пишет писатель?

Мы ведь пишем для людей. Реальных, живых людей с их нуждами и чаяниями.

А разве вам, так же как герою Пелевина, не тяжело смотреть на многих из них? И представлять себе мрачные маршруты их судеб. Ведь действительно, большинство из них были обмануты с детства, и, в сущности, для них ничего не изменилось из-за того, что теперь их обманывают по-другому...

А вы ведь хотите дать им нравственные ориентиры? Хотите вывести их из жизненных тупиков? Или наоборот? Вы хотите устроить им экскурсию по лабиринтам собственных мыслей, ведущих лишь к следующим тупикам? Это ни к чему.

Давно еще было сказано: «Если слепой ведет слепого, то оба падают в яму» (Евангелие).

И если вы действительно можете дать людям что-то принципиально и качественно другое от того, чем их кормят сегодня, то давайте! Но сперва каждому писателю необходимо уловить и понять **ожидания** тех, для кого он хочет писать.

Нужно научиться говорить со своей читательской аудиторией на понятном ей языке, через значимые, актуальные и интересные для них (а не для вас) темы, помогать найти ответы на те вопросы, которые звенят у них в голове. И самому при этом находиться своим сознанием выше этих проблем, чтобы лучше видеть их и не скатиться на уро-

вень пошлости и примитивизма. На уровень той самой «дешевой попсы», которая, кокетливо заискивая, пытается угодить извращенным вкусам большого общества, отвлекая на себя внимание людей блестящей мишурой, в то самое время, когда надо провести свой народ над исторической пропастью, не упав в нее. Потому что первейшая задача современного ответственного писателя заключается не в том, чтобы угодить толпе, и не в том, чтобы успешно мимикрировать и раствориться в ней, и не в том, чтобы назидать. А в том, чтобы разбудить самосознание в людях. Ведь на самом деле ВСЕ знают ВСЁ.

Сохранить равновесие в этом деле не так-то легко, как может показаться на первый взгляд, ведь академическое и научное образование и чтение по-настоящему серьезной и сложной литературы помогают далеко не всегда. Очень часто и во многих людях они убивают чистоту и простоту мысли, делая речь витиеватой и полной сложной терминологии, попутно порождая высокомерную элитарность и отчуждение от простого народа.

«Многие знания — многие печали»

Избавиться от собственных пессимистических настроений, ложной тоскливой мудрости и вензелей в речи, не

утратив при этом суть обретенных знаний и способности их применения сложно, но возможно. Дело того стоит. Для этого нужно, не теряя бдительности и ответственности перед самим собой, крепко держаться высоких нравственных и духовных ориентиров и стать при этом своеобразным переводчиком с академического научного русского языка на русский понятный читателям язык. И при этом не утратить красоту русской речи, обогатив ее, возможно, новой терминологией. Для этого нужно развивать свои таланты и не переставать учиться.

Ведь нет ничего стыдного в том, чтобы учиться чему-то новому даже в том случае, когда вы давно уже вышли из студенческого возраста.

Мир изменился. Этот факт не подлежит сомнению, и с этим нужно считаться, а не оплакивать руины прошлого, если мы хотим счастливо жить и творить в будущем. И для того чтобы быть созвучным ему, каждому человеку, и особенно творческому человеку, необходимо меняться и избавлять свое собственное сознание от косности и исторически изживших себя стереотипов мышления.

Писатели и поэты ведь тоже часть общества, глас народа. Так кто же, как не мы, должны первыми преодолеть то, что мешает Жизни и показать эти возможности другим!

...ПЕРЕЧИТЫВАЯ М. БУЛГАКОВА, или Размышления о внутренней честности и труде писателя

Творческая судьба М. Булгакова не была легкой и гладкой, а темы, с которыми он работал, были поистине великими и значимыми. Более того, он с неподражаемым талантом смог написать о таких вещах в условиях жесткой

политической цензуры, и остается только удивляться тому, каким образом его такие острые и политически опасные для режима книги увидели свет?! «Собачье сердце», «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита».

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Последнее произведение сегодня уже не нуждается ни в какой защите и тем более рекламе. С некоторых пор это произведение стали изучать даже в школе, но я помню время, когда оно с витиеватыми комментариями признанных авторитетов было впервые опубликовано в журнале «Москва» в 1967 году. Главы романа были бережно перекопированы и передавались уже в течение нескольких лет только близким друзьям из рук в руки буквально на один день. Помню, текст читался с большим трудом, поскольку это была явно не первая копия.

Те ощущения, которые я испытала в то время и после прочтения книги, мне не забыть никогда. Попробовав на вкус первые строки романа, я вдруг ощутила такой острый голод по настоящей пище для ума, души и сердца, что прочла книгу за ночь на одном дыхании году в 76-м. И было мне лет 15 в ту пору. С тех пор, в разных публикациях, я читала эту книгу, каждый раз находя в ней для себя что-то важное и новое.

...Последнее время я часто думаю о том, что сейчас нет новых книг, обладающих такой же мощью и глубиной, такой же силой воздействия, которые были бы так же интересны и талантливо написаны, как «Мастер и Маргарита».

Я даже затрудняюсь отнести ее к какому-либо жанру. Роман в романе... И он, конечно, может служить прекрасным эталоном великого литературного произведения для каждого пишущего человека. Но не образцом. Поскольку образцы можно копировать. Это копировать невозможно, ибо роман пронизан совершенно особым духом, который направлял и жил в авторе.

Каждый человек, что бы он ни делал, делает отпечаток себя самого, множа эти отпечатки в каждом своем деле. Будь то картина, фильм, книга, стихи, сшитая одежда или сваренный обед. В последнем случае легко убедиться в том, насколько этот обед вкусен. Но и книга должна быть не просто «съедобной» и «удобоваримой»,

она должна быть «вкусной», а желательно и полезной. Всегда ли то, что выходит из-под пера пишущего человека, отвечает этим критериям?

Ответ здесь должен дать каждый писатель и поэт сам себе. Причем честно. Примерно так, как это сделал Иван Бездомный. Надо просто поговорить со своей совестью и многое станет просто и понятно.

....гость осведомился:

— Профессия?

— Поэт, — почему-то неохотно признался Иван.

Пришедший огорчился.

— Ох, как мне не везет! — Воскликнул он, но тут же спохватился, извинился и спросил: — А как ваша фамилия?

— Бездомный.

— Эх, эх... — Сказал гость, морщась.

— А вам что же, мои стихи не нравятся? — С любопытством спросил Иван.

— Ужасно не нравятся.

— А вы какие читали?

— Никаких я ваших стихов не читал! — Громко воскликнул посетитель.

— А как же вы говорите?

— Ну, что ж тут такого, — ответил гость, — как будто я других не читал? Впрочем... Разве что чудо? Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

— Чудовищны! — Вдруг смело и откровенно произнес Иван.

— Не пишите больше! — Попросил пришедший умоляюще.

— Обещаю и клянусь! — Торжественно произнес Иван

Хороши ли книги, которые написаны вами? Дали бы вы их читать своим детям, друзьям? Будут ли они интересны им? Могут ли они быть понятны и полезны? Не стыдно ли вам за их содержание? Станут ли другие люди их читать и покупать?

И если вы уверены в ответах, то тогда уже будьте настойчивым в том, чтобы искать способы издать такие книги.

Хорошие книги нужны читателям. И как показывает исторический опыт, они все равно, несмотря ни на что,

пробивают себе дорогу, даже в самых жесточайших политических и экономических условиях.

Я уверена, что если авторы, писатели и поэты займут более конструктивную внутреннюю позицию и прекратят винить в своих трудностях ис-

ключительно других, если уровень внутренней требовательности к самому себе станет выше, то камень сдвинется с мертвой точки. А вместе с другими творческими и неравнодушными людьми можно будет сделать еще больше.

ЛЕД ТРОНУЛСЯ!

7 октября 2008 года по ТВ был показан репортаж о встрече господина В.В. Путина с кинематографистами. Безмерно порадовало то, что они обсуждали темы, которые волнуют и нас. А именно роль искусства в жизни общества и его нравственном состоянии. В. В. Путин взял этот вопрос под свое покровительство и сказал, что кинематографу будет оказана поддержка, в том числе и финансовая. Но также он сказал и о том, что отменить законы рыночной экономики не может даже правительство. И если народу это не будет интересно, то люди просто не будут это смотреть. И заставить их делать это нельзя. И сказал, что задача творческого человека состоит не в том, чтобы заставить кого-то читать или смотреть, а заинтересовать людей. Подчеркнув при этом, что произведение должно быть сделано талантливо!

Я полностью согласна с ним. Одна часть проблемы писателей и поэтов страны действительно связана с возможностью публикаций и выпуска книг. Это верно. Эта возможность непосредственно связана и с финансированием проектов, и с позицией издательств, и с общей идеологической направленностью общества, с позицией руководства страны. Поскольку именно глобальные процессы формируют и жизненные приоритеты, и потребности людей в тех или иных знаниях и информации. В интеллектуальной, культурной и духовной пище. И мы надеемся, что позиция и поддержка руководства страны в этих вопросах будет воспринята и другими людьми,

наделенными властью и возможностью решать эти вопросы и оказывать содействие творческим людям.

Но другая, не менее, а может быть, и более важная задача писателя состоит в том, чтобы создавать действительно талантливые произведения, способные заинтересовать читателей, удержать их интерес, побудить к осмыслению важных сторон своей жизни, быть созвучными чаянию их сердец, отвечать на невысказанные вопросы, удовлетворять глубинные потребности. И вместе с тем хорошая книга должна дарить воодушевление, радость, надежду и веру! Книга должна помогать строить и жить.

И не важно, в конце концов, в каком жанре написана книга. Поскольку писать талантливо можно в любом жанре, на любые темы, даже на самые скользкие. Важно то, КАК об этом написано. И конечно, автору не стоит спускаться в мрачные подземелья отягощенной души своего героя и бродить вместе с ним по борделям и притонам, если он не знает КАК вывести его из этих лабиринтов. Автор должен сам в первую очередь обладать устойчивой жизненной, гражданской и духовной позицией, потом он должен владеть даром Слова, он должен быть созвучен времени и людям, для которых он пишет, потому что только такой человек имеет моральное право касаться больных, мрачных и скользких сторон жизни людей.

Поскольку профессионально написанная книга, но рождающая уныние и оставляющая чувство гадливости,

безнадежности и удрученности вредна по определению. Как отравленный токсинами продукт питания.

Надо создавать такие книги, которые не будут «попсой», и в то же самое время будут интересны для людей. Писатель не должен высокомерно игнорировать современные тенденции, связанные с ускорением темпа жизни и... клиповости всего. Это есть, и тому есть причины. Мы не можем этого отметить. А это значит, что современный писатель должен это учитывать и использовать как подсказку в своем творчестве. Современная молодежь не будет читать заунывных высокопарных романов, пронизанных демагогией и назиданиями. А это значит, что слова должны обрести еще больше точности, сочности, лаконичности и выражать яркие, свежие, актуальные мысли, созвучные требованиям современной жизни.

И вот об этом надо уже говорить писателям между собой и обсуждать эту задачу на страницах журнала. Писатель должен задавать себе четыре главных вопроса:

1. О ЧЕМ я хочу написать? О ЧЕМ моя книга?

2. ЗАЧЕМ нужна эта книга? (И отвечая на этот вопрос, надо так и говорить: «Затем, чтобы...», а не «Потому что...».)

3. ДЛЯ КОГО написана эта книга? Ибо книга, как и одежда, если она для всех, то в результате не будет подходить никому.

4. И только потом надо думать над тем, КАК? На каком материале можно максимально точно и емко показать

суть выбранной темы? Какие изобразительные средства нужно использовать, чтобы максимально емко и ярко высказать те идеи и мысли, которые полностью будут выражать убеждения и позицию автора, чтобы книга затрагивала и мысли и чувства читателя? На каком языке нужно говорить с той аудиторией, к которой обращена книга, чтобы эти мысли и идеи могли быть восприняты? Чтобы язык был понятен, гениально прост, но не примитивен?

И если писатель точно знает ответы на эти вопросы, если ему действительно есть что сказать, если он способен писать на вечные темы современным языком, понятным той конкретной аудитории, для которой эта книга предназначена, если автор наделен даром Слова, то он просто обязан писать.

И в этой связи невольно вспоминаются слова нашего знаменитого «дежурного по стране» Михаила Жванецкого. Однажды он сказал:

Не писать как не писать. Если можешь не писать — не пиши.

Нельзя писательский труд превращать в ремесло и средство зарабатывания денег.

Деньги — это своеобразный побочный эффект писательской деятельности, признак востребованности труда писателя, но не цель. Не может являться целью и удовлетворение своих личных тщеславных амбиций, стремление демонстрировать остроту своего пера и профессиональные навыки.

Настоящий писатель должен быть вдохновлен мощными идеями и ставить себе высокие цели.

Александр Миронов

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПИСАТЕЛЯ И ЛИТЕРАТУРЫ

*Подлинный писатель более самой истории,
ибо он непременно ее же соавтор...*

Что беспокоит автора настоящего текста? Что не дает ему, как говорится, спать спокойно? В ответ кто-то, возможно, скажет, что не надо, мол, в XXI веке изображать возврат мрачного прошлого: пытаться восстанавливать идеологический надзор или цензуру, ведь все равно «поезд прошлого» безвозвратно ушел. Но в том-то и дело, что автора настоящего размышления заботит совсем иное, может быть, даже то, чего еще и не бывало вовсе. Но что же это в таком случае? По предположению автора сего развернутого исследования, писатель обладает самыми фантастическими возможностями для влияния на умы и души людей. Почему? А потому, что с помощью художественных образов как самого эффективного средства воздействия на человека он способен творить если не все, то очень и очень многое. Но тогда писатель, вполне очевидно, становится ответственным за огромные последствия, вызываемые в действительности присущим ему талантом. А что есть ответственность сама по себе? С сущностной точки зрения слово «*ответственность*» означает свойство сознания к совершению уклоняющегося от чего-то отклика, который, с одной стороны, препятствует нанесению кому-чему-либо ущерба, с другой — не позволяет уходить от воздаяния за уже и не специально нанесенный. Вместе с тем давным-давно известно, что внутри всякого, в том числе и писательского, труда происходят порой открытия, оценить которые сразу бывает весьма затруднительным делом. В противном случае, то есть в случае изначального

установления определенных табу или рамок, на пути творческого процесса возникают смертельные для него же самого риски, а значит, подобные, скажем, самоограничения начинают его же тормозить. Но, во-первых, нет ли в таких соображениях скрытого лукавства, и, во-вторых, а что есть такое само творчество как понятие или само по себе? Да, если *творчество есть акт приближения к истине*, то установление все равно кем каких-либо препятствий на этом пути, конечно же, должно восприниматься всеми как уже недопустимое посягательство на существо самого творчества. Но если речь идет о модном ныне самовыражении ради него же самого, то как быть тогда? Неужели и здесь мы не должны задумываться и не должны сами себя одергивать? Ведь в противном случае мы начинаем для самих себя (а в случае известной нашей же талантливости и не только для себя) вполне погибельную игру, игру уже в пользу мнимого добра. Последнее же, родившись из нашего самообмана, объективно говоря, становится для многих своего рода изысканным (утонченным) злом, которое, впрочем, ими совсем и не распознается порой как зло, наоборот, оно им даже представляется иногда добром. С другой стороны, кто-то скажет, что ведь существует еще как бы и безобидное или вполне себе «нейтральное» творчество. Другими словами, кто-то заметит, что это будет всего лишь «ни Богу свечка, ни черту кочерга». На это в свою очередь возразим, что ежели оно и так, то и тогда «в полку чертей прибыло». Почему? А потому,

что если писатель не ведет читателя к добру, то, как минимум, неявно он же отдает его во власть зла. Иначе говоря, посредством писательства нельзя не вести человека куда-то вообще. Ну таково уж его *объективное* свойство, которое в нем самом как раз наиболее выпукло и представлено. Впрочем, кто-то, вероятно, возразит автору, что ныне под добром понимается лишь одна «голая» выгода, а значит, если все-таки выгодно станет морочить кому-то голову своими, например, литературными опытами, то это и будет добром для самого автора последних. А ежели кто-то, начитавшись их, начнет вдруг дурить (дурнеть), то это уже будет выбор самого конкретного читателя, только его личная проблема. Тогда как автор напечатанных и прочитанных кем-то трудов с легким сердцем «умывает руки», а значит, совершенно снимает с самого себя всякую ответственность за все происшедшее с его же читателем под действием всего им написанного. Здорово, а? Сам виноват, не надо было доверяться и принимать «за чистую монету» прочитанное. А что, ведь вполне честно сказано, а значит, и справедливо все выходит. Но разве автор не волен был задуматься, о чем он, собственно, пишет, к чему явно или исподволь призывает? В таком случае он лишь освобождает самого себя от запрета «не грешить». Но освобождает разве не для блага свободы творчества? Ведь именно благодаря самому разбираемому нами творчеству писатель и становится таковым и вполне получает за то все ему лично причитающееся.

Впрочем, в свою очередь задумавшись уже над природой самого понятия греха. Или попробуем все-таки понять, что он такое сам по себе. Опять же с сущностной точки зрения *грех — это внешнее проявление неодолимого внутреннего дискомфорта личности через выход ее поведения за пределы одобряемого*. То есть грех может иметь самые разные и как бы совсем незаметные проявления. Он может состоять даже, например, в том, что человек просто говорит там, и тогда, и то, что явно

следовало бы не произносить или, наоборот, помалкивает там и тогда, где сокрытие личной позиции совсем уж негоже выходит. Другими словами, грех вполне себе многообразен и многолик бывает. В таком случае, видимо, всякий скажет, что от него тогда и писатель никакой не упасется, а значит, и обсуждать сие далее и вовсе глупо станет. В таком случае, может быть, следует зайти, как говорится, с другого боку? С какого? Да, например, со стороны добра. Но сначала уже по привычке определим: а что есть добро как понятие или что есть оно такое в самой своей сути? С сущностной точки зрения *добро — это творение красоты правды, разумной пользы и преображения человека*. Вот и выходит, что без правды, разумной пользы и *необратимого* преображения человека его и нет вовсе! А что же есть тогда? А есть все что угодно, например, законы общежития, взаимовыручки, взаимопомощи, но только нет самого добра. Поэтому-то и получается, что добро совсем не тетка будет, с ним запросто так и не сговоришься. Но ведь настоящая литература тоже не шутка есть, а значит, понимать и соответствовать сути добра писателю все равно придется! С другой стороны, противники «добренькой» литературы, скорее всего, тут возопят: не надо нас кормить сладкими сказками, ведь жизнь жестока и весьма мрачна на самом деле, а значит, долой проповеди о чистом добре, даешь взамен полную свободу для самовыражения личности писателя, и дело с концом! Что ж, не запрещать же сии речи, в самом деле. Вместе с тем, вероятно, следовало бы сказать и такое. Кто же возражает против суровой правды жизни? Только ведь следует показывать ее не односторонне, с выделением или с предпочтением в ней кого-то или чего-то. Ее следует показывать такой, какой она есть в действительности, без прикрас и без умолчаний. Вот, может быть, тогда и выйдет из-под пера искомая нами правда, и разумная польза случится, и читатель, задумавшись над прочитанным, станет наконец-то на самом деле лучше и

чише. Да, такая литература потребует от писателя гораздо более усилий и сердца, а значит, и самой его жизни, нежели этого потребует разного рода литературная фальсификация доподлинно существующего. И в самом деле, разве легко будет всякому ныне пишущему автору описывать вполне обыденное как и вовсе необыденное и при этом совсем-совсем не привирать? Ведь это и будет что ни на есть самый титанический писательский труд. Почему? А потому, что тогда писателю непременно придется вникать в самую суть всех описываемых им подробностей жизни, понимать их по-взрослому или вполне адекватно, а значит, и нести ответственность за достоверность или за соответствие литературного рассказа принципам невыдуманной жизни. И тогда, может быть, читатель сможет увидеть все ему привычное совсем с необычной стороны, сможет задуматься и понять причины торжества пошлости или чарующей одержимости в его собственной жизни, преодолеть инертность собственного мышления или прозреть, наконец. То есть подлинная литература своим исходным или первоначальным значением *образованности или создания смыслов*, самой своей сутью все-таки обязана будет сообщать читателю о действительно насущных проблемах человеческой жизни, но сообщать сие посредством галереи новых и честных художественных образов. Иначе говоря, ни «чернуха», ни «лакировка действительности» не должны иметь места на страницах честной литературы. Она же должна быть свободной от вычурных фантазий, выдаваемых при этом за «чистое искусство». Кроме того, она также должна избегать соединения действительного и мнимого. Почему? А потому, что подобное «творчество» лишь уведит читателя в мир не просто невозможного, но уведит его в мир вредного или разрушительного (погибельного). Впрочем, кто-то опять возразит: а как же все новое, ведь в таком случае литература быстро скончается или вся испишется? С одной стороны, все вроде бы и так, но с другой — ли-

тература лишь освободится от всего мнимого (наносного). Зато через строгое осознание важности своей центральной задачи она сумеет так стать удивительным средством возделывания уже нового человека — *человека духовного*, а может быть, и праведного. Разве это будет плохо? Разве не к этому должны все разумные люди всегда стремиться? Да, всем большим любителям всего отдельного (особого) или собственной самости, конечно же, станет тогда некомфортно. Но что делать? Либо жизнь под давлением последних начнет сдавать свои позиции, окончательно утрачивая свой всеобщий смысл, либо она же их всех «вылечит» от поклонения всему индивидуальному. Ничего другого человечеству, видимо, не дано будет. Другими словами, либо все погибнет, либо все спасены будем.

Теперь некоторые основные соображения о главном средстве стяжания искомого добра через разбираемое литературное творчество. О чем таком идет речь? Она идет, конечно же, о критике. Имеется ли ныне в России удовлетворительное критическое течение мысли? Вряд ли. Почему же так вдруг? А потому, что в нашем Отечестве до сих пор так и не возникло *сущностного критического направления*. Вместо этого мы пока имеем либо эстетическую, либо эмоциональную критику. Названные выше формы мысли, объективно говоря, лишь прикрывают собою некие цеховые (корпоративные) интересы. Но что есть критика с сущностной точки зрения? *Она есть способность к фиксации в наблюдаемом явлении следов присущего ему внутреннего противоречия. Сама же способность к критике — это выраженная способность к различению разного в контексте должного или необходимого.* Иначе говоря, подлинная критика всегда нацелена на выявление в наблюдаемом ею явлении присущего ему основополагающего противоречия, которое делает его же непременно уязвимым и неустойчивым в перспективе. Последнее же всегда выявляется исключительно умозрительным образом, так

как предполагает свое обнаружение сугубо через мысленное выделение и соединение в одно внешне никогда не обнаруживаемое свойство. Другими словами, настоящая критика не занята фиксацией и перечислением замеченных в наблюдаемом предмете или явлении недостатков, она лишь ищет и формулирует их причину. Можно ли учиться подобной критике? Вполне даже, но для этого непременно придется вникать в истонные смыслы основных или базовых понятий. Каких? А, например, таких как *любовь, счастье, радость, красота, правда, совесть*. Или вне твердого понимания подобных смыслов из известной учебы, конечно же, ничего путного не выйдет. Но почему вдруг так? А потому, что в противном случае опять же нам всем не на чем будет строить систему координат или единую точку отсчета. Без наличия последней позиции все предлагаемое вновь начнет расслаиваться и превращаться в известную вкусовщину и групповщину, которые опять же приведут нас ровно туда, где мы все ранее были. Но что можно предложить уже теперь в качестве своего рода прообразов искомых смыслов? Например, слово «любовь» вполне представимо как *радостное бескорыстие, охваченное надеждой на счастливое будущее*. Да, в приведенной формулировке много непривычного, так как, например, отсутствует направленность на объект любви. Что ж, это так, но ведь подлинная любовь не может быть по природе своей избирательной или адресной. Почему? А потому, что она тогда исподволь или незаметно начнет превращаться во что-то иное, скажем, в чувство весьма приятного обладания. И потом, неподдельная любовь не может ревновать, так как иначе она же начинает умаляться сама в себе. Вот и выходит, что настоящая любовь без веры в нечто высшее и непреходящее и вообще невозможна. Поэтому-то она и может быть уделом лишь людей, верующих в Бога всерьез, а значит, всем иным лицам любовь объективно и недоступна вовсе. Звучит, конечно, неприятно и даже

обидно, но что же делать, ведь это жизнь и с ней не поспоришь! Теперь рассмотрим еще слово «счастье». Оно уже есть *состояние сознания, характеризующееся полнотой соединения с миром*. Иначе говоря, счастье человека — это его необычайный душевный подъем, переживаемый им в момент возникновения чувства собственного родства со всем миром. Тогда как уже *радость дает человеку ощущение его единства с миром в предельно возможном выражении*. И она, конечно, бывает лишь кратковременной или бывает как награда для человека, живущего по совести, или бывает как указание на непреходящее значение его жизни. Кстати, *совесть — это сверхзнание о том, что есть правильно*. Почему сверх? А потому, что оно сверху (от Бога) нисходит к человеку. Другими словами, вне веры в Бога рассматриваемые понятия, конечно же, становятся утопией, имитацией. Несколько слов о смысле понятия правды. Представляется, что правда сопрягается лишь с той частью мироздания, которую человек способен сам для себя истребовать. Иначе говоря, *правда — это истина в образе*. С другой стороны, понятие правды связано с понятием факта. Впрочем, в таком случае выходит, что *правда — это вся совокупность фактов в ее развитии*. И завершим сей небольшой экскурс в смыслы разбором понятия красоты. Многими считается, что красота уму человеческому не подвластна, что он не может ее понимать наличным собственным ресурсом, а значит, не может и выразить в слове ее же определение. Но так ли это, в самом деле? Попробуем оспорить последнее утверждение. Например, таким образом: *красота — это проявление полной сочетаемости элементов мироздания посредством ее преломления уровнем развития совокупного восприятия*. В данном случае мы видим, что в природе самой по себе нет ничего безобразного, что она удивительно органична и гармонична сама в себе. Всякое же ее умаление сопряжено лишь с деятельностью человека. Поэтому-то какое-либо временное исчезновение красо-

ты в мире — это печальная заслуга одного лишь порочного человека. С другой стороны, он же гипотетически способен давать мирозданию такие удивительные шедевры, коих в мире без него и не было бы вовсе. Посему и выходит то, что красота уму человеческому вполне подвластна, а значит, ее ум человеческий по своей молитве всегда к жизни вызвать может.

Завершая настоящее размышление, его автор хотел бы подчеркнуть следующее. Можно сколь угодно много формулировать требований о свободе для литературного творчества. Но также следует при этом всегда задаваться вопросом: а для чего литератору названное выше условие? Неужели для греха, для утешения собственной гордыни, для соблазнения слабых и не твердых ни в чем умов? Ежели не для этого, то тогда для чего же еще? Для открытий чего-то еще неведомого? Хорошо, допустим, что это так. Но разве все новое не должно будет вести к благу человека? Если это так, то тогда даешь свободу! Но в том-то все и дело, что для познания истины человеку свобода и не нужна вовсе, наоборот, лишь истовое стремление к истине и сделает его наконец-то совсем свободным. Другими словами, непонимание сформулированного выше и ведет многих взявшихся за перо в сторону фальшивых ценностей, в сторону утраты ими стыда, в сторону гибели собственной души. При этом следует также ясно понимать и твердо помнить, что посеянный такими яркими «творцами» соблазн может еще долго губить читательские души, даже удерживать целый мир от его же спасения. Хорошо ли сие дело будет, достойно ли оно подлинного писателя? Вряд ли.

И уже в самом конце автор еще полагал бы вполне уместным сообщить свои некоторые соображения об ответственности литературы как таковой. Всякая даровитая литература есть самое мощное средство формирования действительности. Иначе говоря, *какова литература — такова и действительность*. Или противоречия действительности — это в основе своей —

ожившие во всех подробностях противоречия литературы. Но как так? Неужели художественное произведение способно на подобные мощные импульсы, на подобное мощное влияние? Талантливое — непременно. Или свойства реальности таковы, что они воспроизводят художественные смыслы подробно и *буквально*. Причем названные выше свойства реальности таковы, что они воспроизводят также и печальное действие внешне как бы благих образов художественной литературы. Другими словами, реальность безжалостно срыгает «сладкие» покровы с положительных героев литературы, а ее отрицательных персонажей вдруг делает вполне приемлемыми людьми. Поэтому на самом деле литература и действительность на сегодняшний день все еще находятся в непримиримом противоречии, выявлять и снимать которое следует весьма настойчиво и регулярно *всякому* ответственному человеку. Зачем? А затем, чтобы жизнь изменить, и изменить уже всерьез к благу людей. Взамен же разоблачаемым образцам литературы следует создавать иные — такие, в которых ясно и строго показывались бы истоки подлинных противоречий человеческой жизни, а также указывались бы по возможности достоверные средства для их снятия или преодоления. Иначе говоря, вместо *художественного дурмана* следует создавать *художественный образ правды*, и даже истины. Время же всего иного давным-давно миновало.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Что мы ищем в поэзии и почему?

(Слово к поэтам)

Казалось бы, ответ прост: каждый из нас ищет нечто свое. Но разве в поэзии нет объективного или всеобщего начала? Разве она порой не объединяет совершенно разных людей в одно целое? Да, в ней и музыка, и высокое

(глубокое) чувство есть норма. Но в ней же и самое что ни на есть насущное — смысл бытия человека. Она в лучших своих проявлениях сродни чуду! То есть в подлинной поэзии нет ничего банального и пошлого, нет ритмических преткновений, в ней ясность и печать Божья. Теперь о потребности если не каждого, то очень многих писать стихи. С одной стороны, почему нет? Но с другой — а как нести ответственность перед самой поэзией? Ведь рифмованная речь лишь рифмованная речь, а вовсе не стихи, как говорится, с большой буквы. Если мы желаем просто покрасоваться ритмической речью, то, пожалуйста, только не надо при этом говорить о поэзии и не надо пафосно «играть на понижение». Иначе говоря, каждая поэтическая строка — это гигантский труд и дар небес. Иное — от лукавого. Тем более надо быть честными и строгими к себе, если мы публикуем написанное нами стихотворение. Другими словами, не надо много поэзии — надо лишь подлинной поэзии. И потом, своей невзыскательностью к себе мы провоцируем и других к неказистому делу под видом чего-то значимого, увлекаем на порочную тропу. То есть мы не просто тогда грешим словом, но еще и насаждаем сию печальную склонность и в других. Поэзия не просто красива — она честна. *В ней не может умещаться компромисс.* Поэтому подлинный поэт — это всегда проблема общества, в котором многим будет не по себе от разящих строк. Причем здесь не обходится и без казусов. Например, Уильям Шекспир в строке «и праведность на службе у порока» совершает вполне грешное дельце. Почему? А потому, что праведник на то и праведник, что различает, где порочное, и отвергает его твердо. Иначе говоря, красным словцом страдали и великие поэты. Но ныне нам совсем негоже разрешать себе подобное. Вместе с тем есть еще и развивающая человека сторона стихосложения. Всякий столкнувшийся с ним знает, как это непросто говорить стихами. Поэтому для выработки чувства слова, чувства речевого ритма дело

сие вполне подходит. Но все равно следует твердо помнить, что публичное стихосложение так или иначе обязывает каждого соответствовать великому назначению поэзии. Или мы не имеем права участвовать в приукрашивании изысканными поэтическими формами всевозможного нечестия и порока. Впрочем, кто-то скажет, что стихосложение — это самовыражение личности или это сама ее жизнь. Да, это так. Но ведь и без стихов всякий человек себя невольно выражает во всем. Даже его взгляд, его походка, его поза — все есть выражение его сути. Поэтому хлопотать о поэзии как о способе самовыражения в первую голову вряд ли стоит. И болеет того, следует понимать, что стихи — это могучее средство, а талантливые стихи могут наносить огромный вред людям. Почему? А потому, что они своими тончайшими чарами способны буквально гипнотизировать, околдовывать, и тогда многое зло волею стихотворца входит в жизнь. Пример? Извольте:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

В данном случае поэтический гений противопоставляет себя и других горделивых людей народу, внушает талантливым личностям мысль о ничтожности народных масс и о величии одаренных одиночек. Нужна ли такая поэзия вне ясной и твердой отповеди ей? Теперь о любви. Многие искренне полагают, что любовь-то уж спасает поэзию от греха неправды. Но так ли это? В любви, к сожалению, также много сладконаносного, а значит, вредоносного. То есть любить человека, конечно, уместно, но боготворить его уже никак не стоит. Почему? А потому, что в таком случае у талантливого поэта и начинается стильное (изысканное) вхождение в злое. Как так? Если мы начинаем возносить сотворенное в ранг высшего смысла, то мы

начинаем лгать. И неважно, что это всего лишь поэтическое преувеличение для выражения как бы хорошего чувства. Важна привычка к высокопарной и как бы нейтральной лжи. Ведь она, как вирус, не будет действовать в человеке локально или избирательно, она будет стремиться захватывать его, так или иначе, рано или поздно всего. А самое важное — она начнет торжествовать в человеке в самые сложные моменты его жизни. Почему? А потому, что противоядия в нем тогда не будет. Другими словами, если смысловое противо-

ядие в человеке заранее воцарится, то и глупое в одеждах умного он в себя ни за что не впустит, а значит, в кризисный момент сумеет удержаться от того, чтобы впасть в грех. Поэтому и любовь не оправдывает нечестия и лжи.

Завершая, скажем себе, что поэзия — это великое дело и великий дар, ниспосланный человеку свыше. Поэтому играть ею, красоваться под нею никому не к лицу будет, а значит, будем искать в ней не утешения, а лишь спасения собственной души.

*Вадим Петров,
Александр Миронов*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

Авторы публикуют данную статью с целью показать наличие определенной степени напряжения в обществе. Затронутые в ней проблемы рассматриваются одновременно с нескольких полярных точек зрения, в том числе патристической и либеральной различных оттенков. Статья написана с учетом потенциально возможного диалога, с применением аргументов и контраргументов, между жителями нашей страны, имеющими ярко выраженные патристические и либеральные взгляды.

Как известно, правители России начала XXI столетия не признают понятия «национальная идея России» или считают ее чем-то мифическим. В частности, в одном из не очень давних интервью Дмитрий Медведев сказал следующее: «Теперь о национальной идее. Я действительно считаю, что разговоры о национальной идее, особенно в России, никуда не ведут. Только

создают дополнительные сложности, как правило, беспредметные. Либо приводят к классическим спорам, либо к пьяной драке за столом. С другой стороны, я считаю, что каждая уважающая себя нация в тот или иной исторический период должна иметь набор ценностных представлений, которые значительная часть этой нации должна разделять. И желательно, чтобы они разделялись не по принуждению, а на основе личных убеждений» (Сванидзе Н., Сванидзе М. Медведев. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008). Но в чем ценности нынешних хозяев России? Медведев отвечает: «Они должны быть сообразны тому периоду, в котором мы живем. Скажем так: гражданское общество и рыночная экономика начала XXI века — совсем не то, что реалии XX века. И это накладывает очень сильный отпечаток на наши представления об обществе. Поэтому и набор ценностей выглядит иначе. Но

есть фундаментальные вещи, которые, скажем, с XVIII—XIX веков практически не изменились. Например, отношение к частной собственности как к элементу правового статуса человека, набору его свобод. Экономика меняется, но фундамент остается. И это — фундамент частной собственности» (Там же). То есть власть в России ныне испытывает некий священный трепет перед частной собственностью, и это, видимо, составляет ее символ веры. На что же, в свою очередь, уповают президент и правительство России? На этот вопрос Медведев отвечает так: «Все это сложный набор взаимосвязей: что-то предлагается властью, что-то созревает в обществе. И если эти процессы идут более или менее гармонично, а иногда и усиливают друг друга, тогда это крепкая нация» (Там же). Но ведь предлагаемое выше мнение может и не совпадать с настроением общества? Кстати, видимо, поэтому-то российский двуглавый орел и смотрит в разные стороны. Или русское сознание исстари противоречит само себе же. Например, данное выше вступление и комментарий к нему то же русское начало может видеть несколько иначе. Как? А, скажем, так. В современной России отношение к понятию «национальная идея» является неоднозначным. Какими же руководящими идеями современное общество должно руководствоваться? Президент России Д. А. Медведев предлагает решение. В чем оно? В качестве основы существования России принимается частная собственность. Но ведь тогда конфликта из-за самого факта формирования ее не избежать! Иначе говоря, российская власть, несмотря на всю свою мобильность и ловкость, со смысловой точки зрения отличается все-таки инфантильностью или незрелостью. Почему так? Давайте разбираться. Впрочем, вторая голова российского орла, отрицая предшествующее критическое суждение, заявит в свою очередь вполне толерантно, что предлагаемое президентом России решение (речь о сложном наборе в рос-

сийском обществе взаимосвязей) представляется ввиду его краткости не вполне приспособленным для его полной реализации. То есть наличные критическая и охранительная головы явно увидят одно и то же по-разному. Необходимо доказать сие? Извольте.

В настоящее время существует и поддерживается российской властью та точка зрения, что Россия после событий начала августа 2008 года находится в принципиально новой ситуации. И она якобы была во многом подготовлена и явилась результатом длительных недружественных по отношению к России действий внешних сил. С одной стороны, почему бы и нет, но с другой — а зачем им это? Может быть, Россия сама повинна в том, что ее опасаются другие страны? Это, конечно, слова критически настроенной головы, тогда как охранительная голова скажет о том же иначе. Как? А так. Во-первых, она уберет из предложения о длительных и недружественных по отношению к России действий внешних сил слово «якобы». Зачем? А затем, что оно лишнее. Далее носитель охранительного взгляда вместо слов о том, что Россия сама повинна, что ее опасаются другие страны, скажет, что имеются причины, по которым ее опасаются другие страны. И продолжит, что эти причины постоянны, вне зависимости от существующего в России строя, и заключаются в мощи ее ресурсной базы и духа ее народа. Все страны опасались всегда и опасаются сейчас, прежде всего, мощи духа народа России. Не любят Россию прежде всего за то, что при сопоставлении с ней многие страны выглядят не лучшим образом, хотя и не желают признаться в этом.

Идем далее. Сегодня нам предлагается следующие справедливые рецепты: «Задача России — активно и эффективно защищать свои интересы. В моде, очевидно, будет политика державного эгоизма. “В политике, как известно, нет друзей и врагов, а есть интересы”» (Цхинвал сепаратизму. Главный итог осетинской войны — усиление позиций России // Наша версия. 18—24 августа. 2008. № 31. С. 4).

Но что есть подлинные интересы России и возможно ли их вообще защищать? Или речь все-таки идет о чем-то ином, например о получении и сохранении каких-либо преимуществ? То есть политика приобретений какого-либо порядка и удержания их в своих руках, видимо, и составляет суть формулы «защиты интересов». Но тогда, может быть, Россия «много на себя берет» и тем самым вызывает у соседей подозрение в агрессивности? На этот вопрос противная голова скажет опять иное. Подлинные интересы у России имеются, как и у любой страны мира, тем более великой страны. А все эти интересы можно и должно защищать, причем защищать интенсивно. В свою очередь критическая голова уже предложит задуматься о причине российской агрессивности. Вероятно, она есть следствие утраты СССР, а точнее — его духовного предательства. Ведь первая страна социализма все-таки была альтернативой всему мировому капитализму. Другими словами, Советская страна имела в самой себе большие смыслы и ее можно было за это уважать. Современная Россия — это психологически уязвленная (надломленная) страна, которая весьма настойчиво пытается доказать всему миру, что она мировая держава. Видимо, по этой причине российское руководство склонно к избыточным или непропорциональным усилиям в отношениях с соседями и прочими странами. Впрочем, сию славную тираду оборвет вполне правомерно охранитель России: во-первых, известная решительность современной России не связана с проблемами канувшего в Лету СССР. То есть ныне Россия — страна, которая выходит из сложного постсоветского состояния, при этом обоснованно и успешно доказывая всем, что она держава мирового уровня. Поэтому словам о том, что руководство России склонно к избыточным или непропорциональным действиям следует противопоставить иные речи. Какие? А такие, что вся вина за военный конфликт России с Грузией лежит исключительно на грузинском руководстве и

на всех силах, его поддерживающих. Но русский скептик на это возразит уже так: кстати сказать, известный политолог и защитник нынешней российской власти Н. А. Нарочницкая пишет такое: «Конечно, проще любить свое Отечество, когда можно им гордиться, когда оно сильно, и все его уважают и боятся. Но именно когда оно повержено и лежит, оплеванное, осмеянное и покинуто всеми, — только тот сын, кто не отвернется, проходя мимо, а закроет собой и оградит от поругания» (За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005). Да, если кого-то *ни за что* поругали, то вроде бы следовало его защитить. Вместе с тем современная Россия сама «славно» поглумилась над СССР, и ей совсем не к лицу прикидываться «без вины виноватой». Мы ведь еще помним, как она в числе первых буквально бросилась делить советское наследство. И выглядел сей бизнес весьма неприглядно. То есть Россия Ельцина — Путина — Медведева — это вовсе не Россия царская, и ей совсем не к лицу надрываться по части жалости к самой себе любимой. Иначе говоря, ей еще нужно доказать мировому сообществу, что она имеет приличное значимой державе лицо и умеет себя вести достойно. А ссылки на высказывание Д. Ф. Кеннеди, что «Права моя страна или не права — но это моя страна» никак не позволяют России действовать бесцеремонно. Да, внутри Отечества нынешние российские власти ведут себя весьма не деликатно и не встречают при этом *пока* никакого серьезного отпора, тогда как вовне страны они же сталкиваются с иным к себе отношением. Поэтому-то и не приходится россиянам рассчитывать за границей на радушное отношение к себе везде и всегда. И не надо думать, что нас многие незаслуженно третируют и не любят. К сожалению, мы даем много поводов к тому. Какие? А такие, что вводить войска России в Грузию и тут же признавать отторжение части ее территории без каких-либо консультаций с мировым сообществом и есть яркое свидетельство тому.

Впрочем, стоп. Выслушаем теперь голос совокупного охранителя российской государственности: здесь нужно заметить, что нас многие незаслуженно третируют и не любят. К сожалению, Россия иногда, не желая этого, по необходимости, дает внешние поводы к такому поведению. Например, вынужденный ввод российских войск в Южную Осетию для отражения грузинской агрессии.

Но вернемся к поиску основ национальной идеи. Так, С. П. Капица, ученый и телеведущий, в числе прочего высказал мнение: «Нравственный кризис возник в России в постсоветское время, когда люди лишились какой бы то ни было идеологической основы, на смену идеологии пришел “культ денег”... Государственные власти могут решить проблему кризиса нравственности только путем пересмотра школьных программ» (Санкт-Петербургский университет. 2008. 20 мая. № 8. С. 50). Что ж, трудно не согласиться с известным ученым. Впрочем, нынешняя эпоха — это **диктатура наживы**. Идеал — *несметное богатство и невиданное могущество индивидуума или корпорации*. То есть как ни поворачивай, сегодня в России властями по факту или объективно установлена и поддерживается с помощью прикормленных средств массовой информации *аморальная атмосфера*, которую они натужно пытаются выдавать за нечто совсем непостыдное. Поэтому-то и выходит, что глупо просить их о воспитании подрастающего поколения всерьез. Наоборот, необходимо строго отдавать себе отчет в том, что пока российский избиратель будет поддерживать установленный в 1991 году политический курс — курс неудержимого ничем обогащения, он и будет торжествовать. Другое дело, что ресурс сего рискованного начинания весьма и весьма ограничен. Иначе говоря, недалек тот день, когда многие наши соотечественники убедятся в том, что они в 1991 году сильно «погорячились». Кстати, изложенное выше суждение весьма точно подтверждают слова Л. А. Вербицкой, президента СПбГУ: «За возрождение

нравственности выступает большинство россиян. Хотя многие думают, что “в нашем мире все решают деньги, а о нравственности думать невыгодно — на ней много не заработаешь”» (Там же. С. 52).

Но как ответит на сказанное выше наш отечественный охранитель? А он попытается смягчить сформулированное осуждение российской власти и попытается назначить в виновные вместо нее некие анонимные силы, действующие автономно. Выглядеть это будет примерно так: к сожалению, сегодня в России установилась аморальная атмосфера, которую некоторые средства массовой информации натужно пытаются выдавать за нечто совсем непостыдное. Поэтому глупо просить такие средства массовой информации о серьезном, полезном для страны воспитании подрастающего поколения. Необходимо строго отдавать себе отчет в том, что пока значительное количество наших соотечественников будут поддерживать порочный политический курс — курс неудержимого ничем обогащения, он и будет торжествовать. Другое дело, что ресурс сего рискованного начинания весьма и весьма ограничен.

Теперь некоторые соображения о делящейся уже многие столетия «конкуренции» России и Запада. На самом деле речь идет о чем-то большем, чем о банальной борьбе за всевозможные природные ресурсы нашей планеты. Речь идет о бескомпромиссной **борьбе мировоззрений**: с одной стороны, взгляда предельного земного (Запад), с другой — взгляда ищущего нечто большее, чем все земные прелести вместе взятые (Россия). Другими словами, русский человек никогда не удовлетворится смыслом модной ныне земной конкуренции. Он ее не признает никогда смыслом человеческого бытия. Отсюда и проистекает известная традиция непреходящего духовного противоречия между русскими и иными людьми. Сам русский язык своими смыслами заставляет всякого живущего ими искать чего-то большего, чем примитивных телесных утех и пошлого телесного комфорта. Никогда русские люди не

признают правды за истовыми приобретателями земных благ. Что отличает русский взгляд на мир? Он имеет в себе непреходящее свойство — свойство неустранимого ничем обобщения, и поэтому он никогда не сможет быть частным в своей сути. Поэтому борьба с Россией Запада на самом деле носит сакральный или мистический характер. Именно в *неземных смыслах* ее подлинная суть. Иначе говоря, в массе своей русские люди не смогут «прирасти» душой к земному богатству. И тем самым они как раздражали в прошлом, так и впредь будут раздражать весь западный мир своим презрительным отношением к миру выгоды и корысти. Причем названное презрение парадоксально выражалось прежде и выражается ныне даже в подходах к накоплению самого богатства. То есть даже методы русского обогащения на Западе вызывают досаду и оторопь. Обобщая сформулированное выше, следует заметить, что русские ни в бедности, ни в богатстве никогда не смогут стать на Западе своими. Поэтому-то *сущностного примирения* России с Западом не было и никогда не будет. Другими словами, Россия — это *геополитическая ось истории человечества*, которая не может быть перенесена из России куда-то еще в другую страну. В исторической перспективе кто-то должен будет пасть окончательно. И это будет не Россия. Почему? А потому, что у нее есть национальная идея или *сверхзадача ее бытия*. Что она такое, как ее возможно выразить словом? Вот уж дело для всякого мыслителя, а тем более писателя вполне достойное будет. Но сначала окунемся в дела текущие.

По итогам событий в Южной Осетии в августе 2008 года вся Европа, за редкими исключениями, ополчилась на Россию. Отсюда с неизбежностью ставится под вопрос дальнейшей приемлемости «общеευропейских ценностей» для России. И в самом деле, неужели эти «ценности» так хороши, что они не могут быть оспорены и отброшены? Россия для ряда государств есть проблема — проблема понимания причин ее поведения. Другими словами, оппоненты России видят в ней часто непо-

слушание принятому когда-то порядку отношений и немотивированную ничем дерзость. Вместе с этим во времена, когда у России отсутствовала внятная идеология, она неумолимо начинала путь к своей гибели. Как только у России появлялось хотя бы отдаленное подобие национальной идеи, она тут же возрождалась и начинала стремительно набирать экономический, военный и политический вес. Каждый раз, имея доподлинно действующую, внятную и положительно воспринимаемую народом версию национальной идеи, Россия начинала уверенно и последовательно вести себя и на международной арене. Ныне при всех громадных возможностях Россия предельно бедна осознанием фундаментальных смыслов собственного бытия. Всякие ее попытки стать вровень с западными демократиями изначально обречены на неудачу. Других же целей она сегодня не имеет. Поэтому ее участь — это участь крупного ресурса наличных мировых сил, которые непременно будут пытаться провоцировать ее для своей выгоды, для целей сохранения своего господства. Что это может быть? А, например, подталкивание ее к развязыванию большой войны в целях дальнейшего сохранения капиталистических отношений в мировом масштабе, которые сегодня как никогда ранее необратимо «трещат» и «ломаются». Может ли названный сценарий погубить Россию или он все равно будет вести ее в сторону национальной идеи? Давайте снова вникать и разбираться.

Давно известно, что национальная идея, если она вообще существует, безусловно выковывается трудом и страданиями народов России на протяжении весьма длительного времени. Возможно, что такое время уже практически подошло к концу и нам осталось всего чуть-чуть, чтобы национальная идея предстала бы перед нами во всем ее величии. Все великие народы образовывались, проходя череду великих потрясений, великих войн и великих трудов. Отсюда только и возможно возникновение великой национальной

идеи, которая сконцентрирует в себе как осознание великого пройденного страной и обществом пути, так и еще большее величие задач, которые предстоит правильно сформулировать и решить. Поэтому-то с существенной точки зрения страшиться грядущего мирового конфликта, во-первых, бессмысленно, так как наш мир волею предшествующего своего исторического пути просто обречен его пережить, во-вторых, именно предстоящее масштабное человеческое страдание и позволит искомым нами (и критиками и охранителями) смыслом национальной идеи России стать наконец-то явью и даже непосредственной тканью жизни *всех русских людей*. Существует расхожее мнение, что национальная идея должна сочетать в себе как сиюминутное, так и вечное содержание. То есть она в целом имеет склонность к изменению. Но возможно ли сие в принципе? Ведь если национальная идея, имея переменную часть своего содержания, допускает ее, то она через это вполне умаляет самое себя. Почему? А потому, что в таком случае она отвергает само понятие истины, которое не может быть вариативным. Иначе говоря, национальная идея не может быть свободной от духа правды и истины. Тем самым она смыслом своим не может совмещать в себе правду с неправдою. А всякая переменчивость и есть признак неправды (мимикрии). Но оппоненты заявленной выше позиции могут вполне возразить, что в правильно сформулированной национальной идее положения, на первый взгляд представляющиеся относящимися к преходящим, при ближайшем рассмотрении будут иметь явственные черты неизменного. А кроме того, при реализации на практике она будет облекаться в текущие правовые и государственные формы. Но разве национальная идея может пребывать в правовых или государственных рамках, когда она есть начало духовное (моральное)? Поэтому национальная идея, как ни странно, есть прежде всего идея мировоззренческая, или она в главном совершенно вне-

национальна, а точнее, *внеэтнична*. Впрочем, ее еще следует сформулировать. Кстати, своего рода ключом к ее смыслу может выступить понятие патриотизма. Почему? А потому, что в нем всегда отчетливо присутствует ее влияние. Другими словами, текущее качество последнего всегда свидетельствует о ней. Каким образом? А таким. Даже в чертах ура-патриотов или шовинистически настроенных лиц всегда угадывается запрос на нечто правое или справедливое (честное). То есть без чувства чего-то священного патриотизма нигде и никогда не возникает. Если же говорить о нашем отношении к христианской Европе, то следует заметить, что мы в отличие от европейцев изначально несем в себе черты *соборности* или изначально совмещаем в себе и светское начало, и начало духовное. Тогда как в Европе за духовное направление жизни отвечает только клир. В этом и состоит наше фундаментальное несовпадение с европейцами, которые с начала своей истории разделяют духовное и светское.

Теперь о желании или нежелании конкретной нации иметь свою национальную идею. Такой подход опять же уязвим в своей основе. Почему? А потому, что национальную идею не выбирают, наоборот, с ней живут и умирают. Иначе говоря, национальная идея — это как судьба. Да, народ от эпохи к эпохе в чем-то меняется, но он не может меняться в самой своей сути. Точка. С другой стороны, нам подсказывают, что история народа и есть тот источник, который позволяет познать национальную идею. Да, это так. Но что нам ныне известно в качестве своего рода ориентиров для понимания существа национальной идеи России? Панарин А. С. пишет: «Мне представляется, что русская идея, в отличие от идей эпигонствующего западничества, содержит особый тип откровения, обращенный к опыту современности, включая продуктивную критику современности. Русская идея — это идея бытия, организованного вокруг идеала и получающего благодаря этому высокий духовный тонус — “цен-

ностную пассионарность”. Речь идет о просвещении, вырождающемся в декаданс. Вопрос состоит в том, как преодолеть декаданс, сохранив и умножив Просвещение. Эта проблема и решалась в русле русской идеи. Посттоталитарная Россия как “третья Европа” воспроизводит свою исконную ситуацию третьего Рима — ситуацию народа, которому предстоит отбить натиск декаданта, сохранив Просвещение». (Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. С. 247—249) То есть национальная идея России есть идея, исходящая свыше. Ее неодолимая сила в том, что ей все равно быть. Далее. Победа Просвещения над декадансом вне сознательного усилия всякого способного к тому лица невозможна будет. Поэтому *роль писателя сегодня как никогда ранее значительна и серьезна*. Но упование на так называемый индивидуальный успех ныне есть глупость непомерная. Почему? А потому, что наше спасение как спасение духовное есть дело исключительно коллективное. Или сегодня, сейчас никакого

примирения индивидуализма с коллективизмом уже не может быть в принципе. Почему? Да потому, что забота о воцарении больших смыслов — это исключительно коллективная (общественная) забота. Тем более что Запад ныне чувствует наступление национальной идеи России более, чем ее собственные властители. То есть политика Запада де-факто во многом имеет своей целью самую решительную нейтрализацию возможности осуществления Россией своей национальной идеи, хотя де-юре в открытую об этом нигде не говорится. Другими словами, мировые силы сегодня действуют в упреждающем порядке против самой России, как она есть. Только вот дело в том, что даже их активность служит объективно лишь обратному — ее воцарению в мире. Впрочем, само собой ничего не происходит, а значит, всякому русскому сердцу и уму предстоит большая работа, и чувства, и мысли. Какая, например? А такая, что, скажем, *писатель просто обязан писать книги о столкновении в каждом корысти, подлости с честью, совестью и подлинным достоинством человека*.

Евгений Раевский

НАМ ЛЖЕТ ЭПОХА

Нам лжет эпоха, мы эпохе лжем.
Как ложь опустошает нас и время!
Вредит само себе людское племя,
Мир языком изрезан как ножом.

Наивнице России не к лицу
Бездушье иностранных обновлений,
Мы золотому молимся тельцу,
Вкусив плоды своей российской лени.

Дешевый блеск дешевого вранья
Приводит к власти подлого героя,
И замерзает веры полынья
Средь льда демократического строя.

Вернитесь, люди, к подлинной Руси,
Патриархальной, искренней, свободной.
О Господи, спаси ты Русь, спаси
От лжи, от истерии инородной!

Владимир Бовкун

РЕЛЬС

(Р а с с к а з)

1

Я, Афанасий Павлович Рельс, 43 лет, дипломированный инженер, 21 сентября сего года во время утреннего чая в гостинице «Бристоль» услышал, что власти запретили тишину. Официально, под угрозой тюремного заключения.

Отставив чашку, я поднялся в номер, переоделся в чистое, проверил паспорт, заказал по телефону билет на ближайший рейс и такси до аэропорта. Затем, пройдя в ванную комнату, я уперся ладонями в края раковины и, низко наклоняясь, обильно сблевал. Вероятно, я был напуган. О сыне в тот момент я не думал. Категорически отрицаю подозрение о созревшем в тот момент каком-либо плане. Это настолько нелепое предположение, что оно смешно. Повторяю: о сыне я в тот момент не думал и о происходящем с ним не подозревал. Почему решил прервать командировку — рационального объяснения не имею.

Спустя десять минут консьержка, постучав, сообщила мне через дверь, что такси ждет внизу. Рассчитавшись за комнату, я покинул гостиницу.

Номера такси я, естественно, не запомнил. Могу с уверенностью сказать, что шофер был так же напуган, как и я, но по обыкновению простодушных нату, считал необходимым сердиться. Он всю дорогу не умолкал, мешая мне на чем-либо сосредоточиться. Ругал ли он правительство — не помню. Особых примет не заметил. При встрече опознать вряд ли смогу.

Считаю важным сразу разъяснить свои тогдашние убеждения. Политикой я, как всякий интеллигентный человек, интересовался достаточно: за тенденциями следил, голосовал. Тотальное Вещание принимал как неизбежность. Приверженцем какой-либо партии не являлся. Считал и считаю до сих пор важнейшими качествами государственного человека бескорыстие, порядочность и патриотизм. Однако во время предвыборных кампаний в силу общеизвестного профессионализма примеров примерял вышеперечисленные качества кандидатам, пользуясь исключительно интуицией.

Около 11 утра я поднялся по трапу самолета. Приблизительно в 13.30 приземлился. Во время полета ни с кем не разговаривал (спал). Около 14.30 подъехал к многоквартирному дому по известному вам адресу, в котором проживал до настоящих событий. Имею собствен-

ный автомобиль, оставленный мною перед командировкою на стоянке в аэропорту.

На газоне у дома я обнаружил отряд вооруженных людей в униформе, очевидно готовящихся к штурму. Оцепление, состоящее из муниципальной милиции, дать объяснения решительно отказалось и не пустило внутрь. Мне все же удалось добиться номера квартиры злоумышленников. Как вам известно, эта квартира оказалась моей. После легкого замешательства с обеих сторон я был препровожден в автобус с синими стеклами, оказавшийся импровизированным штабом.

Возможно, я потребовал разъяснений чересчур резко. Считаю это извинительным для сугубо штатского человека, предельно лояльного к власти, крайне щепетильного на протяжении всей жизни к законности каждого вдоха и впервые столкнувшегося с охранительной системой. По моему мнению, любой, даже самый уравновешенный мужчина способен вспылить, если сборище возбужденных, обвешанных оружием солдат на его глазах вознамерится атаковать его жилище, в котором должны находиться 19-летний сын, 10-летняя дочь и нестарая, вполне привлекательная еще жена.

Считаю ниже своего достоинства описывать последовавшую в автобусе сцену, замечу только, что в результате добился-таки от военачальников некоторого проблеска здравомыслия. Мне любезно остановили кровотечение и, залепив пластырем рассеченную бровь, отпустили домой. В качестве «переговоририка». Лиц офицеров не припоминаю, званий разбирать не умею.

Теперь я по крайней мере знал, что эти люди собирались предложить моему сыну, Алексею Афанасьевичу Рельсу, 19 лет, так называемый в народе «трояк». Я пытался выяснить происхождение информации, убедить в ее надуманности и невозможности. В последнем успеха не имел. А на предмет источника сведений мне было заявлено, что они, эти сведения (дескать, я должен различать!), «не доносчицкие, а от людей чрезвычайно порядочных, которые честно, по существу, были взволнованы, хотели предотвратить и дали информацию, чтобы заранее ориентировать в возможностях». Впрочем, думаю, что действительных подробностей стратегии из автобуса не имели. Они механически отрабатывали жалованье, игнорируя существование чего-либо за пределами своей компетенции.

Отперев дверь в свою квартиру, я обнаружил, что моя жена, Мария Михайловна Рельс (урожденная Верескова), 36 лет, ни о чем не подозревает. Более того, в этот критический момент она играет с дочерью, Аглаей Афанасьевной Рельс, 10 лет, в «дураки». Проигравшая должна мыть посуду, оставшуюся с обеда. Алеша даже не ночевал. С моим появлением их игра теряла смысл: посуду в доме мою я. Впрочем, это к делу не относится. Станцевав перед окном (к изумлению домашних) комбинацию условленных жестов, я дал обыскать квартиру людям в шлемах и маскировочных сетках. У жены пропали, прошу прощения, некоторые детали дамского туалета. Кроме этого исчезли все фотографии сына. Попутно была проведена процедура «трояка» с женою и дочерью. Каждая из них ответила отрицательно и приняла на руку отпущенный, причем Ласточка горько раз-

рыдалась, что ей, в общем-то, не свойственно. Впрочем, я слышал от знакомых о неприятном впечатлении, которое эта процедура производит на детей.

Насколько возможно успокоив семью, я отправился разыскивать Алешу. Как я уже неоднократно заявлял технику-дознавателю, я категорически отказываюсь назвать имена, адреса и приметы каких-либо третьих лиц, тем более знакомых моего сына. Подобные вопросы в свой адрес положительно считаю оскорблением. Вместе с тем небезосновательно предполагая в ваших сотрудниках врожденное непонимание гнусной сущности доноительства — прощаю и сатисфакции не ищу. Ибо не ведают, что творят, — как говаривал мой сын, кажется, что-то цитируя.

Признаюсь, в тот момент я был растерян. Моя семья, казавшаяся изученной, надежной и довольно инертной системой, внезапно стала загадочным устройством, каждый элемент которого непостижим и непредсказуем, а общая цель взаимодействий отсутствует в принципе. Вообразите, что дедовские механические часы на вашей руке взбесились и стали декламировать скабрзные стихи, а ремешок при этом — кусаться. Пускай они не перестали показывать время и крепко держаться на запястье, но ваше отношение к ним изменится совершенно точно. И, смею предположить, не только к ним, но и вообще — к самим основам мироздания.

Мои отношения с Алешей зиждились ранее, как я теперь понимаю, на некоем общепринятом обманчиво незыблемом фундаменте. Я просто знал, что у меня есть сын. Платил ему налоги, делал «козу», изредка читал на ночь. Устраивал ему футбол, лаун-теннис, восточную борьбу. Он безропотно волочился за моими представлениями о его нуждах, ни к чему, кажется, не привязываясь душою. Да, это я совал ему книги. Но был ли при этом хоть в чем-нибудь авторитетом — сказать затрудняюсь, особенно в свете известных событий. Многие находили, что он, взрослея, становится внешне похожим на меня. Вряд ли ему это льстило. Я же про себя чему-то радовался. Даже гордился. Не могу сформулировать чем.

Последние два-три года мы почти не общались. Мне приходилось много работать. Он, по-моему, не курил. Презирал ли он меня — не знаю, хотя с некоторых пор взял привычку разговаривать снисходительно. Надеюсь, что нет. В университет поступил совершенно самостоятельно.

Алеша всегда говорил тихо. Порою тише Вещания. Более ничего о своих отношениях с сыном вспомнить не могу.

Встретиться с ним в тот вечер мне не удалось. Вероятно, Алеша уже знал, что его ищут, поэтому домой не вернулся. Слежку за собою и домашними я, разумеется, обнаружил. Прошу объявить благодарность ипшону № 3, приставленному к Ласточке, который бескорыстно согласился переводить мою мечтательную дочь через бойкое шоссе в гимназию и обратно. В этом они нашли обоюдную пользу, воплотили, так сказать, идеал высоконравственного соглядатая, заключенный в гармонии исполнения должностных обязанностей с непосредственным благом объекта.

Вещание каждые два часа предлагало деньги за моего сына. Годился даже мертвый Алеша...

— Хотите, расскажу вам о себе? Хотите?

— Нет.

— Какой вы... Знаете, Рельс, мне иногда кажется, что последнее в мире сражение будет совсем беззвучным. Солдаты станут молча валиться на землю с удивленными лицами или мгновенно сгорать, словно спичечные головки, в своих наивных окопах. Мне почему-то жаль, что они, как в старые времена, не смогут заглянуть смерти в лицо, выказать мужество или хоть закричать... Забавно, я слышал, что им теперь дают не мундиры, а саваны; говорят, они должны привыкать быть убитыми еще с призывных пунктов... Смешно, правда? Как вы думаете, это вранье?

— Отвяжитесь, Гамлет. Я хочу дописать. А потом уснуть.

— Нас не сегодня-завтра расстреляют. Зачем вам спать? Это глупо, Рельс, перестаньте. Хотите, я вас развеселю? Мне по-дружески рассказывал мой техник-дознаватель: в связи с новым законом о тишине запрещены капюшоны, шапки с ушами, ватные шарики и серные пробки. Мотоциклетные шлемы и плавательные шапочки выдаются только при наличии удостоверения личности, под роспись. Милицию и дворников оснастили дистанционными датчиками тишины, регистрирующими отсутствие колебаний в определенном диапазоне на расстоянии до ста метров. Вам, как инженеру, это должно быть интересно. Но, представьте, власти столкнулись с неожиданной проблемой: упали доходы от туризма. Оказалось, что многие иностранцы приезжали к нам за тишиной, которая кое-где еще легально встречалась до закона. Ну, вы знаете, в церквях последних да отдельные интеллектуалы баловались...

— Гамлет, вы опять кого-то выдали?

— Разумеется. Чувство собственного достоинства, мой друг, не позволяет мне допустить к своему телу садистов. Я сам выше подобных удовольствий и стараюсь не доставить этой радости оппонентам. Если вы полагаете, что терять глаза, пальцы и вообще человеческий облик — цель существования мужчины, то извините. К тому же, покуда я нахожусь, так сказать, в неповрежденном состоянии, есть, как мне кажется, шанс, что меня не убьют впоследствии... Вы меня сбили с мысли, Рельс! Продолжу, если позволите. Для глухих от рождения организованы надежные стационары, вроде психиатрических. Потерявшие слух вследствие травм или заболеваний тщательно проверяются специальными комиссиями на предмет симуляции и сознательного членовредительства. Угадайте, кто в них входит? Конечно, техники-дознаватели! Кстати, им недурно стали платить. Но достойных мало, так мой говорит. Спрос ажиотажный, конкуренции никакой, два училища на страну, принимают прямо с улицы, чуть не со школьной скамьи. Сплошные дилетанты. Нам с вами еще повезло...

— Гамлет, утомитесь, я вас прошу.

— Не могу, дорогой мой. Если я замолчу хоть на мгновение, то завою от страха. У меня ведь с детства несколько чудовищных фобий. Справки подшиты к делу. При нынешних обстоятельствах, естественно, развился системный кризис, почти коллапс, а фармацевтической помощи нет. Возмутительно... Я сам от себя устал. Думаете, столько болтать — просто? Отнюдь. А когда вы на допросе, я, думаете, отды-

хаю? Нет, Рельс, я пою. Но вам лучше этого не слышать... Рельс, у вас снова кровь из глазницы. Сделайте что-нибудь, меня мутит... Я знаю, вы надеетесь, что, прочтя эти ваши листочки, они от вас отстанут. В ваши годы подобная наивность обескураживает. Вы же никого не называете! Так не может продолжаться. Если даже в вас пересохнет боль — *мой* говорит, что так бывает, — они привезут сюда вашу дочь. Мы долго обсуждали и пришли к выводу, что это вполне возможно. Свобода в опасности — вы должны понимать. Сволочи, правда?

— Гамлет, если не можете молчать — расскажите мне еще раз о сыне. Только не лгите, не добавляйте ничего от себя, прошу...

— С удовольствием. Однако же, как вам не стыдно, Рельс? Мы с вами здесь, образно говоря, на краю могилы, какая может быть ложь?.. Если честно, я его почти не знал. Но ту, единственно внятную встречу запомнил очень хорошо. Мы тогда искали контактов с молодыми христианами-ортодоксами, поскольку ходили разговоры о существовании среди них активной фракции, готовой бороться с оружием в руках. Впрочем, эти слухи оказались «уткой», с помощью которой оправдывалось применение солдат при облавах. Встретились на какой-то нейтральной квартире. Среди их депутации был и ваш сын. Я пробовал агитировать, играл на самых низменных чувствах, но эти дети — а они ведь дети, не старше двадцати! — оставались непреклонны. Металл! Поразительный контраст, должен заметить, с серийною молодежью. Без ложной скромности скажу вам, Рельс: я взвинчиваю юную аудиторию с легкостью паров этилового спирта. Даже быстрее. Но, вы же понимаете, мне нужны единомышленники, а не толпа. На этом этапе борьбы, по крайней мере... После моего выступления ваш сын взял меня за локоть и, глядя прямо в глаза, тихо так говорит: «Профессор, может, хватит насилия? Что толку в ваших взрывах? Мол, если даже Вещание в отдельных местах будет разрушено, то люди сами примутся петь, вопить и верещать, лишь бы не оставаться в тишине». Потому что тишина, сказал мне ваш сын, Рельс, я это запомнил, сама по себе стала для всех нас чем-то враждебным, противоестественным, вроде страдания или целомудрия. Дескать, люди давно, до всяких установлений, стали бояться тишины, а законы лишь отражают состояние душ. Ну и прочее... Я его спрашиваю: «Вы, юноша, вообще тишину слышали когда-нибудь?» — «Нет, — отвечает, — но, поверьте, обязательно услышу!» — твердо так... да вы, наверное, знаете, как он умел, без сомнений и колебаний. Я как-то понял, почувствовал, что мальчик очень чистый, искренний и никогда не причинит зла; что наши бомбы для него — это глупость, поза, экзальтация; что разговор с ним в моем смысле — бесперспективен...

— Зачем же вы его назвали, Гамлет?! Как вы могли... Уф... Простите, я не хотел... поклялся не спрашивать... Как-то вырвалось...

— Да зря вы это... Некрасиво. Поймите, наконец: мне каждый день приходится мистифицировать моего техника, озвучивая имена заправдавших людей. Надеюсь, меня хватит надолго. Как только я обновлюсь — меня начнут мучить. А потом убьют. Впрочем, нам с вами все равно друг друга не понять. Потому что вам, Рельс, плевать на мою судьбу. На самом же деле — моя фигура трагическая, неоднозначная, она неизбежно станет яблоком раздора для потомков. Поймите, Рельс, я отказываюсь от доступных общему пониманию предметов в пользу

метафизических элементов, не поступающих собою ради профанов. В этом мое величие и слабость. В этом весь смысл... Видите ли, история — совсем не беспристрастный судья. Надежды таких самоотверженных патриотов, как я, на правильную, однозначную оценку потомков почти никогда не оправдываются. Мнение в отечестве о своих героях обязательно делится, раздваивается спустя поколения... Не все меня поймут и с благодарностью примут...

— Нельзя ли вернуться к сыну?

— Да-да, разумеется... Хотя, собственно, уже и все. Еще пару раз наши пути случайно пересекались в университете. Потом случился наш взрыв. Диверсия, естественно, спровоцировала власти на окончательный запрет тишины. Начались полавальные аресты. Я тогда отчего-то был уверен, что меня репрессии не коснутся, поскольку исполнял лишь демагогические функции. Даже забавно теперь вспоминать. Статус, связи, публичность, мне казалось, чего-нибудь да стоят...

3

...Спустя два дня, 23 сентября, выйдя со службы, неподалеку от своей конторы я увидел Алешу, быстро шедшего мне навстречу по тротуару, с бледным усталым лицом, без шарфа (я всегда настаивал, чтобы на шее был шарф), глубоко засунув руки в карманы куртки. От неожиданности я остановился. Сыщик, следовавший за мною, пронзительно, как электричка, засвистел и, толкнув меня плечом, бросился на Алешу. Тогда я сжег мосты. Дав подножку соглядатаю, я подскочил к растерянному сыну и потащил его в боковую улицу. Организовалась погоня. Добровольцы чуть было не задержали нас на слепящем углу, у Дома офицеров. Один из них сильно ударил Алешу тростью по затылку. Мой сын, слабо вскрикнув, упал. Энтузиасты принялись его топтать. Я успел кого-то оттолкнуть, но вскоре лежал рядом на асфальте, закрывая голову руками. Кажется, собралось 5 или 6 негодяев. С земли я хорошо рассмотрел только одного: полного, в двубортном костюме, который методично бил моего Алешу лакированными ботинками в живот, целясь в пах и разъярясь от каждого промаха. Его челка намокла и прилипла ко лбу. Еще я запомнил двух женщин под зонтиками, которые, раскрыв рты, в каком-то безумном азарте таранились на нас поодаль, вздрагивая и хватая друг дружку...

Нас отбили три морских офицера. Я обязан здесь о них упомянуть. Иначе вы решите, что мой сын — отщепенец, последний порядочный человек. Ошибаетесь. Но больше о них — ни звука. Вам никогда их не найти. Ваш техник-дознаватель уже пробовал на мне щипцы, тисочки, медицинские иглы, скальпель и буравчик. Он позволил заглянуть в пенал — я видел еще отделения. Когда мне особенно кричалось, его зрачки стремительно росли. А так — у него обыкновенные глаза, рыжие, с искрою. Я никого не выдам. И покончим с этим.

Место, где мы с сыном провели вечер и ночь 23 сентября, указать не нахожу возможным по изложенным выше причинам. Разбитое лицо Алеши выглядело скверно, он с трудом дышал сквозь поломанные ребра, но крепился и шутил, чтобы меня подбодрить. Я не мог отделаться от ощущения, что разговариваю с незнакомцем.

Здесь нужно объясниться. Итак, что я знал на тот момент о христианах-ортодоксах. Довольно много, поскольку имею образование и не чуждаюсь общественной жизни.

Во-первых, Евангелие не приспособлено к современному миру и даже способно деструктивно воздействовать на человека, поскольку проповедует учение, отвергающее равенство религий, достижения цивилизации, а также утверждает в своих адептах этнические предубеждения. В частности, Евангелие выделяет негативную роль евреев, ставя, таким образом, целый народ в положение виновных изгоев.

Во-вторых, не запрещено христианство до сих пор лишь потому, что большинство сект рассудительно внесло коррективы в священные книги или влилось в постхристианский союз, где, в числе прочего, единство вероисповеданий, интеллектуальные достижения и роль еврейского народа переосмыслены в соответствии с современным положением вещей.

И в-третьих, последние ортодоксы, вроде Восточной Церкви, в силу малочисленности, разобщенности и финансовой слабости не представляют угрозы свободе, однако в случае дальнейшего упорства и нежелания слиться в радости единения всех конфессий могут явиться нежелательным примером успешного самостояния. В мои студенческие годы вопрос ликвидации Восточной Церкви считался делом решенным.

И все же формальный запрет даже на столь опасные архаические взгляды вступил бы в противоречие с фундаментальными положениями свободы. Как и вся интеллигенция, я бы первый категорически возражал.

В результате определенного напряжения мысли правительством был рожден простой, точный и теоретически обоснованный выход. Поскольку идеалом для каждого христианина по определению является земная судьба Иисуса Христа, то свободное общество должно предоставить гражданам возможность реализовать свои религиозные убеждения. Каждому, подтвердившему трижды в письменной форме («трояк») свои ортодоксально-христианские убеждения, муниципалитет в течение суток обязан предоставить помещение цирка, деревянный крест, гвозди и трех помощников из числа техников-дознавателей. Одновременно посредством Вещания объявить населению о предстоящем действе и сделать стоимость билетов возможно доступной. Все полученные средства, за вычетом накладных расходов муниципалитета, поступают родственникам ортодокса, а в отсутствие таковых — расходуются в благотворительных смыслах.

Разумеется, ни о каком принуждении речь не идет. Солдаты служат лишь некою страховкою в процедуре «трояка», поскольку логично предусмотреть у человека, стремящегося к саморазрушению, некоторые психические отклонения, а в группе подобных людей — потенциальную агрессию.

Однако каждый ортодокс в любой момент времени волен проявить благоразумие, отказавшись от своих взглядов. И даже может получить из специальных фондов известное вознаграждение, наметив круг лиц, стыдящихся свободно исповедать свою веру. Во избежание повторений подобного легкомыслия, а также корыстных инсценировок факт отречения фиксируется аккуратною монограммою на запис-

тые. Кстати, такие отписки выглядят довольно изящно и входят в моду среди интеллектуалов, свидетельствуя о романтических исканиях юности. После тщательного опроса всех, замеченных в склонности к христианству, ортодоксальная Восточная Церковь в своей легальной, публичной форме исчезла. Меченые ренегаты большей частью вошли в постхристианский союз.

Как видно из вышеизложенного, я был вполне осведомлен по этому вопросу. Считаю важным подчеркнуть тот факт, что моя семья всегда относилась к цирку с отвращением, а транслировавшиеся вещанием цирковые представления игнорировала по мере сил.

Я поинтересовался у сына, как его угораздило вляпаться в подобную историю. На это Алеша ответил, что связан обязательством, скрепленным словом и рукопожатием, поэтому обсуждать со мною детали не имеет права. Я спросил, понимает ли он, что будет дальше. Он спокойно ответил:

«Нас убьют. Вряд ли они тронут маму и Ласточку, но нас с тобой они убьют точно».

Я попросил не говорить ерунды и, осмотрев его повреждения, предложил выпастись, с тем чтобы утром действовать свежо и энергично.

«Давай лучше поговорим, — сказал мне сын, — мы же никогда с тобой не говорили. Кто знает, что будет завтра».

«Хорошо. О чем же?»

Алеша через боль улыбнулся:

«Наверное, если бы я предложил о Байроне или Босхе, ты бы все равно согласился. Но в нашем положении это было бы не очень уместно, правда?»

Я заметил ему, что являюсь «технарём» и все, что мне известно о поэзии и живописи, уместится на тетрадном листе. Для обстоятельной беседы явно недостаточно. К тому же мне было не до шуток:

«Там мать с ума сходит. Утром вернемся домой, пройдем через необходимые процедуры и все забудем как дурацкий сон».

Он спокойно ответил, что не вернется никогда.

Тут я, признаюсь, с собою не справился, вскочил и стал орать:

«Ты что, рехнулся?! Кто тебя спрашивает?! Ты о нас с матерью подумал?!» — и так далее в этом же духе.

Алеша ждал, пока я кончу, а потом заговорил совсем тихо, неприлично тихо, так тихо, что мне пришлось сесть к нему вплотную:

«Нам кажется, что мы научились не слышать Вещания, хотя, на самом деле, разговаривая между собою, просто кричим. Когда-то люди могли беседовать шепотом, представляешь?»

Я снова возмутился:

«Когда-то люди сидели на деревьях, придерживаясь хвостом. Тот, кто тебе все это рассказал, случайно не обратил внимания, что именно с помощью Вещания в нашем обществе реализована свобода? Свобода выражать свои мысли и слушать других. Согласись, это главное в жизни любого человека, если он, конечно, считает себя личностью. Ты знаешь, что я не большой поклонник Вещания, но, очевидно, другого пути нет».

Алеша посмотрел на меня с какою-то жалостью и тихо спросил:

«А я? А мои друзья? Если мы просто хотим побыть в тишине? Разве это не наше право?»

Он наивно считал, что на его вопросы не существует серьезных ответов. Но меня, как и всех нас, готовили к полемике с любым квалифицированным врагом свободы, не то что с очарованным юношей. Свой минимум инженера я когда-то сдал блестяще. Поэтому легко привел безукоризненную аргументацию учебника:

«Я не собираюсь тебя агитировать, — сказал я сыну, — но ты должен знать: тишина — это просто отсутствие звуков. Сама по себе она не существует. Как же можно уравнивать нечто мнимое со священным правом человека высказать свое мнение? Создавая тишину, ты совершаешь насилие, лишая **всех** возможности высказаться. Затываешь **всем** роты. Тем самым убивая свободу. Это страшно, сынок. Ты должен это понять, чтобы в будущем не совершать глупостей. А теперешнюю забыть навсегда» — так я ему сказал. И далее развернул классические тезисы необходимости тотального Вещания как высшей ступени эволюции свободы. Я решил, что именно Вещание является причиной его сумасбродства. Мне стало легче. Но я глубоко заблуждался.

Алеша поначалу вежливо сидел, отвернувшись и стиснув зубы, но вскоре (видимо, сказалась усталость) незаметно уснул.

Вследствие массы сильных, быстро сменявшихся и все нараставших в те дни впечатлений память моя может немного рябить, поэтому за точность передачи вышеприведенного разговора не ручаюсь. Но смысл его был именно таков...

4

— Вы что там, плачете, Рельс? В конце концов, я же не бесчувственная скотина: прошу вас, перестаньте хотя бы на время — я совершенно не в состоянии есть, когда рядом плачут.

— Вам показалось.

— Вот и славно. И все-таки, согласитесь, жизнь талантливый, но грубый сочинитель. Вроде самородка из бродяг. Ну посудите сами, сколь беспощадно и вместе с тем точно утрата вами глаза рифмуется с гибелью сына. А фамилия при этом может служить замечательной сквозной метафорой. Одиноким рельс — каково? — это же бессмыслица, нонсенс, ха-ха, — абсолютно бесполезная вещь... Вы там, случаем, не улыбнулись? Гм... Странный человек... Давайте назову врагам после обеда немного споем, а, Рельс? Помните «Гаудеамус игитур»? Не хотите... Вы сами-то, признайтесь, случаем, не христианин? Ваша непреклонность в известном смысле напоминает мучеников... Напрасно отворачиваетесь. Вы были бы, вероятно, недурным христианином. Вот мне, к примеру, нравится Шопенгауэр, но от своей воли я предпочитаю держать его подальше. С моим телосложением и одышкой мне за ним физически не поспеть. Я давно усвоил простую истину: человек принимает то учение, коему в состоянии следовать. Не более того. А потому обыкновенно вовсе не нужно гадать, ажет вам собеседник о своих убеждениях или нет. Достаточно повнимательнее взглянуть на его быт, отношение к друзьям, манеру обедать, разговаривать с женою и детьми. Вам вполне откроются его действительные философские взгляды и нравственные ограничения. А бывает наоборот, Рельс: внешний склад человека, его врожденный, если так можно выразиться, стиль явственно

говорит о духовной предрасположенности, тогда как суета или воспитание мешают ему прислушаться к себе и уяснить то очевидное, что давно ясно для внимательного наблюдателя. Вот к вам бы, Рельс, пошли строгие догматы христианства, у меня есть вкус, я в этом понимаю.

— Мой сын перед смертью исповедал Христа.

— Да-да, я знаю. А вот мне уже никак. Хотя было бы, хи-хи, неожиданно для многих... Впрочем, нет — мне бы все равно не поверили: слишком диссонирует с религией любви голос тринитротолуола... Может, все-таки покушаете? Мне обычно после еды становится немного легче...

— Нет, благодарю.

— Как знаете. Но я все равно считаю диверсии единственной достойной формой выражения протеста. По крайней мере, для интеллигенции. Иначе нас уже не услышат. Потому что Вещание делает свое дело: дети возрастают в быдло, а от быдла может родиться только быдло — и ничего более. Знаете, Рельс, эти чистенькие ортодоксальные христиане по своей сути крайние эгоисты. Хотя, как мне помнится, изначально тоже предполагали сделать людей лучше. Теперь же, когда для них созданы все условия самовыражения, они ушли от борьбы. Им, видите ли, Вещание совершенно не мешает умирать на индивидуальных крестах в улюлюкающих цирках! Но, позвольте, где же хваленая любовь к ближним? То-то! А ведь нынешняя государственная мерзость тоже выросла из светлых побуждений. Именно стремясь к общественному совершенству, люди и заболели Вещанием. Оно пожирает человечество стремительно и неуклонно, как проказа. Конечно, безобидный звуковой фон был всегда. Птички, насекомые, ветер в листве. Но потом, Рельс, человек стал жить в городах, придумал разносчиков газет и двигатель внутреннего сгорания. Шум усилился. Человек стал к нему доверчиво тянуться. Сам, заметьте! Чтение под музыку, еда под новости, работа за разговором. И в один лукавый день властям осталось только чуть усилить уровень фона, привычного для большинства, намертво его закрепить и взять под контроль содержание. А после — прибить на спины законом. Знаете, для *довециательного* человека, уж простите мне этот спорный термин, наша с вами, Рельс, спокойная беседа казалась бы сплошным криком. Отдельные наблюдатели утверждают, что за счет постоянного чрезмерного усилия голосовых связок шея среднестатистического человека становится толще. Такими рождаются дети, Рельс! Знаете, как это называется? Мутация. У здания правительства в день запрета тишины ожидалась беспорядки: пикет возмущенных книголюбцев и крестный ход блаженного пономаря. Все, Рельс, — наши правнуки будут похожи на диплодоков: маленькая головка без мозга на мощной вые. А за ритуальным огнем Вещания станут следить автоматические учреждения, в которых сейчас сменяют друг друга бледные самоотверженные люди. Я встречался с ними, Рельс, и скажу вам: они милы и элегантны в обхождении, но это настоящие фанатики, жрецы, ключевые фигуры государственной религии, имя которой — свобода...

— А мы с вами, Гамлет, по всему выходит, жертвы на ее алтаре.

— Бросьте иронию к чертям собачьим. Мы не жертвы, мы — опасные враги, поднявшие головы из болота. Ведь мы с вами, Рельс, как люди гонимые и с образованием, отлично понимаем, что власть лука-

вит. В том смысле, что хотя формально — тишина действительно есть ограничение чьего-то права на выражение мнения, но, на самом деле, это лишь казуистика, ширма, за которой все проще и подлее: определенные лица, не имея морали, сделавшись господами положения и владея средствами профанации любых идей, могут как угодно морочить публику. Власть нынче пустила в ход такие фокусы и вольты самодурства, которые ранее не прошли бы ни при каких обстоятельствах, поскольку на явные чрезмерности демос все-таки реагировал. Уверен, самым прозорливым такой результат был ясен с самого начала, ведь свобода жить в грязи не оставляет чистоте в перспективе ни единого шанса. Чистота — это всегда ущемление прав грязи, и когда шкурные вопросы похоти, подлости, корысти стало удобно объяснять «идеями», то «ревнителей свободы» стало противоестественное множество. Хотите пример? Каждому ясно, что человек, украдкой демонстрирующий ребенку срам, — мерзавец и растлитель, что его нужно ловить и наказывать. Но почему целая банда, тщательно готовящая и затем показывающая подобное тысячам детей, радостно зарабатывает деньги, пользуясь всенародною славой, завистью и всевозможными льготами? Не знаете? А я вам скажу. Потому что одним из результатов Вещания оказалось исчезновение авторитетов, как интеллектуальных, так и нравственных. Задыхаясь в звукоизвержении, люди более никого не слышат, слушать не желают и объективных суждений, следовательно, иметь не способны. Высшие достижения человеческой мысли, уравненные в правах и чередующиеся с глупостью, пошлостью, цинизмом, — абсолютно обесценились. Взрывать, взрывать и взрывать. Набат паники и неотвратимой смерти заставит перепуганных обывателей собрать в кулак остатки совести и рассудка...

Виноват, Рельс, я что-то разгорячился, но эти пункты как раз в основании моих претензий к властям... Впрочем, я бы, наверное, мог пойти на компромисс, если бы мне предложили. Жизнь мне кажется отсюда как-то важнее претензий... Но я, знаете, хочу сейчас подробнее остановиться на другом. Вы не обращали внимания на довольно странный факт: какая тьма существует всяческих «обществ по защите прав», но хоть бы один захудалый «комитет возрождения обязанностей»? Ведь, в сущности, право относится к обязанности, как отдых к работе, то есть приличный человек все же отдыхает, чтобы лучше трудиться, но не работает ради развлечений... Нет же, Рельс, проснитесь немедленно, я не закончил!

5

...24 сентября, проснувшись около 6-00, я услышал, как рушится мир вокруг нас с Алексеем. Ему приписали организацию взрыва, лгали о том, что он руководится в своих действиях неморальными соображениями, не чужд славы и амбиций, а напоследок лаконично итожили: поскольку Алексей Рельс является человеком крайне опасным, то действовать власть обязана решительно и беспощадно. Моя же роль выглядела скромнее: я лишь готовил сыну пути отступления и пытался убить офицера при исполнении им специальных обязанностей. Слушать о планирующихся мероприятиях я не стал. Медлить далее представлялось мне непозволительной глупостью; я злился на

себя за то, что накануне пожалел избитого Алешу и тем самым потерял целую ночь. Разбудив сына, я буквально не дал ему опомниться: принялся его одевать как маленького, приговаривая всякую всячину, затем дал напиток чаю и, едва дождавшись, нетерпеливо стал в дверях.

Но Алеша не трогался с места. Он заговорил, стараясь на меня не глядеть.

«Я, — сказал он мне, — уйду к нашим, в катакомбы. Ты можешь пойти со мною, папа».

Не помню, что я кричал, о чем вопил так, что в шкафу звенела посуда. Кажется, я даже встряхнул сына за плечи. Потом снаружи успокоился. Сел рядом. И сказал:

«Алеша, зачем откладывать то, что все равно придется сделать. Однажды вас поймают. Какой смысл тянуть, мучить мать, пропускать занятия в университете? К тому же пес знает, что еще в этих ваших катакомбах может случиться. Я понимаю — там друзья. Я допускаю, что они в чем-то правы, что я чего-то не знаю, что меня можно убедить. Но всегда нужно помнить, сынок, что любая истина — всего лишь вариант соединения простейших элементов. А прятаться, как зайцы, нам с тобою в любом случае не пристало.

Чего они там сидят, Алеша, — говорил я ему, — если они и вправду такие упорные, правоверные христиане? Колоды они трусливые, мыши...»

Он вскочил передо мною, сжав кулаки, и целое мгновение мне казалось, что Алеша сейчас на меня набросится. Но вдруг всплеснул руками, сел рядом на диван, закрыл ладонями лицо и, сутулясь, глухо заговорил:

«Разве так можно, отец... Ты же ничего, совершенно ничего не знаешь!.. Кто-то должен хранить святыни и пламя свечей перед образами. Кто-то должен крестить людей, папа».

«Насколько мне известно, это дело священников, — удачно, как мне показалось, парировал я, — но ты, сынок, надеюсь, не из их числа. Тебе-то что по целым пресмыкаться? Хватит, сын, идем. Устроим дома праздничный ужин, если мама нас раньше не прибудет».

Где-то в последних фразах, я заметил, он вздрогнул, а его глаза будто покрылись какою-то задумчивою пленкою. И вдруг бросился ко мне на грудь. Я так обрадовался, что ничего не заподозрил. Потому что, если честно, уже готов был принять самые жесткие меры. Алеша только попросил:

«Я боюсь их, папа. Ты же слышишь Вещание. Сходи к Андрею Александровичу, он тебе не откажет. Пускай поможет вернуться. Прости, я очень боюсь».

Я решил, что он прав. Я приказал ему никуда не выходить. Он обещал. Иначе я бы ни за что не оставил его одного. А напоследок Алеша проговорился, как найти его друзей. Я так торопился, что даже не обратил на эти его слова внимания. Просто механически запомнил.

Мысль обратиться к Андрею Александровичу Ридбергу, заместителю министра, моему однокашнику и близкому другу, приходила мне с самого начала. Мне, собственно, больше и не к кому было пойти с серьезными проблемами. Я верил в него, как в закон всемирного

тяготения. И имел случаи убедиться в его неизменности. Однако ранее мои просьбы носили малозначительный характер: контрамарки в оперу для жены или поручительство в банковском кредите. Ридберг был предан дружбе, но встречались мы все реже, поскольку он не женат, светски активен, круг его высокомерных сослуживцев и богемных содержанок мне чужд. К тому же в его респектабельной холостяцкой квартире живут два абрикосовых кота, крупных, мускулистых, с короткою и шелковистой шерстью, а я испытываю к домашним животным аллергическое отвращение.

24 сентября, ранним утром (около 8-00) я один, без предупреждения, отправился к нему домой, надеясь застать до отъезда в министерство. Порученец впустил меня в приемную, доложил, и, насколько мною не тяготаясь, продолжил с шофером обсуждение какого-то государственного мужа, который делами не занимается и поглощен всецело любовью, живя с женою другого государственного мужа, в силу чего этот другой государственный муж пользуется неограниченным влиянием, и тому подобное, носящее сугубый характер лакейских сплетен. К тому же из комнат вышли коты. Я заставил порученца повторно доложить о себе, требуя обратить внимание, что совершенно не имею времени ждать.

В юности я болел о судьбах мира, Ридберг — об игре в мяч. При этом зачастую именно он оказывался добрее, терпимее, деликатнее. Память вселяла надежду.

Он появился из комнат в пальто и перчатках. Обнял меня, как обычно:

«Сюрпризом, молодец. Приятно с тобою проститься. Люблю. К сожалению, труба зовет. Думаю, ты ничего другого от меня не ждал».

«У меня крупные неприятности...»

«Знаю, — перебил он меня. — Твой сын — ортодокс, ты помог ему бежать; вас ищут все, кому интересно повышение по службе или значительное денежное вознаграждение. Как только ты выйдешь отсюда, мой шофер оповестит кого следует. Задерживать не стану, поскольку не имею права рисковать собой, — жизнь моя принадлежит государству. Если, конечно, ты сам не пожелаешь мне сдаться. Кстати, это было бы оригинально...»

«Мой сын сказал, что нас с ним обязательно убьют...»

«Умный мальчик. Есть в кого. Прости, Рельс, мне нужно ехать. Дай напоследок обниму тебя еще разик. Небритьи какой, укол».

Порученец мялся у распахнутой двери. Шофер держал наготове телефонную трубку.

Я вышел на улицу.

В третьеразрядном ресторане «Милан» я взял столик за перегородкою, отделившей меня от остальных посетителей. Признаюсь, неожиданное предательство Ридберга меня всерьез озадачило. Я плохо представлял, в чем, собственно, дело, но пытался анализировать ситуацию. Рюмка водки не помогла. Жена, по моим предположениям, именно в это время должна была сойти с ума. Только я удерживал ее на грани безумия с того часа, когда она узнала про Алешу. Ласточка, как взрослая, самостоятельно плакала в своей комнате, и, пока я был рядом, Маша держалась. Но я исчез на целую ночь и до сих пор не вернулся. Впервые за всю нашу жизнь. Особенно меня угнетало то,

что я принципиально сомневался в правильности собственных действий. Да, я спонтанно помог сыну бежать. Но теперь, в безысходности положения и при наличии обоснованного беспокойства за судьбу жены и дочери, мысль о том, чтобы сдать, казалась мне по-прежнему единственно верною. Расправив салфетку, я схематически нарисовал себя и Алешу, преследуемых со всех сторон заштрихованными силами. Затем перечеркнул и поверх зачем-то написал ругательство. Салфетка, возможно, до сих пор находится в мусорной корзине у второго столика справа за перегородкою.

После этого я рассчитался за водку и услышал, что мой сын, Алексей Афанасьевич Рельс, сдался властям, трижды подтвердив ортодоксальное христианское вероисповедание. Праздник состоится 25 сентября в 10-00 на площади перед цирком. Цены на билеты умеренные.

Я знал, что к цирку мне ни за что не пробраться. Даже не стоило пробовать. Главное, потому, что я был обязан повидать друзей моего сына. Так решил Алеша: именно с этой целью он открыл мне их убежище. Да и сам я теперь очень хотел понять истинные вождения ортодоксов.

Я их видел. Я с ними разговаривал. Эти суровые люди, узнав, кто я, сделались просты и ласковы. До некоторой степени ознакомившись с их учением, скажу, что оно тщательно продумано, крепко выстроенно и способно без ущерба отражать последовательные нападки аналитического скепсиса или звериной жестокости. Вместе с тем конструкция принципиально немыслима в координатах современного мира.

Я шел к этим людям с четким намерением: если не обнаружу негодяев, соблазнивших моего сына, то вручу героям свою волю и честь. Но среди них я вдруг понял, что одного моего желания недостаточно, что мне не хватает некоего органа восприятия (возможно, атрофированного или больного) для постижения их Идеала, что попутчик или враг врага здесь будет совершенно не уместен. Да и вряд ли правильно считать героями верных рабов. Тем более, если Господин — Владыка Вселенной... Я ушел от них таким же чужим, каким остался для своего сына, умершего, признаю, за идею поистине нечеловеческой красоты. Пожалуй, ничего более величественного, нежного и безумного я в своей жизни не слыхивал.

На прощанье друзья моего сына сказали, что Алеша самый юный из мучеников за последнее время. Моложе только трое детей из семейства, распятого целиком в начале года.

Обстоятельства моего ареста приводить не вижу смысла — они достаточно хорошо известны. Скажу лишь, что бить мою сошедшую с ума жену на глазах у дочери было не обязательно. Если бы я мог что-либо подобное представить, я бы заранее покончил с собой.

Написаны мною эти беспомощные строки, в сущности, лишь с тем намерением, чтобы не исказилось происшедшее в глазах любого интересующегося лица. Органически не приемлю ложь.

Сожалею в жизни о двух вещах. Поздно узнал сына и не видел его смерти.

3 октября сего года. Показания записаны собственноручно.

Афанасий Рельс.

— Рельс, тогда зачем вы марали эти жалкие листы? Зачем, скажите? Чего вы добивались? Ну хоть намекните, киньте кость! Вы не боитесь, что это психоз? «С нахмуренным челом и волей непреклонной...» У меня стыннут зубы, когда пытаюсь представить, что они готовят вашей семье. Я не пугаю, в вашем случае это бессмысленно. Я просто начинаю думать, что вы нелепый, бестолковый человек. Или больной...

— Это не ваше дело.

— Так только кажется... Слушайте, у нас с вами какие-то опереточные соотношения, вы не находите? Противопоставление прямолинейной порядочности и прагматической изворотливости. Амплуа жонглеров. Ну хорошо, если хотите, давайте сменим тему. Последняя новость: в техники-дознаватели потянулись иммигранты. Вы же понимаете: государственная служба, твердый оклад, стремительная натурализация. Творческая работа с людьми. В свою очередь они имеют предложить новой родине энтузиазм, старательность, неприхотливость. Среди отечественных ветеранов, говорят, уже гуляет эпитафия:

Криво вам отрежут пальцы,
Неуклюже оскопят
Наши ловкие китайцы
Из проверенных ребят.

Ужасно, согласитесь. Абсолютная безвкусица. У этого общества не муза, а мужик какой-то... Вы изволите меня слушать по диагонали, как Вещание, Рельс?

— Простите. Раньше вас это не смущало.

— Я терпел. Но больше не могу — у меня дурные предчувствия, мне не даются отвлеченности... Короче, Рельс, я буду говорить с вами прямо и откровенно. В вашей власти меня спасти. Так мне сказали эти дегенераты. Сделайте доброе дело, Рельс, единственное, быть может, в вашей парикмахерской жизни. Расскажите мне то, что им надо.

— Отстаньте, Гамлет. Вы же знаете, что это невозможно.

— Ну, почему, Рельс, почему? Это же только ваш эгоизм, признайтесь, наконец! Вы не хотите помочь не ради тех малознакомых и, вероятно, вполне безразличных вам людей, но из одной сумасшедшей ненависти, из этого вашего животного упрямства, порожденного гибелью сына. Обратитесь же к разуму, Рельс. Вам готовы заплатить настоящую цену: они оставят в покое вашу семью. И быстро убьют вас. Но главное даже не в этом — вы, наконец, совершите химически чистый подвиг. Преодолев свой поистине разрушительный эгоизм, свое чудовищное упрямство, вы спасете человека от смерти. Конкретного человека. Не гипотетических мучеников, которые и без вас готовы сбросить жизнь, как дамские ботинки, а реального меня! Гоните свою самодельную совесть, Рельс, она вам лжет, чего она расселась! Спасите меня! Смотрите, вот... смотрите — я на коленях!..

— Прекратите истерику. Встаньте, пол холодный. Я ничего не могу для вас сделать, Гамлет. Мне искренне жаль.

— Да-да, я понимаю... Извините... Не сдержался, разнюнился. Знаете, я счел бы за высокую честь сесть на скамью подсудимых рядом

с вами. Но стоит ли говорить о чести, когда речь идет о собственной своей поганой шкуре?.. О, это, вероятно, за мной... Стойте-ка, куда это «вместе»? Я должен поговорить с администрацией... Нет, пустите руку!..

— Не спорьте с ними, Гамлет, будьте мужчиной. Иначе нас пристрелят прямо здесь. Идемте.

— Ну, хорошо, хорошо. Осторожнее, прошу! Все вам некогда... После вас, Рельс, — у меня ватные ноги... Какие ужасные переходы — я здесь ни разу не был. Слушайте, наверное, нас все-таки ведут пытаться. Или какой-нибудь блеф, провокация... Вы же важное знаете, Рельс, не так ли? Крыса, Рельс, смотрите, крыса! Я бы сейчас юркнул... Слушайте, какая длиннющая лестница. Похоже, нас пешком сведут в преисподнюю. Что вы им такое написали, Рельс?.. А я-то еще, болван, думаю: чего это мой техник так вдруг отчетливо заскучал. И не проврался ведь ни о чем, мерзавец!.. Ну что это вы, господа, это даже вовсе лишнее... Я протестую! Ладно, все — не деритесь... Я думаю, Рельс, это они вас хотят сломить. Инсценировка — можете быть уверены... Господи, здесь даже Вещания не слышно! Как говорил один мой друг, точность этих совпадений имеет силу доказательств. Ха, дудки я назову его фамилию! Нам все равно крышка... Скажите же что-нибудь, в конце концов, невозможный вы Рельс!

— Как тихо, Гамлет! Вы только послушайте, как тихо...

— Нет, Рельс, не хочу, не могу, не желаю! Это безобразие. Сколько можно стоять у этой дурацкой стены с завязанными глазами. Какой гадкий кирпич, холодный и щербатый, — потрогайте сами... Я слышу, как они нахально курят и смеются. С ума можно сойти. Не молчите, Рельс, я прошу, я умоляю вас...

— Хм... Признайтесь, почему вы — Гамлет? Ваша мама любила Шекспира?

— Нет. Это мою маму полюбил один букинист. А потом растворился в мировой литературе. Такой молодец. В результате я на всю жизнь Гамлет. Не совсем датский, совсем не принц. Устал, право слово. Даже знобит.

— Недолго осталось. И не говорите так длинно — можно не кончить мысль.

— Как вы думаете, Рельс, *там* что-нибудь будет?

— Если нет — я найду вас, так и знайте. Вам придется ответить.

— Это слишком сложная конструкция даже для меня. Давайте на всякий случай попросимся.

— Я вас уже простил, Гамлет. Кажется, я готов простить даже наших стрелков. Не тащить же к Алешке ненависть. Слышите команду? Мне что-то не по себе...

— Давайте вашу руку, Ре...

Март 2007 года
Дача Долгорукова

Е. С. Роговер,
профессор, доктор педагогических наук

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР НАТАЛИИ УЛЬЯНОВОЙ

Перед нами однотомика стихов Наталии Ульяновой «Солнечный парус» (2006), вобравший в себя лучшее из ее предшествовавших сборников «Глаза цветов», «Мгновенья истины», «Синяя птица», «Лик Тайны» и других. Попробуем подвести предварительные итоги сделанного поэтессой.

Лирика Н. Ульяновой поражает своей искренностью. Она прямо и недвусмысленно выражает те переживания, ту гамму чувств, которыми полна душа ее лирической героини.

Стихи нашего автора полны всегдашнего ожидания встречи. Этот мотив проходит через многие миниатюры. Но, может быть, особенно явственно он звучит в стихотворении «А я все жду тебя...», где это признание открывает каждую строфу, а последнюю еще и завершает. И вероятно, только глухой или наделенный остывшим сердцем может не услышать этого внятного призыва и не увидеть этих протянутых рук, истосковавшихся по ласке.

Лирическая героиня Ульяновой томится от невыносимого одиночества, но она исключительно активна в борьбе за свое счастье. И в прошлом ее «душа принимала бой», и в будущем она обещает несмирение: «Из глубины веков восстану я!»

В стихотворении «Одинокий лист», имеющем астрофическое построение, мы наблюдаем нагнетание чувств лирического персонажа. Им оказывается осенний лист, оторванный от своих собратьев и несомый ветром. Вспоминаются известные лермонтовские строки: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...». Здесь листок тоже бесприютный и гонимый. Но если у Лермонтова у обреченного на скитания листка печальная участь существа, лишенного пристанища, то у нашей поэтессы иное художественное решение темы. Ее листок в итоге своих блужданий находит себе достойное применение: его поднимает прохожий и прижимает к груди, награждая бережливой лаской. А последний стих своевольно нарушает найденный размер и устремляется куда-то на вольный простор, словно прохожий, который выходит на широкий проспект города.

Стихотворение «Паланга» передает смятение чувств. Вроде бы пейзаж городка и тенистые аллеи парка предрасполагают к душевному спокойствию и умиротворению. Но в душе лирической героини царит настоящий хаос, ибо здесь нет того, к кому она тянется с огромным напряжением душевных сил. Оттого-то и шум прибоя, и синь неба представляются ненужной и чуждой бутафорией. Заметим, как этот хаос отражается в структуре стихотворения. Первая строфа — катрен; вторая — трехстишие; третья состоит из пяти стихов. К тому же в этой последней строфе совсем иной синтаксис, бесчисленные повторы слова «мгновенность» и вопроса «зачем», восклицания... Форма здесь

адекватна содержанию. Возможно, это соответствие родилось случайно, может быть, по наитию. Но объективно в стихотворении при всей его внешней бесформенности наблюдается поразительное единство мотива и построения, содержания и формы.

А вот «Вспомни Балтийское море», наоборот, отличается редкостной стройностью. Каждый из пяти катренов как бы накатывается один на другой, как волны неумолимого и ритмичного морского прилива, который непременно сменится столь же целесообразным отливом.

Наталия Ульянова умеет подчинить все стихотворение доминирующему настроению, которое ощущается в каждой строке. Так, в миниатюре «Зачем поверила я в чистоту...» каждое из четырех двусиший выдержано в одном лирическом ключе и заключает в себе вопросительную интонацию, синтаксически обозначенную соответствующими знаками вопроса и многоточием недоговоренности:

Зачем поверила я в чистоту
Бездонных глаз?
Зачем я приняла за простоту
Безликость фраз?

Повторяющееся «зачем» в начале каждой фразы отражает требовательную настойчивость героини и решительность ее расспрашиваний, но в то же время и некоторую женскую растерянность, поскольку некоторые из фраз обращены ею к самой себе и завершены многоточиями. И только последний стих, словно горестный всплеск чувств, не подчинен общему ритму и выбивается из единообразных звучаний: он в два раза длиннее аналогичных строк, завершающих двусишия, и наряду с вопросом заключает в себе восклицание.

Тем не менее вопреки звучащему мотиву одиночества поэзия Наталии Ульяновой очень светлая, обнадеживающая, вселяющая веру в благополучие будущего. Поэтому в ее стихах отнюдь не чужеродным кажется слово «оптимизм». Это вовсе не означает, что автор стихов не знает печали, бед, «что выпадают нам». В ее художественном мире эти беды и тревоги подавляются и поглощаются в радужном сиянии веры — веры в добро и любовь как неискоренимые основы бытия. Поэтому она вправе воскликнуть:

Что мне ночные кошмары,
Как встарь я люблю лебедей!

Нетрудно почувствовать, как здесь белизна побеждает крошечную тьму, как статика опустившейся ночи сменяется динамикой птичьего полета.

Наталия Ульянова умеет находить запоминающиеся выразительные образы, не прибегая к словесным изыскам и пользуясь самыми простыми словами. В качестве примера приведу такие строки:

Я вижу след, оставленный тобой,
Еще не залитый водою талой.

Прощаясь с крымскими горами, лирическая героиня поэтессы выражает им свою признательность не только за то, что они открывали ей просторы, «возносили высоко», но и за то, что

Подносили синь морскую,
Словно чашу на пиру.

А в другом случае она подметила, как «выбросилась память из окна...». Этот образ тоже отличается своей экспрессией.

Поэтесса наделена острой зоркостью зрения, вниманием к деталям, которые оказываются для иных незаметными. Так, она подметила, например, пылью на носу своего приятеля, нюхавшего цветок, увидела, что зайцы на заснеженные поля выбегают босиком, а также то, что у рыси в темноте горят глаза.

Используя повторы слов, Н. Ульянова иногда достигает большого художественного эффекта. В стихотворении «Заговор» она несколько раз предваряет строки словом «заговорила», варьирует его с родственным «говорила» и поддерживает их неоднократным повтором слова «бабушка», благодаря чему у читателя рождается ощущение некоего монотонного заговора, произносимого пожилой женщиной, верующей в силу заклинаний и оберегающей внуку от всевозможных напастей.

В лирике Н. Ульяновой нельзя не увидеть богатого воображения автора и многообразия фантастических построений. Удивительные сказочные здания высятся в этом поэтическом пространстве, стремительно летит опять-таки сказочная синяя птица счастья, все явления приобретают некое превышение обычных объемов, очертаний, свойств. Поэтому просто красивое здесь выглядит прекрасным, а злое — ужасным. Все несется, пестрит, преобразается, как в детской трубке радостного калейдоскопа. «Калейдоскоп» — так называется одно из стихотворений нашей поэтессы.

Ульянова чутка к краскам земного мира. День у нее плачет «серебряным дождем», а порою отмечен «сияньем голубым»; имя у друга васильковое, а роса — изумрудная; ночи синие, а поля зеленые; ракушки — бело-розовые, а вишневые деревья — белопенные. Слух поэтессы тоже отличается обостренностью. Она улавливает мелодии города и слышит, как «музыка души на клавиши ложится».

Наталия Ульянова щедро пользуется поэтической символикой. Красное яблоко в одноименном стихотворении, безусловно, является не обычным атрибутом стола, а олицетворением Солнца, света, льющегося из рук друга, ото всей его фигуры. Может быть, не случайно в ткани этой лирической миниатюры так много слов-символов, пишущихся с прописной буквы: Солнышко, Сердце, Душа. Не суждено героине вкушать сладостного счастья, несомого солнечным светом этого красного яблока. Более того, оно в силу неведомых обстоятельств становится даже «яблоком раздора». Но зато оно навек запечатлелось в благодарном сердце женщины.

Поэтесса не любит растянутых в выражении лирического чувства стихотворений. Напротив, ее привлекает миниатюра, где словам тесно, но мысль обретает свою емкость и подчас афористичность. Такова миниатюра, состоящая всего лишь из двух двустуших, которые мы приведем полностью, чтобы читатель смог в этом убедиться:

Открыто сердце, словно вынуто,
И на ладошках лежит.

А в море солнце опрокинуто —
Не светит больше, не горит.

Здесь достигнут тот превосходный лаконизм, когда расшифровки и комментарии к поэтической мысли не требуются. Совершенно ясно,

что открытое сердце кровоточит, извлеченное из своей естественной среды. И столь же понятно, что природа аккомпанирует переживаниям человека по законам психологического параллелизма. Солнцу ведь нечего пребывать в зените и ярко гореть, когда исстрадавшая женская душа и сердце не получает привычного импульса для своего биения. Поэтому солнце, как мы увидели, не просто медленно опустилось за горизонт, а «опрокинуто», чтобы в морской пучине погаснуть.

Стихотворение «Ну и что! Что встретились поздно...» вновь покоряет своей неподдельной искренностью. Ничего, что здесь не выдержаны ни строфика, ни рифмы. Но зато в нем улавливается четкий ритм, подчеркнутый повтором родственного мотива, восклицаниями, анафорическими «чтобы» и «чтоб» и заметной симметрией первой и последней строк, состоящих из шести стихов.

Ритмическая организация строк ощущается и в стихотворении «Я вас ждала». Она обнаруживается в частом обращении к тому, кто обманул надежды лирической героини, и в повторяющихся эпифорах (ждала... ждала... ждала) на конце ряда строк.

Очень часто очертания жизни и ее повседневной атрибутики предстают перед поэтессой нечеткими, размытыми, в некоей дымке. Это оттого, что нередко перед ее глазами стоит «пелена тугая», как сказано в одной из ее миниатюр. Может быть, именно оттого наиболее постоянным образом ее поэзии является мираж, а слово это — одно из самых частотных.

В лирике автора «Солнечного паруса» имеются две устойчивые темы: Пушкин и Петербург. Им преданно верна поэтесса, она варьирует эти темы, и не случайно в ее стихах мы находим отдельные отзвуки пушкинской лирики, например стихов о царскосельской девушке с кувшином, хотя интерпретация этих мотивов и образов у Наталии Ульяновой своя. Столь же не случайно в стихах о Петербурге возникают глухие переключки с лирикой Анны Ахматовой, которая много писала о нашем городе.

Присутствие мотивов и интонаций Ахматовой ощутимо, например, в стихотворении «Просто стану больше брать работы». Оттого здесь возникают внутренние цитаты из произведений автора «Поэмы без героя»: «времени ускорить бег», «мне прибавится работы», «в кулаке зажму мечты свои».

Некоторые стихи Н. Ульяновой удачно окрашены фонетически. В стихотворении «Прозрачный перезвон колоколов...» строки выдержаны на монотонном звучании упорного «о» и «у» (*перезвон колоколов; тоской всю душу; звоню сквозь глубины веков*). Этот настойчивый громкий звон передает безысходную боль, поселившуюся в груди женщины. Но опять-таки эта и иные боли преодолеваются поэтессой, которая неизменно утверждает радость жизни и ее торжество.

Читать стихи Наталии Ульяновой интересно, увлекательно и поучительно. Они углубляют наше видение жизни и представления о характере остро чувствующей и неординарно думающей личности, духовно богатой и по-человечески значительной.

*Доброго Вам пути в поэзии и новых свершений,
Наталия Федоровна!*

Стихи Наталии Ульяновой

В парке

Безмолвны тихие аллеи
В пустынном сумраке ночном,
Белеют статуи старинны,
И слышен лишь фонтана звон.

Он вытекает из кувшина
По капле медленно всегда,
И у разбитого сосуда
Живая девушка видна.

Она сидит здесь два столетья,
Окаменела уж давно,
И оживает в полнолунье,
И бродит в парке затемно.

г. Пушкин

* * *

Сегодня я видела:
Падали звёзды,
Падали звёзды
Потухших комет
Светлыми лицами
В мягкий снег.
И снег становился
От жара паром,
И мне казалось,

Теперь... недаром
Распустятся здесь
По весне цветы
Совсем чужой,
Неземной красоты.
Яркие звёзды
Падали в снег,
Потухшие звёзды,
Несущие свет.

* * *

Уже уходит золотая осень,
Природа вся застыла в полусне,
Небес пронзительная просинь
Вновь вдохновение посылает мне.

И я пишу о радости мгновенья,
О единенье Сердца и Души,
О силе слова и прикосновенья
В века ушедшей Пушкина Души.

* * *

Трава ещё полна росой,
И роща дышит ароматом,
Запела птица в вышине,
И трели нам слышны далёко.

Не стоит ворошить траву:
Она ещё не распрямилась,
Она хранит тепло души
И бирюзовый цвет рассвета.

* * *

Потрясенья не будут суровы,
И звезда не закроет нам путь.
В телескопы увидим снова
Свет Галактик, несущихся прочь.

Мы природе так жадно внимаем
И потрогать руками хотим.
Из воды мы вновь свет извлекаем
Проникаем в глубь пирамид.

Кривое зеркало

Истоки мудрости давно
Покоятся в большом сосуде.
И правду-истину одну
К обеду подают на блюде.

Притворство — это не порок,
А ложь предшествует спасенью.
Кривое зеркало одно
Собой являет отраженье.

Но если вдруг когда-нибудь
В большом старинном, светлом зале
Откроет крышку кто-нибудь,
И Мудрость к нам на свет проглянет:

Она растопит лёд вокруг,
И чёрное вдруг станем белым.
А Истина лишь вступит в круг,
Где вырастает постепенно.

Она заполнит всё собой
И всё возьмёт в свои объятья.
И трудно будет лишь узнать
Ответ на наши воспрятья.

* * *

Смотали нитку всю в клубок,
Где прежде полотно вязали.
Стремясь всю нитку подобрать
Её до срока размотали.
Она свивается в клубок
И чашу жизни оплетает.
Узором катится моток
И нитку, как змею, свивает.

* * *

Цветы, цветы...
И эти травы, что под ногами у меня
Слегка примялись,
И неба синь, что так бескрайна, глубока
Зовут меня к себе:
Пройтись по звёздам тайным
И насладится воздухом иным.

* * *

Как много храмов в этом граде,
Разноязычных и чужих:
Собор и кирха, синагога...
Как много здесь людей иных!
Они со всей страны селились,
Из весей чуждых, городов,
Они в наш град всегда сходились,
Как в дом, что у семи ветров.
А храмы так тут и остались,
Как памятник всех прошлых дней,
Напоминая о награде
Исчезнувших порой людей.
Господь всегда необъясним
Пусть храмов много... Он един.

Снова в городе осень

Снова в городе осень. С утра
Дворник листья метлою сметает,
Словно лета мечты подбирает,
Упорхнувшие чьи-то слова.
Снова в городе осень и дождь
Умывает деревья и стёкла,
И вода прибывает в реке уж с утра,
И бессильны, бессильны запоры.
Снова город окутан зимой,
Мирно падает свет фонарей.
И снежинок приходит черёд
Быть сметёнными с тротуара.

Сонет

Позволь сонетами Любви и Света
Мне жажду творчества и Духа утолить.
Позволь мне полностью испытать
Блаженства и Любви святую чашу.

Дай прикоснуться к Духу твоему,
Почувствовать прерывистость дыхания.
Дай прикоснуться к Сердцу и Уму
И ощутить живительный огонь признанья.

В потоке Света возрождается Душа
И с каждым днём становится всё выше.
Искрится Солнце в переливах дня.
И сила Жизни мне даётся свыше.

И поднимаясь в поднебесья выси,
Благодарю Творца за силу мысли.

* * *

Сомненье может быть в веках,
И никому ведь не под силу
Вопрос тот разрешить тотчас,
Что мыслит сфинкс и что едино.

Как будто в пропасти платок
Я пролетаю бесконечно,
И где окончен тот полёт,
И где начало в бесконечность?

* * *

Придет волшебный этот миг,
Миг упоенья, миг удачи,
И воссияет наш закон,
Он как звезда над всеми нами.

Пройдёт совсем немного лет,
И я узнаю бесконечность
Что значит лезть, что значит мечь,
Что значит время и беспечность.

Свет, добро, мечта и радость
Все объединилось вновь.
Ты узнаешь счастье — радость
И свет жизни всей — любовь.

* * *

Отжило прошлое давно
И все мечты уже умолкли,
И флейты звук не слышен боле,
И замер мысли сей полёт.

Нам не дано увидеть вновь
Рассвет, закат и зори над рекой,
Молчанье Фив и рокот исполина
Давно звучат над нашей душой.

Сила Вечности

О, Сила Вечности! Ты бесконечность!
Как ощутить великое могущество Твое?
Чтоб мысли вновь летели в Вечность.
Давая время творчество явить своё.

Раскрыть весь ум, слагая знаки в слово,
И открывая людям звездный путь, иной,
Мне не забыть бы поклониться Тебе снова
За исчисления Вечности Земной.

Земная Вечность! Дай ещё мгновенье
Весь путь мной пройденный глазами обозреть
Изведать сердцем Времени веленье
Увидеть всё и всё постичь суметь.

В. В. Петров, Г. Б. Егоров

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ВОСПОМИНАНИЙ ЮРОВСКОГО

Многие исследователи считают воспоминания, которые оставил Я. М. Юровский об убийстве царской семьи, вполне надежными и достоверными источниками информации. Так, известный исследователь Л. А. Лыкова, в частности, пишет: «... несмотря на ряд противоречий “Записки” Я. М. Юровского, которые носят частный характер, суть изложенного, фактические события в деталях, повторены им в дальнейшем, в других его документах. “Записка” — документ, составленный руководителем расстрела и захоронения царской семьи Я. М. Юровским и записанный видным советским историком М. Н. Покровским на основе устного рассказа» (1). Но здесь Л. А. Лыкова имеет в виду только одно из воспоминаний Юровского, а именно документ, в исторической литературе известный под названием «Записка Юровского». Л. А. Лыкова, хотя и с оговорками об их частном характере, указывает на «ряд противоречий», имеющих в «Записке Юровского». В рамках данной статьи необходимо сказать о том, что к воспоминаниям Я. Юровского следует относить не только упомянутую «записку», но и текст его выступления на совещании старых большевиков в Екатеринбурге 1 февраля 1934 года и некоторые иные документы с его авторством. Причем сведения, содержащиеся во всех этих источниках, следует изучать в комплексе.

В данной статье приводятся результаты анализа текстов, авторство которых в литературе считается принадлежащим Я. Юровскому. Тексты анализировались как в сравнении между собой, так и в сравнении с другими источниками. Полученные результаты не

позволяют нам полностью разделить приведенное выше мнение уважаемой Л. А. Лыковой.

Можно начать статью с одного, как нам представляется, весьма яркого примера. Я. М. Юровский в своей «Записке» повествует о моменте после расстрела, когда начался перенос тел расстрелянных в грузовой автомобиль. «Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, который был выстлан сукном, чтобы не протекала кровь. Тут начались кражи, пришлось поставить 3 надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.).» (2). Здесь сразу же возникает вопрос. А кого Юровский привлек для исполнения выноса тел? Людей, которые сразу же занялись мародерством, и только угроза расстрела заставила их вернуть похищенное. Хорош же подбор кадров для деятельности, требующей сохранения сугубой тайны. Встает вопрос, а по каким критериям Юровский предварительно отбирал этих людей. Нигде в документах Юровский об этом не упоминает. Но данное соображение для нас отнюдь не является основным. Гораздо интереснее другое. А именно, что было возвращено все похищенное («золотые часы, портсигар с бриллиантами и т. п.»). Об этом же обстоятельстве сообщает, например, М. А. Медведев (Кудрин): «Я попросил Филиппа и шофера постоять у машины, пока будут носить трупы. Кто-то приволок рулон солдатского сукна, одним концом расстелили его на опилки в кузове грузовика — на сукно стали укладывать рас-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

стрелянных. ... Замечаю, что в комнате во время укладки красноармейцы снимают с трупов кольца, брошки и прячут их в карманы. После того, как все уложены в кузов, советую Юровскому обыскать носильщиков. ... На столе в минуту вырастает горка золотых вещей: бриллиантовые брошки, жемчужные ожерелья, обручальные кольца, алмазные булавки, золотые карманные часы Николая II и доктора Боткина и другие предметы» (3). Вроде бы все изложенное непротиворечиво. Так и предстает перед глазами группа мародеров, пытавшихся присвоить царские драгоценности, но вовремя остановленных бдительными Медведевым (он же Кудрин) и Юровским. Тогда рассмотрим другие данные. В личном дневнике императрицы Александры Федоровны имеются следующие записи: «4 июля. Четверг. ... Двое человек затем заставили нас показать все наши драгоценности, которые мы имели с собой, и затем переписали их детально и забрали у нас (куда, насколько, почему? не знаю). Оставили мне только два моих браслета, которые я не могла снять, и детям по одному браслету каждой, которые мы дарили и которые нельзя было снять, не забрали также обручальное кольцо Н., которое нельзя было снять» (4) (Н. — Николай II. — *Авт.*). «5 июля. Пятница. ... Коменд[ант] пришел с нашими драгоценностями, в нашем присутствии их запечатал и оставил на столе и будет приходить каждый день, чтобы удостовериться, что мы не вскрывали пакет» (5). Имеется и другой опубликованный вариант записей в дневнике императрицы Александры Федоровны: «Екатеринбург. 21 (4[июля]). Июнь. Четверг. ... Оба они заставили нас показать им все наши драгоценности, которые были надеты на нас, и младший из них подробно переписал все, и их взяли у нас (куда, на какое время, зачем? не знаю), только оставили мне два браслета от д<яди> Лео, которые не снимаются у меня, и по одному браслету у детей, которые мы им подарили и которые не снимаются, как не снимаются и обручальные кольца

Н<иколая>. ... Они унесли все наши ключи, которые им были оставлены от ящиков в холле, но обещали вернуть их» (6). События другого дня в этом источнике также описываются императрицей Александрой Федоровной: «Екатеринбург. 22 (5[июля]). Июнь. Пятница. ... Провела день, как обычно. Коменд<ант> пришел с нашими драгоценностями, запечатал их при нас и оставил их на нашем столе; будет приходить каждый день и проверять, не распечатали ли мы пакет» (7). Авторы комментариев к дневникам императрицы Александры Федоровны, содержащихся в указанной книге, привели следующий текст: «Оба они заставили нас *показать им все наши драгоценности...* (выделено в тексте книги. — *Авт.*) — Я. М. Юровский писал в воспоминаниях: „При ознакомлении с арестованными мне бросились в глаза ценности, которые находились на руках как у Николая, так и у его семьи и у прислуживающих [...]“. (Отточие в тексте книги. — *Авт.*) Считая, что оставлять ценности на руках небезопасно, так как это может все-таки соблазнить того или другого из охраны, я решил на свой страх и риск ценности, находящиеся на руках, отобрать. Для этого я пригласил с собой помощника коменданта тов. Никулина, поручил ему переписать эти ценности; Николай, а также дети громко своего неудовольствия не выражали. Он только просил оставить часы Алексею, так как без них ему будет скучно. Александра Федоровна же выражала громко свое неудовольствие, когда я хотел снять с ее руки золотой браслет, который был одет и закреплен на руке и который без помощи инструмента снять было невозможно. Она заявила, что 20 лет носит этот браслет на руке и теперь посягают на то, чтобы его снять. Принимая во внимание, что такие же браслеты были и у дочерей и что эти браслеты особой ценности не представляют, их оставил. Переписав все эти вещи, я попросил шкатулку, которую мне Николай дал, сложив туда вещи, опечатал комендантской печатью и передал на хранение самому Николаю. Когда

я приходил на проверку, которую я установил, Николай предъявлял мне шкатулку и говорил: «Ваша шкатулка целая» (Юровский Я. М. Указ. соч. С. 109) (8). Судя по тексту книги, источником цитаты Юровского явилось следующая публикация: Юровский Я. М. Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача // Источник. 1993. № 0. С. 109—111» (9). Вот еще вариант воспоминаний Юровского: «... на руках у них, когда я пришел, оказалось много ценностей. Увидев это, я внес предложение вышестоящим товарищам сделать общий обыск их вещей, но почему-то с этим не согласились, тогда я собрал только то, что было на руках. Все отобранное я сложил в их же шкатулку, опечатал и оставил Николаю на хранение. Ежедневно на утренней проверке он был обязан эту шкатулку предъявлять. С производством обыска, вероятно, не согласились потому, во-первых, что *таковой был произведен раньше* (выделено нами. — Авт.) ...» (10). Сам Николай II также отметил в своем дневнике события, связанные с личными драгоценностями семьи: «21 июня. Четверг. Сегодня произошла смена комендантов — во время обеда пришли Белобородов и др. и объявил, что вместо Авдеева назначается тот, кот. мы принимали за доктора, — Юровский. Днем до чая он со своим помощником составляли опись золотым вещам — нашим и детей; большую часть (кольца, браслеты и пр.) они взяли с собой» (11). «23 июня. Суббота. Вчера комендант Ю[ровский] принес ящичек со всеми взятыми драгоценностями, просил проверить содержимое и при нас опечатал его, оставив у нас на хранение. ... Ю[ровский] и его помощник начинают понимать, *какого* (выделено в тексте книги. — Авт.) рода люди окружали и охраняли нас, обворовывая нас. Не говоря об имуществе — они даже удерживали себе большую часть из приносимых припасов из женского монастыря. Только теперь, после новой перемены, мы узнали об этом, пот. что все количество провизии стало попадать на кухню» (12). Какими же мотивами мог руководствоваться Я. М. Юровский,

требуя от членов царской семьи драгоценности, описывая их и возвращая в опечатанной емкости для хранения семье же? Наиболее рациональное объяснение — исключить возможность подкупа охраны, на что прямо и указал сам Юровский. Но остается вопрос. А почему же этого не опасался прежний комендант Авдеев? И почему Юровский подозревал такую возможность? Ведь попыток подкупа охраны Ипатьевского дома со стороны царской семьи до 4 июля 1918 года не было зафиксировано. Самый простой ответ: «Новая метла чисто метет». В том плане, что Я. Юровский решил организовать дело охраны гораздо лучше, чем это было при коменданте Авдееве. Все же следует помнить, что самый простой ответ не всегда самый правильный. Но нам более интересен другой аспект изъятия драгоценностей. Судя по приведенным выше сведениям, практически все драгоценности царской семьи находились в опечатанных: пакете, согласно дневнику Александры Федоровны; ящичке, согласно дневнику императора Николая II, шкатулке, согласно сведениям Я. Юровского. Так какие же драгоценности могли снимать с трупов красноармейцы после расстрела, если практически все они были изъяты у Романовых еще 4 июля и не могли быть ни у них на руках, ни в их одежде? Скорее всего, многие ценности ко времени расстрела уже были украдены охраной в период до 4 июля 1918 года. Остальное, находящееся у заключенных дома Ипатьева на руках, почти полностью было опечатано. Драгоценности, спрятанные в предметах, находящихся в сарае, к моменту расстрела для заключенных были недоступны. В момент расстрела у царской семьи были только следующие ценности: браслеты у Александры Федоровны и дочерей, а также обручальное кольцо у Николая II. У слуг также не могло быть «серьезных» драгоценностей. Последние также должны были быть помещены Юровским в шкатулку 4 июля 1918 года вместе с царскими драгоценностями. Данное положение следует из анализа воспо-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

минаний Юровского, если только им поверить. Следовательно, никаких драгоценностей, кроме отдельных незначительных, после расстрела на трупах не могло быть. По крайней мере, драгоценностей, которые могли быть обнаружены при поверхностном осмотре. Следовательно, никаких ценностей мародеры с трупов в период их выноса на грузовик похитить не могли. Поэтому эпизод о краже драгоценностей с трупов после расстрела выглядит явно неправдоподобным. По нашему мнению, данный эпизод был специально введен в текст воспоминаний Юровского в целях придания дополнительной правдоподобности событиям, описываемым как имевшие место в действительности. Возможно, что именно в аспекте приведенной нами логике анализа действовали заинтересованные лица и в конце 1920-х — начале 1930-х годов, в результате чего события в выступлении Юровского 1 февраля 1934 года стали выглядеть иным образом: «Когда унесли первые трупы, то мне, точно не помню кто, сказал, что кто-то присвоил себе какие-то ценности. Тогда я понял, что, очевидно, в вещах, ими принесенных, имелись ценности. Я сейчас же приостановил переноску, собрал людей и потребовал сдать взятые ценности. После некоторого запирательства двое, взявшие их, ценности вернули. Пригрозив расстрелом тем, кто будет мародерствовать, этих двоих отстранил, и сопровождать переноску трупов поручил, насколько помню, тов. Никулину, предупредив о наличии у расстрелянных ценностей. Собрав предварительно все, что оказалось в тех или иных вещах, которые были ими захвачены, а также и сами вещи, отправил их в комендатуру» (13). Здесь по сравнению с текстом «Записки Юровского» мы видим полное отсутствие конкретности при описании похищенных с трупов драгоценностей, которые были возвращены мародерами. И еще один важный аспект. В доступных для изучения литературных источниках нам не удалось обнаружить списка драгоценностей, помещенных

Юровским в опечатанную шкатулку 4 июля 1918 года. Отсутствие такого списка возможно объяснить двумя причинами. Первая причина. Я. М. Юровский, после расстрела, что называется, «под шумок», присвоил все эти драгоценности. В калейдоскопе событий перед эвакуацией Екатеринбурга современникам трудно было понять, кто из охраны, сколько и чего похитил и похитил ли что-то вообще. Но эта причина по ряду соображений представляется нам крайне мало вероятной. Вторая причина, на наш взгляд, гораздо более серьезная и имеющая самое непосредственное отношение к расследованию дела об убийстве семьи Романовых. Нельзя исключить, что список этих драгоценностей мог во многом совпасть с перечнем драгоценных предметов, обнаруженных в ходе следствия Соколова на местах бывших костров у «заброшенной шахты». А такое совпадение сразу же поставило бы под большой вопрос и достоверность выводов следователя Соколова, и достоверность сведений в «Записке Юровского», и достоверность сведений в последующем докладе Юровского на совещании 1 февраля 1934 года. Очевидно, что к 1934 году отмеченные нами несообразности по поводу якобы похищенных с трупов сразу после расстрела драгоценностей уже стали понятными «заинтересованным лицам». Вероятно поэтому эпизод с мародерством и приобрел в докладе Юровского 1 февраля 1934 года именно такое, измененное по сравнению с «Запиской», звучание.

Кроме уже разобранных нами выше эпизода о мародерстве драгоценностей сразу после расстрела, мы считаем необходимым разобрать еще ряд эпизодов, приведенных в различных воспоминаниях Я. М. Юровского.

Анализ целесообразно начать с «Записки Юровского», как считается, относящейся к 1920 году. Вот начало ее текста. «16 июля была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержавшая приказ об истреблении Романовых. 16-го в 6 ч. веч. Филипп Голощекин предписал привести приказ

в исполнение» (14). При чтении этого отрывка сразу возникает ряд вопросов. Почему приказ пришел не из Москвы, а из Перми, ведь прямая телеграфная связь с Москвой на тот момент еще не была прервана. При этом остается непонятным, какое лицо могло в Перми отдать такой приказ, адресованный в Екатеринбург. Кто был адресатом этого приказа, то есть кто его должен был получить, понять, о чем идет речь «на условном языке», и кому его передать для исполнения? Из каких источников Юровский узнал о том, что телеграмма была не на обычном русском, а «на условном языке»? Далее. Если приказ был «на условном языке», то по крайней мере убийство императорской семьи было предусмотрено заранее и о возможности убийства должны были в Екатеринбурге соответствующие лица знать также заранее. Следовательно, они должны были знать заранее о том, что необходимо будет куда-то девать трупы и подготовить захоронение, а не заниматься сплошной импровизацией после расстрела. Соответственно уже заранее в Екатеринбурге должны были подготовить казнь. Далее, если не предусматривалось захоронение, то должны были подготовить иной способ избавления от трупов. То есть заранее подготовить либо шахты для сокрытия тел, либо место и способ сжигания тел, либо какой-то еще способ их ликвидации. Ничего этого не было сделано. Из того факта, что поступивший извне приказ об убийстве подлежал безусловному исполнению, ставится под сомнение целесообразность всех предыдущих дебатов в Екатеринбурге о судьбе царской семьи и поездок в Москву к Свердлову за санкцией на расстрел. Почему именно Филипп Голошкин предписал привести приказ в исполнение, но не указал, чей же это приказ? Интересным является и следующее обстоятельство. «В рукописи Покровского слово “телеграмма” заменено на “телефонограмма”. И во всех других копиях фигурирует слово “телеграмма”» (15). Существенное исправление. Откуда Покровский мог знать такую подробность и почему

нигде у других авторов слово «телефонограмма» не встречается? Кто, в чей адрес и в какой форме, на условном языке или нет, должен был доложить о выполнении приказа либо о препятствиях для его исполнения? Если «приказ об истреблении» поступил «из Перми на условном языке», то логичнее всего направить отчет об исполнении этого приказа также в Пермь и также «на условном языке». А об этом никто из авторов нигде не написал.

«Тем временем были сделаны все приготовления: отобрано 12 человек (в т. ч. 5 латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 из латышей отказались стрелять в девиц. ...Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты» (16). Здесь нужно заметить следующее обстоятельство. Если 12 или 10 человек «с наганами» начнут стрельбу в замкнутом пространстве небольшой комнаты, то уже при первом залпе они ощутят сильную боль в ушах от акустического воздействия выстрелов и на длительное время потеряют слух. Кроме того, боезапас наганов или иных систем существовавших тогда револьверов и пистолетов при интенсивной стрельбе будет исчерпан не через «две-три минуты», а гораздо раньше, через 10—20 секунд. Вот характеристика револьвера системы нагана образца 1895 года, который был в то время на вооружении. «Калибр 3 линии (7,62 мм), ...длина ствола 114 мм, 7 зарядов...» (17). Семь зарядов револьвера системы наган как раз и вполне можно было расстрелять всего за 10—15 секунд.

«Удивительно было и то, что пули наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсажа» (18). Можно заметить следующее. Если, как утверждает Юровский, рикошетирующие пули «как град прыгали по комнате», то часть из них с неизбежностью должна была попасть в кого-то из самих стрелявших и ранить их.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

«Проехав Верх-Исетский завод, верстах в 5 наткнулись на целый табор — человек 25, верховых, в пролетках и т. д. Это были рабочие (члены совета, исполкома и т. д.), которых приготовил Е[рмако]в. Первое, что они закричали: “Что же вы нам их не живыми привезли?!” Они думали, что казнь Романовых будет поручена им» (19). Напрашиваются следующие соображения. Зачем Ермакову понадобилось собирать такое большое количество народу глубокой ночью в лесу в пяти верстах от дальней окраины Екатеринбурга, причем в полной темноте июльской ночи. Ведь чем больше народу, тем меньше секретности. Причем гораздо проще было собрать этот народ ближе к окраине Екатеринбурга. Почему собранные в лесу «человек 25» думали, что казнь Романовых будет поручена только им и только на этом месте либо на маршруте дальнейшего следования? Для каких, собственно говоря, целей Ермаков «приготовил» этих «рабочих», да еще в таком количестве? Ведь «человек 25» с учетом людей, везущих трупы на автомобиле, и самого Ермакова являлись явно излишним количеством народа.

«Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут обнаружилось, что на Татьяне, Ольге и Анастасии были надеты какие-то особые корсеты» (20). Первое, на что сразу же обращаешь внимание: карманы. Какие карманы можно найти на женской одежде, в частности на платьях, мы не знаем. А ведь из числа расстрелянных 6 человек были женского пола. Согласно утверждению самого Юровского, карманы у мужчин уже ранее были вполне очищены мародерами сразу после расстрела. Далее по этому эпизоду можно заметить следующее. Из написанного следует, что на Марии не было «особого корсета» либо же ее труп вообще не раздевали. А если не раздевали труп Марии, то по каким мотивам ее труп был исключен из числа раздеваемых? При этом если все присутствующие «начали очищать кар-

маны», то из числа каких людей назначили часовых, которые могли бы воспрепятствовать этому процессу?

«В лесу отыскивали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото) глубиной аршин 3,5. В шахте было на аршин воды. Командир распорядился раздеть трупы и разложить костры, чтобы все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отгонять всех проезжающих» (21). Здесь нам представляется следующее. Если нашли шахту, чтобы захоронить все трупы в ней, то зачем было начинать сжигать одежду трупов около шахты? Уж одежду можно было отвезти с собой и сжечь вполне надежно где-нибудь в печах. Если трупы хотели сжечь, то для чего было необходимо все трупы раздевать, даже трупы слуг? А если трупы хотели «опустить в шахту», то есть спрятать в шахте, то зачем вообще было предварительно раздевать все трупы? Насчет женских трупов можно объяснить, что искали зашитые в одежде бриллианты. Но в одежде мужчин ведь ничего и не было. Так что раздевать трупы мужчин никакой необходимости не было.

«Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На А. Ф. оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно. Бриллианты тут же выпарывались. Их набралось (т. е. бриллиантовых вещей) около полупуда. Это было похоронено на Алапаевском заводе, в одном из домиков в подполье, в 19 г. откопано и привезено в Москву. Сложив все ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а самые трупы опустили в шахту» (22). Здесь, кроме уже приведенных соображений в отношении сжигания одежды, можно заметить и еще одну особенность. Зачем все обнаруженные драгоценности было необходимо закапывать «в подполье», если их можно было без всяких проблем в том же июле 1918 года отвезти в Москву?

«...а самые трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина) было обронено, а при попытке

завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части — этим комендант объясняет нахождение на этом месте белыми (которые потом его открыли) оторванного пальца и т. п. Но Р<омано>вых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения» (23). Из начала текста явно следует, что «Записка» была составлена после ознакомления ее автора с материалами расследования Н. Соколова. Данное обстоятельство прошло мимо внимания большинства исследователей. А это очень любопытно. Зачем было Юровскому использовать материалы Соколова, если он писал сугубо свои воспоминания? Ссылки на то, что Юровский мог знать эти сведения в 1919 году по своей работе в екатеринбургской ЧК, вряд ли основательные. Откуда, от каких свидетелей раскопок 1919 года на заброшенной шахте, например, он мог в 1919 году, после освобождения Екатеринбурга от «белых», узнать, что обнаруженная вставная челюсть, о чем мы уже писали выше, принадлежала именно Боткину? Далее. Если бы трупы внутри ствола шахты были повреждены в результате взрывов гранат, в частности, от них были бы оторваны какие-то фрагменты, эти «некоторые части» должны были увидеть те, кто 18 июля 1918 г. извлекал трупы из шахты и погружал их на телеги. Да и при осмотре шахты представителями следствия в 1919 году должны были быть обнаружены эти части, а не только один палец. Если шахта для трупов «заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения», то тогда зачем было пытаться обрушить шахту путем забрасывания ее гранатами? И на какой же период времени в таком случае предполагалось поместить трупы в шахту с учетом того факта, вроде бы уже достоверно известного исполнителям, что «падение Екатеринбурга было делом дней».

«Телеги с лошадьми без кучеров были взяты из тюрьмы. Рассчитывали

выехать в 11 ч. вечера — но инцидент с чекистом задержал, и к шахте, с веревками, чтобы вытаскивать трупы и т. д., отправились только в 12,5 ч., ночью с 17 на 18-е. ... Между тем рассвело (это был уже третий день, 18-го). Возникла мысль часть трупов похоронить тут же у шахты, стали копать яму и почти выкопали. Но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин — и выяснилось, что он мог видеть яму. Пришлось бросить дело. Решено было везти трупы на глубокие шахты. Так как телеги оказались непрочными, разваливались, ком. отправился в город за машинами (грузовик и две легких, одна для чекистов)» (24). Здесь мы можем отметить достаточно много странностей. Весьма странными выглядят «непрочные телеги». Выходит, когда их взяли из тюрьмы в Екатеринбурге, они были «прочными». Пока на них ехали ночью 16,5 версты по плохой дороге до заброшенной старательской шахты, они были «прочными». А когда появилась необходимость везти трупы от шахты, эти телеги вдруг все одновременно стали «непрочными» и «разваливались». И вдруг появилась необходимость срочно ехать в город за несколькими автомобилями. Интересно, что это за неисправности такие и «непрочность» в одно и то же время возникли сразу у всех ломовых телег. Да еще такие, которые повлекли за собой необходимость ехать в город за автомобилями, а не починить телеги подручными средствами тут же на месте у шахты.

Но известно и выступление Я. М. Юровского на совещании старых большевиков, состоявшемся 1 февраля 1934 года в городе Свердловске (на тот период бывший, а теперь нынешний Екатеринбург). Текст этого выступления заставляет также провести его углубленный анализ.

Начало выступления выглядит следующим образом. «Т. ЮРОВСКИЙ. Предварительно несколько замечаний. То, что я здесь расскажу, увидит свет через много лет. Я могу в материалах, которые даю для Уральского Истпарта подробно остановиться на моментах,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

которые немногим известны, о которых никто не рассказывал или не расскажет и рассказать не может потому, что одни умерли физически, другие политически» (25). Здесь Юровский явно выставляет себя как единственного носителя истины в последней инстанции по вопросу о расстреле царской семьи. Он намекает, что никого другого не нужно слушать по данному вопросу. Это настораживает. Понятно, что умершие физически уже никому и ничего не расскажут. Из его слов выходит, что все те, кто знает что-либо и еще не умер физически, являются «умершими политически». Но почему нельзя слушать «умерших политически»? Очевидно потому, что из смысла сказанного Юровским они априорно не правы. И еще. Юровский одновременно убивает второго зайца, заранее наклеивая политический ярлык тем лицам, кто может сообщить что-то, резко расходящееся со всем, что он сообщил на собрании в отношении обстоятельств гибели царской семьи. Как раз все они и станут сразу же «умершими политически», если несанкционированно расскажут любые сведения, касающиеся обстоятельств, связанных с расстрелом царской семьи. Останавливает на себе внимание употребленный им оборот «не расскажет и рассказать не может». Юровский также, очевидно со специальной целью, не персонифицирует умерших как «физически», так и «политически». Вообще, вся эта цитируемая фраза сформулирована в весьма изящной форме, которая вряд ли была доступна самому Юровскому, имевшему очень незначительное образование.

«То, что я буду говорить, поскольку это исходит от меня, как от бывшего коменданта дома особого назначения (в период 4 — 19 июля 1918 г.), получает силу документа. До революции в ряде стран Европы оглашение этого прямо или косвенно ничего кроме вреда принести не может. ... Вот почему я считаю совершенно необходимым предупредить всех участников данного нарочито узкосозванного собрания запомнить, что все это ТОЛЬ-

КО ДЛЯ ИСТОРИИ (выделено в книге. — *Авт.*). И без ведома ЦК этот материал использован быть не может, и никому не по секрету, не архисекрету не рассказывать и, выйдя отсюда, сейчас же забыть о нем» (26). Мы можем прокомментировать все написанное так. Весьма оригинальный подход. Всегда и всеми считалось, что лучший способ сохранить сведения в тайне — никому их не рассказывать. Если у Юровского возникло желание сохранить все свое знание «ТОЛЬКО ДЛЯ ИСТОРИИ», то нужно было составить подробный документ и сохранить его в архиве под грифом строго ограниченного доступа. Как это якобы произошло с его «Запиской». Рассказывать что-либо участникам, хотя бы и «нарочито узкосозванного собрания», не лучший, а, наоборот, один из худших способов сохранить тайну. Если же Юровский и другие так озаботились правильностью рассказов в книгах и на экскурсиях в музей Революции г. Свердловска, то, учитывая, что все равно «правильный вариант» нельзя оглашать, нужно было попросту запретить все эти и экскурсии и книги. А письменный «правильный вариант», как уже было сказано выше, надежно спрятать в спецхране. Более простым объяснением «необходимости» этого собрания была задача относительно открыто проинструктировать каких-то определенных участников собрания, одного-двух, ну и других тоже, врать единообразно, «как по нотам». И вместе с тем обеспечить ограниченную утечку «правильной», точнее, «необходимой» каким-то лицам, информации. Имеется в виду необходимость не столько «правильной» информации как таковой, а необходимость ее утечки в ограниченных размерах и в определенном направлении. Юровский также не указывает ни одной из стран, где должны произойти революции, только после которых можно оглашать приводимые им сведения. И вообще, непонятно, почему публикации всего сообщенного им препятствует отсутствие революций в «ряде» этих самых неназванных «стран Европы»? Что особенно страшного он

сообщил по сравнению, например, с общим числом жертв Гражданской войны в России и тому подобным? Никто из исследователей «Записки Юровского» и его выступления в Свердловске 1 февраля 1934 года не проанализировал эти материалы с точки зрения: а что уж такого секретного для старых большевиков Свердловска он сказал. Ведь практически все сказанное им уже давным-давно было известно и в Европе, и в СССР. Ведь о вреде расстрела царской семьи для имиджа Советской России предупреждали немецкие должностные лица еще за 16 лет до этого, в 1918 году. Только «захоронение под мостиком из шпал» было неизвестно в Европе. И только сведения об этом «ничего кроме вреда принести не может»? Неужели оглашение сведений о месте захоронения царской семьи могли «перевесить» в глазах Европы, например, отказ большевиков от выплаты «царских долгов»? Юровский также обошел молчанием вопрос, а кому именно «оглашение» может принести вред: Союзу ССР как государству, Правительству СССР, Обществу старых большевиков, участникам расстрела Николая II, самому Юровскому, другим неназванным им лицам? В феврале 1934 года призывы со стороны Юровского скрывать эти сведения выглядят очевидно чрезмерно запоздалыми, да еще с учетом сообщения о гибели всей царской семьи, опубликованного в ленинградской «Красной газете» в конце декабря 1925 года.

Проведенный анализ воспоминаний Я. М. Юровского позволяет нам прийти к некоторым кратким выводам.

1. Воспоминания Я. М. Юровского, оформление которых относится к различным периодам, являются во многих своих моментах взаимно противоречивыми. Кроме того, там описываются события, которые, по логике их развития, не могли происходить в действительности либо могли происходить, но с иной фабулой, нежели та, которая описывается.

2. Представляется, что истинным автором воспоминаний является не

Я. М. Юровский и не академик Покровский, а некое третье лицо или же лица. При этом формирование воспоминаний происходило путем их «подгонки» по отношению к уже известным к тому времени материалам следствия Н. Соколова.

3. Весьма вероятно, что свое выступление на совещании старых большевиков 1 февраля 1934 года, если таковое вообще имело место в действительности, Я. М. Юровский читал по заранее написанному для него другим лицом тексту. А в этот текст были внесены исправления по отношению к тексту «Записки Юровского».

Разбору причин, которые, на наш взгляд, вызвали необходимость составления различных вариантов воспоминаний Юровского, мы посвятили отдельную статью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 104.
2. Там же. С. 277.
3. Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале.) — Екатеринбург, 1993. С. 127.
4. Там же. С. 100.
5. Там же. С. 100.
6. Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г.: Сб. документов. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 251 — 252.
7. Последние дневники императрицы... С. 254.
8. Там же. С. 253.
9. Там же. С. 253.
10. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Выпуск VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие. 1919—1922 гг. — М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский архив», 1998. С. 425—426.
11. Дневники императора Николая II. — М.: Орбита, 1991. С. 683.
12. Там же. С. 684.
13. Российский архив... С. 431.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

14. Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве... С. 276.
15. Там же. С. 93.
16. Там же. С. 276 — 277.
17. Жук А. Б. Революеры и пистолеты. — М.: Воениздат, 1983. С. 35.
18. Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве... С. 277.
19. Там же. С. 277.
20. Там же. С. 277.
21. Там же. С. 278.
22. Там же. С. 278.
23. Там же. С. 278.
24. Там же. С. 279.
25. Российский архив... С. 419.
26. Там же. С. 420.

В. В. Петров, Г. Б. Егоров

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ? КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

В литературе существуют два основных взгляда по вопросу об убийстве Николая II, членов его семьи и слуг. Согласно первому взгляду, организаторами убийства были центральные власти Советской России. По персональному составу организаторов расстрела среди приверженцев этого взгляда имеется несколько течений. Авторы, разделяющие эти взгляды, упоминают в числе основных организаторов В. И. Ленина, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкого, иногда И. В. Сталина. В зависимости от приверженности к тому или иному течению первого взгляда авторы относят к организаторам одного или нескольких лиц из приведенного списка. Если указанных лиц два или больше, то в зависимости от взглядов авторов ранжируются их места в плане того, кто «играл первую скрипку» в принятии решения о расстреле, а кто вторую, и т. д. Согласно второму взгляду, решение о расстреле было принято на уровне руководства «Красного Урала» в Екатеринбурге, а центральные власти в Москве были лишь уведомлены в последующем о факте расстрела.

В числе организаторов и участников расстрела фигурируют иногда личности, о роли которых вообще мало кто слышал. Так, например, А. В. Маслов пишет буквально следующее: «Иван Лысов более категоричен:

“...По логике вещей, исполнителем воли Троцкого в его решении расправиться с Есениным мог только Лев Сосновский — чекист и личный доверенный сперва предреввоенсовета, а затем и наркомвоенмора Троцкого, организатор убийства 16 июля 1918 года в подвале дома Ипатьевых в Екатеринбурге последнего русского императора Николая II его семьи и прислуги, “картофельный журналистик” и личный враг великого поэта» (1). В данном случае мы выделяем сведения о Л. Сосновском как об организаторе расстрела царской семьи, а не как об убийце С. Есенина.

Приверженцы обоих взглядов базируются в основном на материалах следствия Н. Соколова периода 1919—1924 годов, а также на материалах воспоминаний лиц, позиционирующих себя как участников расстрела и последующего захоронения останков расстрелянных. Некоторые исследователи особо выделяют среди материалов документ, известный в литературе как «Записка Юровского». Остальные материалы, противоречащие этому документу, ими, что называется, «отмечаются с порога» либо принимаются с оговорками. Причем в качестве исходной точки отсчета правдивости любого документа используется именно «Записка Юровского». Но до настоящего времени отсутствует четкий ответ на уже давно поставленный во-

прос о том, кто являлся истинным организатором убийства Николая II. «До сих пор остается дискуссионным вопрос: кто был инициатором решения о расстреле царской семьи — Москва или Екатеринбург? ...До сих пор исследователи указывают на то, что не обнаружены два документа — приказ Москвы о расстреле царской семьи и постановление Уралсовета о казни Николая II» (2).

В настоящей работе нами сделана попытка исследовать вопрос убийства Николая II, членов его семьи и слуг с иной точки зрения. Мы можем процитировать одного весьма известного ныне писателя-историка: «Правильный ответ начинается с правильно сформулированного вопроса. Этому меня научили в славном Куйбышевском авиационном институте — за что, пользуясь моментом, я хочу еще раз поблагодарить наших преподавателей. Выражаться столь же афористично я пока не научился, поэтому сформулирую свою мысль довольно длинной фразой: нежелание задавать правильный вопрос часто свидетельствует о нежелании (или боязни) услышать правильный ответ» (3). Попробуем и мы «задать правильный вопрос» для получения ответа на него.

Прежде всего в качестве ориентира мы выбрали исходное положение о том, что было совершено преступление. Собственно говоря, ничего нового в таком исходном положении нет. Данный ориентир был исходным и для следователя Соколова, а еще ранее и для других лиц, проводивших предварительное следствие по «царскому делу». В практике сложилось правило, что в самом начале расследования любого преступления необходимо поставить вопрос, сформулированный еще древнеримскими юристами: *qui prodest* (с *лат.* — кому выгодно?). Ответ на этот вопрос позволяет выдвигать обоснованные версии о мотивах совершения преступления, а также о личности преступника, что в последующем резко облегчает его поиски. Вторым исходным положением будет мотив убийства, который обычно тесно связан с первым положением. Вряд

ли кто-нибудь из исследователей будет опровергать сложившееся уверенное мнение, что имело место убийство по политическим мотивам. По крайней мере, в доступной для изучения литературе не удалось обнаружить данных, опровергающих упомянутый мотив. Встречающиеся в литературе отдельные упоминания о возможном ритуальном характере убийства с соответствующими мотивами (4), во-первых, в настоящее время не находят никаких убедительных подтверждений, а во-вторых, с известной долей условности, также могут быть отнесены к взглядам о политических мотивах убийства.

Если рассматривать российские события июля 1918 года в самом широком плане, то мы можем присоединиться к мнению, высказанному В. Г. Августинovichем: «В наше время стало модно задавать вопрос: “Когда началась Вторая мировая война?” с намеком на “Пакт Молотова — Риббентропа” как событие, инициирующее эту войну. Не говоря о всем известном Мюнхене-1938, обратимся к серьезным исследованиям на эту тему. Современная точка зрения (И. Валлерстайн) на мировые конфликты такова, что период 1914—1945 гг. — это очередная “тридцатилетняя” война за мировую гегемонию, в данном случае между Англией и Германией» (5). Очевидно, что екатеринбургские события июля 1918 года вполне возможно рассматривать в контексте указанного взгляда на глобальный мировой конфликт между Германией и Англией.

Рассмотрение вопроса об убийстве царской семьи следует начинать с подробной оценки ситуации, сложившейся в стране к июлю 1918 года.

Общая обстановка в Советской России к уже к началу июня 1918 года для большевиков была близка к катастрофической. Восстание чехословацких войск, начавшись 25 мая 1918 года, быстро охватило огромные территории в Поволжье и далее за Уралом вплоть до Приморья. Повсеместные восстания и мятежи политического свойства переплетались с резко возросшей общеуголовной преступностью. На этом

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

фоне постоянно возникали все новые фронты и очаги боев с «белыми» армейскими формированиями.

В марте 1918 года был заключен Брестский мир, который точнее было бы обозначить как безоговорочную капитуляцию России перед Германией и остальными государствами, входящими в блок Центральных держав. Брестский мирный договор сразу же «вывел» Россию из числа великих держав и поставил ее на положение второстепенного государства, фактического сателлита Германской империи. Идеологический разброд в обществе значительно усугублялся тяжелейшим экономическим положением в стране. Вследствие «Брестского мира» Россия потеряла обширнейшие территории, в частности Украину, с основными посевными площадями, запасами полезных ископаемых и промышленными предприятиями. «К 8 мая Германия заняла и Финляндию, ... захватила Крым, а туркам помогла двигаться к Баку. 27 августа (1918 года. — *Авт.*) она навязала России новый договор, по условиям своим являющийся экономическим Брестом» (6). Политические и экономические последствия Брестского мира были чрезвычайно тяжелы для РСФСР (7). Возникает интересная ситуация, которая прошла мимо внимания многих авторов. В июле 1918 года Германия не смогла «навязать» Советской России свой план введения на территорию Москвы одного немецкого батальона для защиты своего посольства. А уже в августе, спустя всего чуть больше месяца, Германия смогла «навязать» Советской России разорительное для последней экономическое соглашение, справедливо названное «экономическим Брестом». Неужели принципиальность России по вопросу о вводе батальона немецких войск перевесила по значимости потерю миллиардов золотом и многих материальных ценностей? Речь идет, очевидно, о разных вещах. Миллиарды марок золотом и поставки в Германию огромных объемов продовольствия имели материальный и вполне осязаемый характер. Они были критически важными для воз-

можности Германии продолжать ведение боевых действий на Западном фронте против сил Антанты. А споры о том, вводить в Москву батальон германских войск или не вводить, с итоговым «запретом» советской стороны на введение этих войск имели довольно абстрактный с точки зрения ведения боевых действий характер и несколько не затрагивали основные военные и экономические интересы Германии. В то же время такой «запрет» позволил властям Советской России «сохранить лицо» и показать всему миру свое «независимое мнение» в отношении инициатив Германии. Вот поэтому было столько шума вокруг вопроса о введении батальона немецких войск в Москву, а дебатов вокруг принятия Россией условий экономического соглашения с Германией не было.

Обстановка в стране с конца мая — начала июня резко осложнилась ввиду развернувшихся боевых действий с частями чехословацкого корпуса. Эти действия быстро охватили огромную территорию от Пензы до Владивостока, так как на ней было много чехословацких войск, которые вывозили по железной дороге из центра Европейской части страны во Владивосток с дальнейшим направлением в Европу.

Такой странный и очень протяженный маршрут чехословацкого корпуса по территории страны и дальше легко объясним следующими соображениями. Чехословацкий корпус к весне 1918 года планировался к переброске в Европу на Западный фронт антантовских войск для использования в боевых действиях против Германии. В случае переброски корпуса по «короткому» маршруту Пенза — Мурманск (или Архангельск) — Англия — Франция, он оказался бы на Западном фронте, даже с учетом плохой деятельности российских железных дорог, весьма быстро. При хороших логистических схемах передовые части чехословацкого корпуса могли появиться на Западном фронте уже через 3—4 недели после начала его переброски от Пензы. Разумеется, для германского командования появление в составе противостоящих им войск свежего корпуса, укомплектованного

опытными солдатами, чехами и словаками, готовыми сознательно сражаться за поражение Центральных держав в целях дальнейшего образования собственного, независимого от Австро-Венгрии, государства, было совершенно не нужным. Очевидно, что со стороны Германии было предпринято очень сильное давление на руководство РСФСР, и коридор движения чехословацкому корпусу был предоставлен по «длинному» маршруту: Пенза — Сибирь — Владивосток. Затем на кораблях через Тихий и Индийский океаны в направлении Суэцкого канала и далее во Францию. В случае каких-то затруднений в районе Суэцкого канала корабли вообще должны были бы двигаться вокруг всей Африки. Таким путем корпус мог появиться на Западном фронте при самых благоприятных условиях не ранее чем через 5—6 месяцев от начала его движения по маршруту. Вспомним хотя бы, сколько времени двигалась примерно по тому же маршруту русская эскадра от Балтийского моря до острова Цусима в период Русско-японской войны. А на «длинном» маршруте движение корпуса явно ожидало бы гораздо большее число чисто технических затруднений, чем на «коротком» маршруте. Поэтому «длинный» маршрут движения корпуса был явно предпочтительнее для Германии. Кроме того, под влиянием Германии большевистские власти добавок стали предпринимать определенные усилия для замедления движения корпуса по железным дорогам страны. К концу мая 1918 года эшелоны корпуса растянулись по железной дороге от Пензы до Владивостока, что и привело к конфликтам. При попытке большевистских властей обезоружить некоторые подразделения корпуса, находящиеся в эшелонах на разных станциях, возникли вооруженные стычки, быстро переросшие в развернутые боевые действия на всем протяжении Транссиба.

Российский народ, которому обещали наступление после свержения власти Временного правительства молочные реки и кисельные берега, постепенно убеждался в экономическом

утопизме большевиков. Декрет о земле осени 1917 года, о котором так любили вспоминать наши историки, в значительной мере был нейтрализован Декретом о социализации земли, принятым весной 1918 года. Последний декрет наши историки вспоминать никогда не любили. Декрет о социализации земли, как считается, во многом сыграл роль катализатора целого ряда крестьянских восстаний 1918 года.

Таковыми были российские политические условия лета 1918 года, при которых в екатеринбургском доме Ипатьева содержались в условиях строгой изоляции Николай II с семьей, доктор Боткин и трое слуг царской семьи.

В отношении дальнейшей судьбы Николая II и его семьи, с точки зрения политического аналитика того времени, существовали несколько теоретически вполне осуществимых возможностей. Николай II и его семья вполне могли быть освобождены в результате заговора офицеров прежней, «царской», армии. Эта армия хотя и была ликвидирована большевиками, но ее офицерские кадры еще остались, хотя и представляли в основном офицеров производства военного времени. А любой офицер — потенциальный участник заговора, особенно младший офицер, — хорошо понимал, что если удастся действительно спасти царскую семью с перспективой восстановления Николая II на троне, то каждому участнику обеспечена феерическая карьера. Николая II и его семью также могли освободить и, например, заговорщики из числа левых эсеров или большевиков. Ссылки на принципиальную невозможность последнего варианта по причине революционной идеологии эсеров и большевиков представляются несостоятельными. Можно привести следующие соображения о степени «идеологической устойчивости» и несгибаемой приверженности революционным идеям. Всем должна быть хорошо известна библейская притча об обмене права первородства на вкусную чечевичную похлебку. В реальности же чаще встречались и встречаются случаи обмена неинтересной

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

похлебки революционных идей на вкусное право первородства. Вот яркий, хорошо известный историкам пример. Некий французский люмпен в период Великой революции 1789 года, радостно вопивший во всю глотку: «Долой монархию!», несколько позднее с наслаждением облачился в мундир генерала, а потом и маршала имперской армии Наполеона Бонапарта. Закончил свою жизнь этот человек на шведском троне родоначальником королевской династии Бернадоттов. В литературе встречаются упоминания о том, как были смущены его придворные, когда, переодевая своего мертвого короля для похорон, они обнаружили на его теле татуировку с текстом на французском языке: «Смерть монархам!». Это к вопросу, насколько в действительности были преданы рядовые большевики, левые эсеры и прочие своим революционным идеям. Они быстро и без малейших угрызений совести меняли свои политические взгляды, легко применяясь к обстановке, в которую попадали. Дальнейший, после 1918 года, жизненный путь многих левых эсеров и большевиков служит хорошей иллюстрацией высказанному положению.

Еще одна иллюстрация, относящаяся к гораздо более близкому прошлому. Некий высокопоставленный комсомольский функционер во времена Л. И. Брежнева со всех трибун клялся в личной приверженности коммунистическим идеалам, призывал молодежь совершенствовать советское общество, быть патриотом социалистического строя в СССР и т. д. и т. п. На резких выражах истории нашей страны он как-то незаметно превратился в долларового миллиардера по версии журнала «Форбс», пережил два покушения на свою жизнь с применением огнестрельного оружия. Пропагандой коммунистических взглядов он, разумеется, больше не занимается. Совсем недавно имя этого бывшего комсомольского функционера упомянула газета «Известия» в статье о материальной поддержке режима Саакашвили и его нападении на Южную Осетию со стороны некоторых членов грузинской

диаспоры, постоянно проживающих в России (8). Сюда же следует отнести дразги о «праве первородства» в убийстве великого князя Михаила Александровича. В качестве яркого примера можно сослаться на письмо с жалобой, что знакомый автора письма выдает себя за убийцу великого князя, хотя всего лишь похитил великокняжеские золотые часы, а истинным убийцей был как раз автор, «слава» которого присвоена другим (9). Поэтому о примере триумфального возвращения Наполеона в Париж с острова Эльба после изгнания должен был в то время постоянно помнить любой серьезный политик. Точно таким же образом никто не мог исключить возможность возврата к власти Николая II с реставрацией монархии на неоккупированной территории России. Именно в силу указанных причин к лету 1918 года Николай II представлял весьма серьезную политическую угрозу для Германии и одновременно политическую надежду для определенных кругов России и стран Антанты. Представляли также аналогичную угрозу, хотя и в гораздо меньшей степени, остальные близкие родственники Николая II.

Можно остановиться на вопросе о том, а почему же в 1920—60-х годах в СССР было так много народа на ампулах царубийц. Ответ достаточно простой. Его можно проиллюстрировать красноречивым примером. «Не знаю, может быть, это и байка, но говорят, что в 20-е годы в спецраспределителе Общества политкаторжан висело объявление: “Царубийцам пайки выдаются вне очереди”. А вот уже исторический факт: каждый из участников убийства царской семьи до конца своих дней лез из кожи вон, чтобы доказать, что именно он, и никто другой, собственноручно застрелил Николая Кровавого» (10). Здесь можно понять, по какой причине появлялись самозванцы на роль царубийц. Тогда, в 1930—40-е годы, в СССР расстрел Николая II котировался высоко, как большая победа над силами, враждебными стране. И было много желающих «состричь купоны», задним числом присоседившись к участникам расстрела.

Это сулило любому присоединившемуся ряд положительных моментов. А по выражению Наполеона, «у победы много отцов, поражения всегда сироты». Отсюда появилось много «отцов» расстрела. Поэтому-то и возникли дразги между «цареубийцами» за «честь» объявить себя и только одного себя убийцей Николая II. Здесь уместно вспомнить позицию потомков князя Юсупова. Они настаивали и продолжают настаивать на том, что именно князь Ф. Юсупов собственноручно убил Г. Распутина, предварительно заманив последнего в дом своей матери и неудачно пытаясь отравить своего гостя. Их позиция вполне понятна. За неимением у Ф. Юсупова другой славы даже геростратова слава предка согревает их сердца. Но стоит ли так держаться за славу Герострата? Очевидно, по каким-то соображениям им это весьма выгодно.

В общем, современники, даже весьма информированные, считали, что Николай II был убит представителями большевистских властей. Патриарх Тихон, выступая 21 июля 1918 года в Казанском соборе города Москвы, сказал: «Так, на днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководствуясь Словом Божиим, не может согласиться с этим. ... Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-нибудь вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела — одобряется высшей властью» (11). Из цитируемого текста хорошо видно, что патриарх Тихон никаких особых церковных источников информации в связи с заточением Николая II и его семьи и, в особенности, с обстоятельствами расстрела, не имел. Патриарх

Тихон, так же как и все обычные люди, искренне считал в середине июля 1918 года, что расстрелян один Николай II. В его речи содержатся только те сведения, которые были известны всем читателям газет того времени. В противном случае патриарх Тихон в своей речи должен был бы обязательно упомянуть расстрелянных супругу Николая II, их детей и слуг, а также дать свою оценку расстрелу всех людей, а не только одного Николая II.

Теперь мы должны вернуться к вопросу о *qui prodest?* (кому выгодно?). Сначала попытаемся ответить на следующий вопрос. А нужно ли было большевикам в середине июля 1918 года убийство всей царской семьи или хотя бы одного Николая II? Рассмотрим пристальнее обстановку в середине июля 1918 года. Здесь произошло два важных с точки зрения некоторых заинтересованных лиц события. Первое событие. Мятеж левых эсеров в Москве 6—7 июля. Это событие несколько не ослабляло, а, напротив, только усиливало действие неблагоприятных для большевиков факторов. Напомним, что одной из целей мятежа левых эсеров был выход России из Брестского мира и ведение «революционной» войны с Германией. «К лету 1918 г. стала совершенно очевидной грозная опасность, надвигавшаяся на Советскую республику с востока. Чехословацкие мятежники захватили ряд важных пунктов в Сибири и на Урале. В Среднем Поволжье группа Чечека заняла Самару, Сызрань. 6 июля в результате предательства эсеровского агента бывшего офицера Махина, назначенного Троцким начальником штаба уфимских красных войск, пала Уфа» (12). Заметим, что падение Уфы произошло в один день с мятежом левых эсеров в Москве. Это падение также внесло свою серьезную лепту в усугубление ситуации. Второе событие. Другое выступление против большевиков, которое в исторической литературе известно как мятеж Муравьева. «Получив известие о восстании левых эсеров в Москве, Муравьев покинул Казань, где находился штаб фронта, и 10 июля

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

прибыл в Симбирск. В тот же день он поднял мятеж и разослал во все концы страны телеграммы о прекращении борьбы с чехословаками и возобновлении войны с Германией» (13). Это была уже вторая на протяжении всего четырех дней крупная попытка возобновить войну именно официальной России с Германией. Первая была в Москве 6—7 июля 1918 года. Левые эсеры в случае успеха своего переворота планировали объявить Германии революционную войну. Очевидно, что для Германии вряд ли имело большое отличие возобновить с Россией войну совершенно обычную или «революционную». «Неофициальная» Россия к этому времени уже вела боевые действия, которые фактически во многом были направлены против Германии. Во всяком случае, этим боевые действия серьезно затрагивали по меньшей мере экономические интересы последней в России. Вот, например, фрагмент протокола допроса известного русского политического деятеля Павла Николаевича Милюкова, составленного 23 октября 1920 года в Париже следователем Н. Соколовым: «Образование так называемого “восточного фронта” как раз и относилось тогда к этому времени (1918 году. — *Авт.*). Средствами союзников и был тогда образован этот фронт, являвшийся по существу явлением новым русско-германским фронтом. Конечно, по существу явления борьба на Волге с большевиками была, следовательно, продолжением войны с Германией» (14).

Вернемся к несколько раннему времени, в конец апреля 1918 года. Вот телеграфный запрос членов Екатеринбургского областного Совета, адресованный в Совет Народных Комиссаров, которые приводятся Л. А. Лыковой: «...около трех часов тому назад мы передали Свердлову записку, где указывали на единственный выход из создавшегося положения — отдать в Омске в адрес Яковлева распоряжение направить поезд Николая обратно Екатеринбург точка противном случае конфликт может принять острые формы ибо мы считаем гулять Николаю по сибирской дороге не нужно а он дол-

жен находиться в Екатеринбурге под строгим надзором точка ответа от Свердлова до сих пор не получено, что вы скажете по этому поводу» (15). А вот еще фрагмент запроса тех же лиц в тот же адрес: «...давайте прямой и ясный ответ. Мы считаем недопустимым принятием Ваш способ объяснений точка Яковлев сделавший колоссальную глупость с Вашего одобрения угнавши в Омск груз должен доставить его к нам в Екатеринбург в чем мы должны получить полную гарантию от Вас точка» (16). Мы вынуждены дать оценку всех приведенных пассажей только следующим образом. В таких оборотах будет уместной беседа строгого, но справедливого барина с весьма нерадивыми, но в общем-то добрыми и бесхитростными, хотя и ленивыми холопами. Когда члены Екатеринбургского областного Совета обращаются в подобных выражениях к Совету Народных Комиссаров России, которому якобы во всем подчиняются, то возникают обоснованные сомнения в их искренности. А как после этого верить исследователям, которые говорят о том, что Екатеринбург якобы обо всех деталях содержания Николая II под стражей советовался с центральной властью и во всем ей подчинялся. Особенно умилительно в этом плане звучит пассаж: «Яковлев сделавший колоссальную глупость с Вашего одобрения угнавши в Омск груз ...». Фразу можно читать так: «Яковлев сделавший колоссальную глупость, с Вашего одобрения угнавши в Омск груз...». Ее же можно читать и по-другому: «Яковлев сделавший колоссальную глупость с Вашего одобрения, угнавши в Омск груз...». Но даже при отсутствии запятых, не позволяющем однозначно толковать данную фразу, она в любом случае звучит весьма нагло, если не сказать больше. Сама Л. А. Лыкова обращает внимание на это обстоятельство: «Уральцы требуют: “...давайте прямой и ясный ответ”. Не церемонятся с председателем СНК, указывая Ленину, что Яковлев сделал „колоссальную глупость с Вашего одобрения, угнавши в Омск “груз”. При условии, если все дело будет вестись через обл-

совет, даем зависящие от нас гарантии» (17). А вот и другой текст. Это телеграмма председателя Уралоблсовета А. Г. Белобородова Председателю Совнаркома В. И. Ленину и Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову о прибытии Николая II в Екатеринбург. Она послана в Москву 30 апреля 1918 года: «Сегодня 30 апреля [в] 11 часов петроградского [времени] я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова, бывшую царицу Александру и их дочь Марию Николаевну. Все они помещены [в] особняк[е], охраняемом караулом. Ваши запросы [и] разъяснения телеграфируйте мне. Председатель Уральского облсовета Белобородов» (18). В этом тексте особенно интересным является момент: «Ваши запросы [и] разъяснения телеграфируйте мне». По отношению к В. И. Ленину и Я. М. Свердлову такой тон звучит, по крайней мере, весьма вызывающе, если не сказать больше. Это вполне согласуется с тем, что уже было отмечено выше при разборе телеграфных запросов по поводу «миссии Яковлева». Также интересно, какого рода «разъяснения» могли давать Свердлов и Ленин А. Г. Белобородову, находящемуся значительно ниже их по своему служебному положению. Поэтому говорить о решающей роли Москвы в расстреле царской семьи представляется необоснованно смелым.

Но если встать на ту точку зрения, что роль Москвы была в России того времени так велика, то возникает необходимость ответа на вопрос о том, а кто же командовал в Москве. Ответ можно найти, например, в воспоминаниях бывшего премьер-министра Временного правительства А. Ф. Керенского. «Свою лепту в усиление неразберихи в Москве вносили немцы. Чека Дзержинского работало в тесном сотрудничестве с соответствующей германской службой, и действия их постоянно координировались. Ленин воцарился в Кремле, а германский посол барон фон Мирбах занял особняк в Денежном переулке, который круглые сутки охранялся немецкими солдатами. Средний обыватель был в полной уверенности, что именно Мирбах кон-

тролирует пролетарский режим. Любые жалобы на действия Кремля адресовались только ему, и даже монархисты всех мастей искали защиты у Мирбаха. Берлин придерживался мудрой линии поведения: *оказывая кремлевским руководителям финансовую помощь* (выделено нами. — Авт.), он одновременно обхаживал самых крайних монархистов на случай, если большевики потеряют их “доверие”. Монархисты также всячески поощрялись в Киеве, где по воле германского кайзера стал гетманом независимой Украины бывший генерал Скоропадский. При каждом удобном случае Скоропадский, находившийся под эгидой Верховного комиссара Германии, демонстрировал свои высочайшие симпатии к монархии. Свой вклад в создавшийся хаос вносили и центральные комитеты наиболее влиятельных антибольшевистских и антигерманских социалистических, либеральных и консервативных партий, которые занимались своей деятельностью под самым носом кремлевских правителей. Лидеры всех этих организаций регулярно встречались с различными представителями союзников России, и дипломатический ранг этих представителей зависел от того, насколько ценилась “союзниками” та или иная организация. Конечно же, все эти организации вели свою деятельность нелегально. Это было несложно, принимая во внимание неэффективность системы тогдашней чека. ...В те времена в Москве было намного легче заниматься нелегальной деятельностью, чем в Петрограде...» (19). Все процитированное выше, конечно, вполне можно было бы считать всего лишь откровенным злопахательством и дезинформацией западных читателей со стороны обанкротившегося политика, стремящегося победить задним числом и всласть помахать кулаками после драки. Можно было бы приписать приводимые им сведения уязвленному самолюбию и желанию, хотя бы на словах, расквитаться с выкинувшими его из Зимнего дворца и вообще из России большевиками. Но его строки во многом перекликаются со сведениями,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
век

которые сообщил следственной комиссии 10 июля 1918 года не кто-нибудь, а к тому времени уже бывший Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, в своих показаниях по делу об убийстве графа фон Мирбаха. Отметим также уверенное мнение А. Ф. Керенского по предмету сравнительной с Петроградом легкости занятий нелегальной деятельностью в Москве. Очевидно, что в Екатеринбурге такой деятельностью было заниматься еще легче, чем в Москве. Вот какие весьма интересные для нас сведения сообщил Ф. Э. Дзержинский. «Д-р Рицлер наконец согласился меня познакомить со своим осведомителем. За пару дней до покушения (6 июля 1918 г. на посла Мирбаха. — *Авт.*) (дня точно не помню) я встретился с ним. В начале нашей беседы (в помещении посольства Германии. — *Авт.*) присутствовал и лейтенант Миллер. Я стал расспрашивать осведомителя и с первых же ответов увидел, что сомнения мои подтверждаются, что ответы его неуверенны, что боится меня и путает. Одновременно старался, видимо, посеять во мне недоверие со стороны лейтенанта Миллера, чтобы обезопасить себя от меня — оказалось, что это он давал в первый раз адрес и указания, и вот стал при мне же говорить, что по этим адресам были обнаружены нами воззвания, но почему-то дела мы не возбуждали. Лейтенант Миллер был недолго при нашей беседе, и, когда стал уходить, осведомитель вскопчил, встревоженный, тоже уходить, и только заверение лейтенанта, что ему нечего опасаться, что с ним ничего не случится, успокоили его немного, и он остался... (многозначие в оригинале. — *Авт.*)» (20). Здесь видны две яркие особенности. Первая. Сам факт открытой беседы руководителя специальной службы страны в германском посольстве с «осведомителем», читай — шпионом этого самого посольства, к тому же из числа граждан России, сам по себе многозначителен. Вторая. Простой лейтенант, может быть, и не очень «простой», но всего лишь лейтенант германской армии, в присутствии Дзержинского успокаивает осведомителя посольства,

что последнему нечего опасаться спецслужбы своей собственной страны, то есть РСФСР. И Дзержинский несколько против этого не протестует. Данная ситуация, на наш взгляд, отчетливо показывает, «кто в доме хозяин» применительно к России того времени. То есть из описываемой ситуации можно прийти к выводу: осведомитель германского посольства для спецслужб России того времени было лицом неприкосновенным. Несколько странно выглядит факт, что 10 июля Дзержинский уже не помнит даты события, происходившего «за пару дней до покушения», то есть всего за неделю до его допроса. Далее в показаниях приводится следующее: «После этой встречи я через т. Карахана сообщил германскому посольству, что считаю арест Гинча и Бендерской необходимым, но ответа я не получил. Были арестованы оба только в субботу после убийства гр[афа] Мирбаха» (21). Мы можем высказать свои соображения. Интересная ситуация, при которой глава специальной службы государства запрашивает разрешение у германского посольства на арест граждан собственного государства, являющихся откровенными осведомителями этого посольства. И «проглатывает» отсутствие ответа на свое обращение. Хороша «государственная самостоятельность», при которой только катастрофическая ситуация в столице (убийство посла Германии и вооруженное восстание против существующего режима) позволяет Всероссийской Чрезвычайной комиссии произвести, что называется, «под шумок» арест двух человек с весьма невысоким для того времени социальным статусом. Заметим, что указываемой Ф. Э. Дзержинским субботой может быть только 6 июля 1918 года, так как он допрашивался уже 10 июля 1918 года, в среду. И наконец, еще один фрагмент из показаний Ф. Э. Дзержинского: «Сведение об убийстве графа Мирбаха я получил 6 июля около 3 час. дня, от председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство...» (22). Данный факт также заслуживает нашего внимания. Руководо-

датель спецслужбы страны получает сообщение о важнейшем государственном, то есть политическом, преступлении, убийстве посла иностранной великой державы, причем державы, «ведущей» для его страны, не по своим служебным каналам, а от Председателя СНК РСФСР В. И. Ленина. Это не только свидетельство недостатков в работе Дзержинского, но и указание на наличие у В. И. Ленина своего, независимого от ВЧК, канала оперативной связи с германским посольством. Совпадающая оценка ситуации в России того времени, о которой можно судить по деятельности посла, дается современным автором: «Граф Мирбах, посол Германии, открыто диктовал высшему руководству Советской России волю своего правительства по многим вопросам: территориальным, военным, политическим, экономическим» (23). Представляется, что это весьма важный посыл, который полностью соответствует нашим взглядам на ситуацию в Советской России начала июля 1918 года. Ведь это не просто наши соображения, а мнение другого автора, которое, очевидно, судя по тексту цитируемой книги, вышел из-под пера видного отечественного историка Л. А. Лыковой.

Итак, на протяжении 6—10 июля 1918 года имели место две попытки совершить перевороты, направленные против большевиков. Первой была мятеж левых эсеров 6—7 июля в Москве. Второй попыткой является мятеж Муравьева 10 июля. Большевикам удалось подавить эти мятежи только ценой больших усилий. А остальные проблемы им, очевидно, пришлось отложить в сторону. И в середине июля 1918 года московским властям было явно не до решения судьбы Николая II, так как угрозы для них исходили вовсе не от царской семьи. А вот для немцев освобождение Николая II чехословацкими войсками, то есть составной частью войск Антанты, явно было политическим кошмаром.

Наше мнение о снижении интереса московский властей в середине июля 1918 года к судьбе Николая II подтверждается и следующими данны-

ми. «Из ЦК КПСС в 1964 г. были разосланы запросы во все архивы — партийные, государственные и ведомственные, в том числе и в архив КГБ. Приказа Центра о расстреле царской семьи не нашли. Широкомасштабные поиски документов о расстреле царской семьи были предприняты в 1994—1998 гг. в связи с работой Правительственной комиссии. Результат — никаких следов приказа о расстреле из Москвы» (24). Но в этой же работе ее автор Л. А. Лыкова все же оговаривается: «Возможно, где-то в спецхране и есть документ — отчет Я. М. Юровского Ленину или Свердлову, а может быть, и Ф. Э. Дзержинскому, о чем говорил в 1964 г. И. И. Родзинский представителю Идеологического отдела ЦК КПСС» (25). Здесь уважаемая Л. А. Лыкова несколько заблуждается. Ф. Э. Дзержинскому, во всяком случае, отчет явно не мог предназначаться, так как он еще 7 июля 1918 года был освобожден от обязанностей Председателя ВЧК и вновь назначен на этот пост только 22 августа 1918 года. Временным председателем ВЧК в период с 7 июля по 22 августа 1918 года был Я. Х. Петерс (26). Многие авторы судили о возможности отчета Юровского Дзержинскому, вероятно, именно ввиду недостаточно хорошего знания истории ВЧК 1918 года. Следует полагать, что возможность отчета Юровского Ленину и Свердлову зиждилась на таких же гипотетических предположениях, как и возможность его отчета Дзержинскому. Вообще же, все эти предположения, очевидно, являлись результатом последующих массированных пропагандистских воздействий в СССР о роли Ленина, Свердлова и Дзержинского в тот период, то есть летом — осенью 1918 года. А роль Германии в происходящих событиях нашими историками до последнего времени изучалась мало.

Обратимся к данным, которые исходят от современников рассматриваемых нами событий, причем достаточно компетентных. Вот показания, которые дал на допросе 11 августа 1920 года Владимир Львович Бурцев. Допрос провел следователь Н. А. Соколов в Париже.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

С рядом различных оговорок Бурцев сообщил: «Зимой 1918 или 1919 года здесь, в Париже, я получил сведения, что к покойному императору Николаю II, за некоторое время до его убийства, был послан немцами один генерал, чтобы склонить его на переговоры с ними, но Николай II не принял посланца и вообще отклонил немецкие предложения. Я не могу вам в настоящее время назвать этот источник, но он безусловно достоверен» (27). Далее Бурцев сообщил: «...может быть, посланец и был принят Николаем, но он отказался принять немецкие предложения» (28). Комментарии сборника, в котором опубликованы эти сведения, относят данное событие к 1916 году: «В январе 1916 г. к Николаю II приезжал брат императрицы вел. герцог Э. Л. Гессен-Дармштадтский, посланец немцев, с целью склонить его к заключению сепаратного мира. Император отклонил это предложение» (29). Но вряд ли В. Л. Бурцев, говоря «за некоторое время до Его убийства», имел в виду такой значительный промежуток времени, равный двум с половиной годам. Скорее всего, В. Л. Бурцев имел в виду визит посланца немцев именно в Екатеринбург. Тем более что, по утверждению Бурцева, Николай II «не принял посланца». А автор комментария говорит о том, что великий герцог приезжал к Николаю II в январе 1916 года. То есть Э. Л. Гессен-Дармштадтский мог приехать только в Россию. А раз он уже приехал в Россию, то не принять его Николай II уже попросту не мог. В противном случае если бы в январе 1916 года Николай II не пожелал бы его принимать, то великого герцога попросту не допустили бы на территорию России, которая воевала с Германией. Далее Бурцев дал следующие показания: «Я знаю хорошо Якова Свердлова. Это величина большая у большевиков и немцев. ...Он не только немецкий агент по его положению в партии, но и агент их личный. Совершенно определенно заявляю вам, что Свердлов был агентом немцев еще до самого переворота 25 октября, получая от них деньги и директивы. ... Я не знаю лично ни Сафарова, ни Войкова. Но

знаю их по их положению. ...Оба они прибыли как агенты Ленина, а следовательно, немцев, в 1917 году в запломбированных вагонах через Германию. Я имею списки всех лиц, прибывших тогда с Лениным. В этих списках Войков значится под номером 11-м, а Сафаров — под номером 5-м» (30). Бурцев в 1920 году утверждал, что ранее прямо «назвал убийцей императора Николая II императора Вильгельма II как главу немецкого народа» (31). Отметим для читателя, что В. Л. Бурцев являлся тем самым человеком, который широко известен разоблачением агента царских спецслужб Е. Азефа и многих других агентов, внедренных в революционные организации России. Поэтому его компетентность следует оценивать как достаточно высокую.

Допрошенный в Париже 13 сентября 1920 году следователем Соколовым полковник Генерального штаба Русской армии Борис Владимирович Свицунов, 36 лет, дал, в частности, следующие показания: «После Брест-Литовского мира, в котором сами немцы вовсе не видели чего-либо постоянного, твердого, определенного, ...они скоро поняли, какую опасность для самой же Германии представляет большевизм как социальное осуществление известных начал. Военные круги, руководившие борьбой с Антантой, стали опасаться, что для продолжения войны на Западе большевизм в России опасен для самих немцев в Германии как социальная зараза, способная обессилить их собственный тыл. Тогда у немцев возник план, имевший сторонников в среде их высших военных чинов. Он предполагал быстрое наступление внутрь России значительными силами, чтобы в короткий срок свергнуть большевиков, помочь возникновению в России нового правительства и заключить с ним в отмену Брестского новый мир, который бы удовлетворил обе стороны. Они ожидали от такого плана следующих выгод, кроме самого уничтожения большевизма: возникшее при их содействии правительство России заняло бы в их борьбе с державами Согласия благоприятный для них нейтралитет, а это

дало бы им возможность взять все их силы с русского фронта, где они все же продолжали держать войска, и бросить их исключительно на Запад; кроме того, это дало бы им возможность получить в России неисчерпаемый источник всяких материальных ресурсов, столь нужных им для продолжения борьбы на Западе. В результате такое положение сулило им если не победу на Западе, то хороший мир с союзниками» (32). Полковника Генерального штаба России также можно считать политически вполне компетентным человеком. С указанными сведениями перекликаются и показания, которые были сообщены на допросе 23 октября 1920 года Павлом Николаевичем Милюковым: «Не может быть ни малейшего сомнения, что те немецкие элементы, которые желали уничтожения большевиков в России, не мыслили будущего правительства в России иным, кроме монархического. Я не могу вам сказать ничего по поводу того, что у немцев было определенное лицо, кандидатуру которого они желали бы видеть на русском престоле. Но в результате всех обсуждений, всех переговоров с ними и в результате бесед моих с Гурко у меня отложилось тогда в памяти, что немцы или желали или даже пытались реально спасти царя и наследника, причем я лично усматривал тогда в этом и политическое значение — их нежелание, чтобы какие-либо иные элементы, враждебные им, *воспользовались личностью Николая Александровича и его сына* (выделено нами. — Авт.) ... Повторяю, так у меня тогда отложилось в памяти в результате общения моего с известными сферами. Припоминаю, тогда говорилось, что с таким “требованием” обращался к большевикам или должен был обратиться Мирбах. ...Слухи о желании Мирбаха спасти царя и наследника шли из Москвы. В Киеве же назывались иные имена, как кандидаты на престол» (33). Известность П. Н. Милюкова как политика общеизвестна и в комментариях не нуждается.

Итак, анализируя приведенные выше фрагменты показаний вполне компетентных лиц, В. Л. Бурцева,

Б. В. Свистунова и П. Н. Милюкова, можно сделать некоторые выводы в отношении ситуации лета 1918 года. 1. Немцы хотели заключить более «надежный» мир, нежели Брестский, и с более «надежными» руководителями России, нежели большевики. 2. Для немцев наиболее предпочтительной формой будущего правления в России была монархия. 3. В роли монарха России немцы видели Николая II, само собой разумеется, при условии подписания им более надежного и легитимного «нового Брестского мира» с Германией. 4. Николаю II с немецкой стороны были сделаны соответствующие предложения. 5. Николай II от немецких предложений отказался. 6. Немецкая сторона была крайне обеспокоена возможностью освобождения Николая II и членов его семьи чехословацкими войсками. 7. Свердлов, Сафаров и Войков, по мнению В. Л. Бурцева, являлись немецкими агентами.

В конечном итоге можно сформулировать ситуацию так. Немцы хотели бы освободить Николая II, чтобы иметь его в качестве своей марионетки на российском троне. Но немцы совершенно не желали, чтобы он был освобожден силами Антанты с перспективой возврата России в ряды стран, воюющих против Германии.

Для реализации своих планов немцы вели достаточно хитрую игру, причем, как это бывает в политике, одновременно на «нескольких досках». Выше мы уже приводили слова А. Ф. Керенского. Уместно привести еще одно свидетельство. Вот показания князя Александра Николаевича Долгорукова, генерал-лейтенанта Русской армии, данные им следователю Н. Соколову в Париже на допросе 5 февраля 1921 года: «Летом 1918 года в Киеве проживал член Государственного совета киевский губернский предводитель Федор Николаевич Безак. Мы оба с ним входили в одну и ту же монархическую группу. Я хорошо помню, 5 или 6 июля по новому стилю Безак позвонил мне по телефону и сказал, что сейчас ему звонил граф Альвенслебен и сообщил ему, что сейчас он будет у Безака и пере-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

даст ему какое-то важное известие. Этот Альвенслебен — бывший дипломатический чиновник германского министерства иностранных дел. В эпоху гетманства он, будучи призван по мобилизации, состоял при главнокомандующем Эйхгорне, а затем — Кирбахе. ... Он был вхож в русские круги и считался монархистом и русофилом. Я отправился к Безаку, куда вскоре приехал Альвенслебен. Разговор наш с ним происходил в присутствии четырех лиц, причем четвертым лицом была жена Безака Елена Николаевна. Альвенслебен сообщил нам, что император Вильгельм желает во что бы то ни стало спасти государя императора Николая II и принимает к этому меры, что в целях спасения государя он куда-то перевозится, но что в настоящий момент немцы потеряли его след. Альвенслебен предложил нам с Безаком прийти на помощь этому делу спасения государя в следующей форме. Необходимо было, как он говорил, послать три пары офицеров для обнаружения места пребывания государя, причем одна пара должна была отправиться в Москву, другая — в Котельнич, третья — в Екатеринбург. ... Альвенслебен указывал на Котельнич как на наиболее вероятный пункт пребывания государя и говорил, что дальнейшее следование его требует денег. Подчеркивал, что деньги на такое дело должны быть исключительно русские, он указал сумму, которая, по его мнению, была необходима: 2 000 000 рублей. Мне чувствовалось что-то странное, мало приятное логически в словах Альвенслебена: для чего нужно было посылать на розыски государя русских офицеров во враждебную Совдепию, когда немцы имели там свою громадную агентуру, свое официальное представительство в лице графа Мирбаха и свободно могли во всякую минуту иметь самые точные сведения о местопребывании государя? Но Альвенслебен в разговоре с нами уверял нас, что нам следует вполне положиться на них, немцев, определенно давая нам понять, что император Вильгельм желает спасти государя и что меры, которые он предлагает, необходимы

именно в целях спасения государя. Во время этого разговора Альвенслебен предупредил нас, что между 16 и 20 июля (по новому стилю) распространится слух или известие об убийстве государя; что слух этот или известие не должен будет нас беспокоить: как и слух об убийстве государя, имевший место в июне, он будет ложный, но что он необходим в каких-то целях именно его спасения. Я хорошо помню, что при нашем разговоре с ним, имевшем место, как я уже говорил, 5 или 6 июля по новому стилю, граф Альвенслебен указывал как предел, когда должно будет распространиться известие об убийстве государя, 16—20 июля. В то же время он просил нас держать разговор с ним в секрете, делая наружно вид, что мы верим известию о смерти государя» (34). Генерал Долгоруков в своих показаниях сообщил и о дальнейших событиях: «Около 15 июля в Киеве начался монархический съезд. Во время работы съезда (он открылся или 11, или 15 июля), вероятно, 18 или 19 июля, — я прекрасно помню, что именно в пределах времени, указанного Альвенслебеном, т. е. между 16 и 20 июля, — я прочел в местных газетах известие, что государь расстрелян в Екатеринбурге, а семья куда-то вывезена. Как я помню, в этом сообщении инициатива убийства приписывалась местному уральскому совдепу. Признаться, я был поражен осведомленностью Альвенслебена и, конечно, совершенно не поверил газетному сообщению. ... Предполагавшегося опровержения смерти государя, однако, не было. Мне захотелось повидать Альвенслебена, но, как мне тогда казалось, он почему-то стал избегать нас с Безаком. Когда я определенно сделал попытку его видеть, оказалось, что он уехал в Берлин. Возвратился он в августе. Я встретил его на улице и спросил про государя. Альвенслебен ответил мне, что, к сожалению, ничего не удалось сделать, и государь, видимо, убит» (35). В целом описание г-на Альвенслебена и, в особенности, линии его поведения, вполне отвечает приметам сотрудника спецслужб. Разумеется, А. Н. Долгоруков был полностью

прав, когда считал, что немцы в любой момент могут иметь самую достоверную информацию о месте пребывания Николая II и членов его семьи. Например, немцам было даже не обязательно подключать свою агентуру для установления места пребывания Николая II. Достаточно было пресс-атташе германского посольства открыть одну из главных газет России «Известия ВЦИК», от 16 мая 1918 года, № 96(360) и на странице 2 прочитать в статье, основанной на интервью с комиссаром Яковлевым, следующее: «В Екатеринбурге Романов с семьей помещен в обыкновенном особняке, огороженном большим дощатым забором. Особняк этот нисколько не напоминает губернаторского дома в Tobольске, походившего по величине своих комнат и зал на загородный дворец. Охрана Романова в Екатеринбурге усилена, режим введен, по сравнению с Tobольском, более строгий» (36). После этой публикации немецкой стороне оставалось только дать поручение своему консулу в Екатеринбурге установить адрес особняка и организовать дальнейшее наблюдение за ним для постоянного контроля за судьбой Николая II. Но генерал Долгоруков в Киеве не имел возможности читать советские газеты и получать достоверную информацию из РСФСР, оттого и был «поражен осведомленностью» г-на Альвенслебена, хотя причин этой «осведомленности» и не понял. А подобная осведомленность может быть легко объяснена очень простыми соображениями. Представители немецких спецслужб в Киеве уже в начале июля 1918 года со значительной долей уверенности прогнозировали «изъятие» царской семьи из большой политики и примерную дату такой операции. Все же предложения Альвенслебена генералу Долгорукову являлись, очевидно, операциями прикрытия в плане дальнейшего обеспечения доказательств стремления немцев принять меры по спасению царской семьи. В случае принятия людьми Долгорукова и Безака плана, предложенного Альвенслебеном, сами немцы совершенно не рисковали ни своим сотрудниками, ни самыми ма-

лыми денежными средствами. Типичный образец действий в целях загнать жар чужими руками. А касаясь всего того, что, судя по показаниям Долгорукова, наговорил Альвенслебен, то вспоминаются слова князя Талейрана: «Язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли». Комментарии к документам говорят следующее: «Судьба царя и его семьи была предметом тонкой дипломатической игры Германии и России. После заключения Брестского мира большевистская власть очутилась в политической и экономической зависимости от Германии. (Еще одно подтверждение изложенной выше нашей позиции. — *Авт.*) Царская семья превращалась в заложников для ведения торгов с немцами. Из показаний А. Н. Долгорукова видно, что немцы были хорошо осведомлены о планах Советского правительства в отношении царской семьи...» (37). Выше мы уже высказали свое отношение к сообщенному Долгоруковым. Сам Долгоруков, как отмечено выше, прямо указал: «Мне чувствовалось что-то странное, мало приятное логически...» в предложении Альвенслебена. Но он все же не понял достаточно отчетливо, откуда и в каком направлении «дует ветер». Здесь, очевидно, гораздо правильнее будет говорить о том, что немцы были хорошо осведомлены о своих собственных планах в отношении царской семьи. Здесь мы также можем выразить свое отношение к вопросу о «тонкой дипломатической игре Германии и России». Не беремся судить, насколько «тонкой» была дипломатическая игра Германии в отношении России. Касаясь же «тонкости» дипломатической игры правителей России того времени, отметим следующее. Сначала большевистским режимом велась «тонкая дипломатическая игра» в Брест-Литовске. Ее итогом стали огромные территориальные и экономические потери, а также стремительное отбрасывание России в разряд второстепенных государств. Последовавшее далее продолжение «тонкой дипломатической игры» с Германией дало в качестве итога «экономический Брест» от 27 августа 1918 года и повтор-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
век

ные чрезмерно большие материальные потери. При изучении последствий всей этой «тонкости» прямо напрашивается сравнение с определенным сорта карточными игроками: «Играли они грамотно, умело, тонко, но продулись в пух и прах».

Что касается скрытой немецкой агентуры, то наличие ее в России того времени признавалось даже учеными СССР. «Феодално-клерикальные элементы (в 1916 году. — *Авт.*) в ряде мест Тургайской области, в Катта-Курганском уезде, в некоторых районах Ферганской долины, по большей части связанные с германо-турецкой агентурой, предпринимали неоднократные попытки к превращению народно-освободительных восстаний в реакционное антирусское движение» (38). Во время самого «разгара» Советской власти, в конце 1960-х годов, когда была написана цитируемая работа, ее автор был вынужден указать, что даже в богем забытых Катта-Курганском уезде, Тургайской области и других частях дальних азиатских провинций России наличествовала германская агентура. Тем большее количество германской агентуры имелось в других местах России. А в промышленном городе, который являлся «столицей Красного Урала», германских агентов должно было быть, во всяком случае, не меньше, а гораздо больше, чем в удаленном среднеазиатском регионе.

Для более точного выяснения ситуации в июле 1918 года, на наш взгляд, будет весьма полезным провести анализ четырех документов, ставших в последнее время довольно широко известными под названием «Письма русского офицера». В исторической литературе сложилось мнение, что авторы этих «писем», П. Л. Войков и И. И. Родзинский, писали их с целью получить доказательства подготовки побега царской семьи для дальнейшего предъявления московским властям. Но необычность этих «Писем» изначально должна была быть ясной Николаю II. На данное обстоятельство вполне справедливо указывает Л. А. Лыкова: «Французский язык, на котором были написаны письма “русского офицера”,

ввел императора в заблуждение, не насторожило отсутствие обращения, строго необходимого в таких случаях при обращении к монаршему лицу, тем более от офицера русской армии. До конца переписки (четыре письма “офицера” и ответы Романовых) узники дома Ипатьева так и не поняли, что с ними переписываются чекисты Уральской областной Чрезвычайной комиссии (УралоблЧК)» (39). Здесь, очевидно, подразумевается, что Николай II не сомневался в принадлежности авторства всех четырех писем офицеру русской армии. Думается, что данное положение в корне ошибочно. Николай II должен был заметить как приведенные, так и другие особенности. Например, в письме № 1 написано «в 80 километрах» (40), хотя для русской армии того времени для обозначения расстояний употреблялись версты. В письме № 4 присутствует слово «митральеза», абсолютно не характерное для русского языка; степень грамотности оборота «группа офицеров Русской армии, которая не потеряла совесть долга» вряд ли требует особых пояснений; вместо слов «перед царем», настоящий русский офицер написал бы «перед Императором», причем именно с большой буквы (41).

Но сначала попытаемся решить, а для каких целей в действительности могли быть нужны эти письма. Многие авторы считают, что эти письма «русского офицера» составлены по указанию руководства Урала в целях оправдания расстрела Николая II и его семьи как превентивной меры против побега. Представляется, что для этой цели авторы «писем» избрали неоправданно сложный путь. Возникает вопрос. А зачем для этого нужны целых четыре письма, когда для доказательства «злоумышленности» царской семьи достаточно было одного письма? Обратим еще раз внимание на тот факт, что «Письма русского офицера» были написаны на французском языке. Тогда на какую же аудиторию изначально они были рассчитаны? Неужели на простых русских рабочих или крестьян? Многие ли из них знали французский язык, если даже на рус-

ском языке читать умели немногие? Поэтому все эти «письма» следовало представлять «широким трудящимся массам» в переводе на русский язык, отчего их эффект во многом должен был бы пропасть. Операция по составлению «писем» осуществлялась как в июне, так и в июле, после смены охраны царской семьи, то есть на протяжении значительного времени. А ведь было вполне достаточно только одного письма на русском языке, в котором говорилось бы примерно следующее: «Ваше Императорское Величество! Ночью, когда большинство охраны будет спать, действуйте. Прилагаемыми кинжалами убейте охранников и бегите. Лошади и коляска для больного Цесаревича будут ждать Вас под окнами». И так далее и тому подобное. Причем такое письмо совсем необязательно передавать царской семье. Вполне достаточно после расстрела предъявить его публике вместе с несколькими зловещего вида кинжалами, и убедительнейшие доказательства заговора с целью побега налицо. Причем доказательства, понятные даже малограмотным людям. Так зачем было Войкову с Родзинским излишне напрягаться, выдумывать и писать четыре письма на русском языке, потом переводить их на французский язык и переписывать уже на этом языке. Затем передавать письма в дом Ипатьева и далее получать их назад. К чему такие сложности, когда было можно поступить, как уже сказано выше, гораздо проще и быстрее.

В письмах можно выделить три момента, которые, на наш взгляд, являются ключевыми для их понимания. Первый момент. Имеются четыре письма, написанных на протяжении достаточно значительного времени. Второй момент. Они написаны на французском языке с употреблением некоторых слов и оборотов, которые не мог употреблять в переписке обычный русский офицер и вообще русский человек того времени. Третий момент. На письмах имеются рукописные ответы Николая II и Александры Федоровны. Эти моменты, на наш взгляд, могут иметь следующие объяснение. Пер-

вый. Писем было написано четыре для подтверждения длительно существовавшего заговора с целью освобождения царской семьи. Второй. Французский язык с употреблением слов и оборотов, необычных в речи русского человека, применен именно для того, чтобы навести компетентного человека на мысль об авторе нерусского происхождения. Третье. Необходимость обязательно иметь на текстах писем ответы, написанные собственноручно Николаем II, что в последующем должно было доказать возможное почерковедческое исследование. Все эти моменты были воплощены из-за необходимости создания доказательств заговора с целью похищения, организованного отнюдь не русскими офицерами, а одной из иностранных спецслужб, точнее, английской или французской. Причем нужны были «железные» доказательства, например в виде почерка бывшего монарха, личного участия Николая II в заговоре. И такие доказательства были необходимы не для большевистской власти, а для немецкой разведки. Эти письма служили для должностных лиц немецкой разведки убедительным оправданием необходимости окончательно «изъятия» Николая II из политической жизни России как превентивной меры против действий спецслужб стран Антанты. Такое оправдание было необходимо в случае возможных упреков в адрес спецслужбы со стороны императора Вильгельма II. Можно привести следующие строки: «Вообще же главы разведслужб и их сотрудники считают своим профессиональным долгом в случае неудач — от рядовых проколов до скандальных провалов — брать на себя личную ответственность, не рассчитывая на публичную поддержку своих действий со стороны своих государственных деятелей. Так уж повелось, что любое правительство может в таких случаях всегда отмежеваться от разведки, якобы “превысившей свои полномочия”» (42).

А Николай II, читая письма и видя в них все указанные странности, очевидно, полагал, что они составлены агентом английской или француз-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

ской спецслужбы, готовящей освобождение его вместе со всей семьей.

В этом же направлении, вероятно, действовала полная смена внутреннего караула Ипатьевского дома, произведенная 4 июля 1918 года. Эту смену отметили в личных своих дневниках и Николай II, и императрица Александра Федоровна (43), (44). Но в дневниках Николая II записей, которые могли бы указать на личности новых сотрудников внутреннего караула, нет. В дневниках императрицы Александры Федоровны кратко упомянуто о новых охранниках: «Во время обеда пришел пред<седатель> обл<астного> ком<итета> с какими-то людьми, Авдеева сменили, и у нас теперь новый комендант (который однажды приходил и осматривал ногу Бэби, а в другой раз — проверял наши комнаты) с молодым помощником, который выглядит прилично, в то время как другие — вульгарные и неприятные. Вся наша внутренняя охрана уехала (возможно, выяснилось, что они воровали наши вещи из сарая)» (45). В литературе содержатся различные сведения о составе внутренней охраны дома Ипатьева, назначенной 4 июля 1918 года. В одном из своих воспоминаний Я. М. Юровский писал: «Нужно сказать, что как сигнализация, которая связывала нас с советским полком и частями наружной охраны, а также пулеметы, расставленные в разных местах, были не в должном порядке. Это обстоятельство принудило меня набрать известных мне закаленных товарищей, которых я взял частью из Отряда особого назначения при Екатеринбургском партийном комитете. Таким образом я организовал внутреннюю охрану, назначил новых пулеметчиков, одного из них я особенно помню, товарищ Цальмс (латыш), фамилии остальных товарищей в настоящее время не помню [...]. (Отточие в тексте книги. — Авт.)» (46). А в выступлении Я. М. Юровского на совещании 1 февраля 1934 года сведения о смене внутреннего караула прозвучали несколько иным образом: «Потом я сменил всю внутреннюю охрану. Ряд

товарищей я взял также из Обл<астного> ЧК, из них несколько латышей, фамилии их я, к сожалению, не помню. (Было их человек 5 или 6.) Некоторые из них оказались очень хорошими товарищами, и мне очень жаль, что даже лучших из них я не могу назвать и не знаю, где они, и ни одного из них я больше не встречал нигде» (47). Сравнивая небольшие фрагменты двух воспоминаний Юровского, определяются разночтения в них. В первом фрагменте Юровский говорит о том, что в охрану он взял «известных мне закаленных товарищей, которых я взял частью из Отряда особого назначения при Екатеринбургском партийном комитете», а также называет одного из охранников — «Цальмс (латыш)». Во втором фрагменте Юровский уже не помнит ни одной фамилии, но зато вспомнил, что он взял в охрану ряд лиц «из Обл<астного> ЧК», при этом фразы построены так, что трудно понять, к чему относится «человек 5 или 6». Можно понять, что было 5—6 латышей, а можно понимать, что 5—6 человек является общим количеством взятых в охрану из ОблЧК, а латышей из них было «несколько». При этом во втором фрагменте взятые в охрану «оказались очень хорошими товарищами», тогда как, согласно первому фрагменту, набор в охрану осуществлялся из уже «известных мне закаленных товарищей». Из второго фрагмента также явствует, что, кроме латышей, из ОблЧК были взяты еще какие-то люди.

Известен документ под названием «Список Команды особого назначения в дом Ипатьева / I Камишл. стрелк. полк /», который в копиях достаточно широко воспроизводится в различных изданиях (48). Подробный разбор этого документа приведен в книге И. Ф. Плотникова (49). И. Ф. Плотников считает данный документ сфабрикованным и приходит к следующим выводам о нем, а также некоторых других документах: «Наиболее распространенная и, на наш взгляд, правдоподобная точка зрения: документы сфабрикованы советскими спецслужбами. Этой версии придерживаются, в частности,

Г. Т. Рябов и Р. Пайпс» (50). Данный документ впервые был опубликован среди других документов западногерманской газетой «7 Tage» в № 27—35 за 14 июля — 25 августа 1956 года. Мы придерживаемся мнения, что этот и все другие документы, опубликованные в газете «7 Tage», являются фальсификатами, которые изготовлены в Федеральной разведывательной службе ФРГ или в ее предшественнице, известной под названием «организация Гелена».

Особо необходимо отметить, что смена караула в Ипатьевском доме произошла 4 июля 1918 года. Мы связываем это событие со следующими обстоятельствами, которые являются нашей реконструкцией. В начале июля немцы получили материал о подготовке покушений на членов германского посольства и на представителей советской власти, который председатель ЧК Дзержинский счел злостной дезинформацией (51). Но немцы, наоборот, считали этот материал достоверным. Очевидно, что они имели также достаточно подробную информацию о подготовке мятежа левых эсеров в Москве. Кто был прав, немцы или Дзержинский, подтвердили дальнейшие события: в Москве 6—7 июля убийство посла Мирбаха и мятеж левых эсеров, а также в дальнейшем мятеж Муравьева в Симбирске. Заметим, что именно события 6—7 июля 1918 года стоили Ф. Э. Дзержинскому поста председателя ВЧК. В создавшейся ситуации были возможны опасные для немцев «неожиданности» с заключенными Ипатьевского дома, в частности попытки их освобождения. Поэтому немцами были приняты превентивные меры по охране Николая II. Действуя через свою агентуру в руководстве «Красного Урала», немцы заменили внутреннюю охрану дома Ипатьева на сотрудников немецких спецслужб. Этих охранников выдавали за «латышей» в целях объяснения их акцента в случае, если кто-нибудь попытается с ними заговорить. В Екатеринбурге, в отличие от Москвы и Симбирска, никаких ожидаемых немцами эксцессов после 4 июля не

произошло. Но к середине июля 1918 года чехословацкие войска, наступавшие на Екатеринбург, остановить не удалось. Создалась реальная опасность освобождения Николая II и членов его семьи чехословацкими войсками, напомним, ведущими боевые действия, де-факто направленные против Германии. А попади к ним Николай II, объяви воззвание к народу России, например с призывом к войне «с немцами и их наймитами-большевиками». Тут сразу могут возникнуть очень большие дополнительные военные и экономические трудности для немцев. И немецкая сторона пошла на «принудительное изъятие» Николая II из большой политики.

Все же дальнейшие «воспоминания» различных лиц своей целью имели в основном не прояснение, а, наоборот, замутнение вопроса о том, что же в действительности произошло в Екатеринбурге в середине июля 1918 года. Действительно, после ноября 1918 года большевикам стало очень неудобно вспоминать о том, что Брестский мир они аннулировали не благодаря своей «тонкой дипломатии» с Германией и не благодаря «поддержке мирового пролетариата», а только из-за военного разгрома Германии и ее союзников на европейских фронтах в ноябре 1918 года силами войск Антанты. Поэтому, на наш взгляд, появились такие противоречивые «воспоминания» многих лиц в нашей стране. А потом появились и «воспоминания» лиц, которые ложно выдавали себя за участников событий, связанных с расстрелом царской семьи. Благо быть царевубийцей в 1930—40-е годы являлось совершенно безопасным и весьма почетным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов А. В. Смерть не поставила точку: Расследование судебного медика. — М.: Сампо, 1999. С. 159.
2. Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

- очерк. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 63—65.
3. Солонин М. С. Фальшивая история Великой войны. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 58.
  4. См., например: Фомин С. К вопросу о ритуальном характере Екатеринбургского убийства // Тайны коптяковской дороги. Дело веры. Информационно-аналитический сборник № 2. Материалы к рассмотрению вопроса о так называемых Екатеринбургских останках, предположительно, принадлежащих к Членам Царской Семьи и верным слугам Их. — М.: Купина, 1998. С. 109—124.
  5. Августиневич В. Г. Великая Отечественная: перелом истории. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 36.
  6. Большая советская энциклопедия, 1-е изд. Т. 7. М.: АО «Советская энциклопедия», 1927. Ст. 461.
  7. Там же.
  8. См.: Андрюхин А. Грузия воевала на деньги, присланные из России? // Известия. 2008. 19 сентября. № 175/27700. С. 1, 4.
  9. См.: Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В. М. Хрусталева, Л. А. Лыкова. — Пермь: Изд-во «Пушка», 1996.
  10. Кучерена А. Бал беззакония. — М.: Политбюро, 1999. С. 314.
  11. Патриарх Тихон. Россия в прокате. — М.: «Лодья», 1998. С. 101—102.
  12. Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917—1922). — М.: Госполитиздат, 1960. С. 78.
  13. Там же. С. 79.
  14. Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв.) Выпуск VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие. 1919—1922 гг. — М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив», 1998. С. 262.
  15. Лыкова Л. А. Следствие по делу... С. 269—270.
  16. Там же. С. 270.
  17. Там же. С. 71.
  18. Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале.) — Екатеринбург, 1993. С. 70—71.
  19. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1996. С. 450—451.
  20. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг. Сборник документов. — М.: Госполитиздат, 1958. С. 153—154.
  21. Там же. С. 154.
  22. Там же. С. 154.
  23. Российский архив... 1998 С. 377.
  24. Лыкова Л. А. Следствие по делу... С. 74.
  25. Там же. С. 95.
  26. См.: В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). 2-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1987. С. 68—69.
  27. Российский архив ... С. 223.
  28. Там же. С. 224.
  29. Там же. С. 377.
  30. Там же. С. 224.
  31. Там же. С. 223.
  32. Там же. С. 256.
  33. Там же. С. 263.
  34. Там же. С. 268—269.
  35. Там же. С. 270.
  36. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. III. Скорбный путь Романовых (1917—1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. документов и материалов / Отв. ред. и сост. В. М. Хрусталева, при участии М. Д. Стейнберга. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 160.
  37. Российский архив ... С. 378.
  38. Раджабов С. А. В. И. Ленин и советская национальная государственность. — Душанбе: Изд-во «Ирфон», 1970. С. 135.
  39. Лыкова Л. А. Следствие по делу... С. 77.
  40. Там же. С. 271.
  41. Там же. С. 275.
  42. Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942—1971. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. С. 234.
  43. Дневники императора Николая II. — М.: Орбита, 1991. С. 683.
  44. Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г.: Сб. документов. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 251—252.
  45. Там же.
  46. Там же. С. 252—253.
  47. Российский архив... С. 424.
  48. См., например: Письма Святых Царственных Мучеников. — СПб., 1998. С. 360.
  49. Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. — Екатеринбург: Свердловская региональная общественная организация «За духовность и нравственность», 2003. С. 189—197.
  50. Там же. С. 199.
  51. См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг. Сборник документов. — М.: Госполитиздат, 1958. С. 151—152.

Олег Филатов

СИМВОЛ ВЕРЫ

(Фрагмент из романа)

ВСТУПЛЕНИЕ

Пройдет еще десяток лет, и целый век будет отделять «россиян» от событий, которые для одних были «Великой Октябрьской социалистической революцией», а для других — «октябрьским переворотом». Тысячи и тысячи книг, сотни тысяч статей, сотни (если не тысячи) кинофильмов, осветили, казалось бы, мельчайшие события тех дней. Только вот где правда? Ведь трактовка событий тех лет людьми с разными политическими взглядами настолько не совпадает, что невольно рождает в умах разные щекотливые вопросы.

Наша история чем-то напоминает старое заношенное пальто в руках умелого портного. Его перелицовывают, в нем латают дыры, меняют фасон, заменяют истлевшую подкладку и даже снабжают новыми блестящими пуговицами. Но от этого вопросов становится еще больше. Существуют темы, при разговоре о которых «посвященные» скромно отводят глаза. К такой теме относится гибель царской семьи. Казалось бы, все давно ясно. Расстреляли, сожгли, бросили в шахту.

Спустя восемьдесят лет прах царственных мучеников торжественно захоронили в усыпальнице русских царей — Петропавловском соборе. Только вот несмотря на всю торжественность момента, никого из высших духовных чин-нов Русской православной церкви на церемонии не было. Президент несколько раз менял свое решение: «приеду — не приеду». А потом в печати стали появляться документы, в которых утверждалось, что в соборе захоронены убиенные, но никому не известные мученики.

И это еще не все вопросы-сомнения. Зачем в такой спешке снесли дом Ипатьева в Екатеринбурге, где были расстреляны Романовы? Кому он так «мозолил глаза» — Горбачеву, Ельцину или кому-то еще, кто стоял за их спиной? У кого такой глубокий исторический склероз, если храм во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших, построенный на месте дома Ипатьева, до сих пор находится на улице... Свердлова. А ведь именно этот человек сделал все, чтобы уничтожить царскую семью. Вспоминается популярный анекдот конца 50-х годов прошлого века. Любопытное дитя спрашивает мать:

— А Сталин плохой?

— Плохой!

— А Хрущев хороший?

— Спи, умрет — узнаем.

Версии и слухи о спасении царской семьи или хотя бы ее отдельных представителей уже десятки лет будоражат умы. И было бы нелепо уподобляться «знающим людям», которые кратко, но абсолютно неубедительно резюмируют: «Вопрос закрыт!» Кем, когда и почему? Свердловым, Ельциным, Немцовым? Неужели ответы появятся после того, когда будут сняты последние запреты на доступ к информации и уйдут в небытие те, кто ее охраняет?

Роман Олега Васильевича Филатова «Символ Веры» посвящен событиям, которые никогда не упоминались в нашей исторической литературе. В нем

рассказывается о попытке преданных престолу людей спасти царскую семью, спрятав ее на острове в специально построенном доме-ковчеге.

Как следует из сюжета романа, эта попытка удалась, и царская семья осталась жива. Можно, конечно, отмахнуться от этой версии как от неуместных фантазий автора, заявив подобно чеховскому герою: «Не может быть, потому что не может быть никогда». Но стоит прочесть роман и обратиться к архивам, чтобы обнаружить интересный факт. Люди, о которых пишет автор, реально существовали, и в романе они действуют под своими, а не вымышленными фамилиями.

Все, что автор повествует о Шадринске, где и разворачиваются основные события, имеет документальную основу, вплоть до названия улиц и мелких фактов из жизни его обитателей. Ничего не придумано. И роман можно считать энциклопедией жизни российской глубинки в предреволюционные и первые революционные годы. И версия о спасении царской семьи совсем не кажется такой уж невероятной. Во всяком случае, в нее очень хочется верить.

В. В. Богданов, член Союза писателей России, профессор

От автора

Особое место в истории России и мира занимает судьба членов семьи императора России Николая II и его потомков. Заговор с целью устранения от власти императора привел к страшной катастрофе. Это событие отозвалось эхом Гражданской войны и гибелью миллионов людей, в связи с чем работа по розыску останков и идентификации членов царской семьи и его потомков имеет особое значение. Тема эта живет уже девять десятков лет. В исследовании этой проблемы до сих пор осталось много невыясненных обстоятельств. Произошло это в силу многих причин, как политических, так и экономических. Анализ материалов, посвященных проблеме изучения судьбы семьи Николая II, и проведенных на настоящий момент исследований показали, что основная часть их направлена на решение вопросов установления лишь одного факта гибели всех членов царской семьи в 1918 году. Факт возможного спасения членов семьи императора России Николая II фактически не рассматривался. Стало быть, не были до конца установлены исторические и юридические обстоятельства, с которым связываются возникновение, изменение или прекращение правоотношений. А правовую оценку конкретным фактам дает суд. Его не было ни в 1918 году, ни в 1998 году, то есть в год захоронения предполагаемых останков царской семьи. Русская православная церковь не признала данные останки царскими. Актуальность в решении этой проблемы вызвана еще и тем, что интерес граждан к прошлому своей родины понятен и без труда объясним.

Как известно, долгое время действовали административные запреты на тему, связанную с именем императора Николая II и судьбой членов его семьи. Ответ на этот вопрос надо искать не в гипотезах, а в поиске и анализе исторических документов и их публикации. Для установления закономерностей исторического развития исследуют факты, события и процессы на базе исторических источников. На фоне относительно большого числа публикаций по вопросу расследования

убийства царской семьи на Урале в 1918 году, которые претендовали и претендуют на полноту знаний по данной теме, существуют лишь единичные труды на тему спасения членов семьи Николая II.

В 1993 году Генеральная прокуратура РФ возбудила уголовное дело № 18/123666-93 по факту умышленного убийства людей, останки которых эксгумированы в 1991 году под г. Екатеринбург. «...Один из авторитетных членов правительственной комиссии директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН, академик РАН В. В. Алексеев обращался к правительственной комиссии с предложением провести историческую экспертизу обстоятельств расстрела и захоронения семьи Романовых силами специалистов возглавляемого им института. Однако по инициативе следователя Генеральной прокуратуры РФ В. Н. Соловьева данное предложение было отвергнуто, поскольку ему не был ясен предмет данной экспертизы. Отвергая необходимость проведения исторической экспертизы, следователь ссылается на следующий аргумент: документы из “Архива Никандра Миролюбова”, представленные академиком Алексеевым В. В., дополняют материалы следственного дела, но не имеют самостоятельного значения, поскольку в них содержится версия о “чудесном спасении” царской семьи. Досье Н. Миролюбова из Гуверовского института войны, революции и мира (США) упоминалось западными исследователями, но в полной мере не вводилось в научный оборот, поскольку без соотнесения с советскими документами мало что дает. Его ценность заключается в том, что екатеринбургский прокурор В. Ф. Иорданский в 1919–1920 годы посылал своему шефу, казанскому профессору Миролюбову, те сведения первичного следствия, которые не нашли отражения в известном деле Соколова. Интересно, что Иорданский В. Ф. постоянно ссылается на военную разведку, в руки которой поступают важные документы по царскому делу, но они не становятся достоянием официального следствия. По всей вероятности, такие документы можно обнаружить в военном архиве А. Колчака...»

Вот что пишет по этому поводу независимый эксперт доктор медицинских наук, профессор В. А. Попов: «...Не следует забывать о важнейших подлинных документах, хранящихся в библиотеках Гарвардского и Стенфордского университетов. Это семь томов материалов расследования, проведенных не только Н. А. Соколовым, но и его предшественниками Малиновским, Наметкиным, Сергеевым, Кирстой... Изучение этих материалов представляет исключительный интерес в связи с тем, что при подготовке к публикации книги Н. А. Соколова часть материалов расследования, не укладывающихся в окончательную схему (все расстреляны и все сожжены), были якобы целенаправленно изъяты и не попали на страницы книги, увидевшей свет только после смерти ее автора... Часть материалов опубликована Николаем Россом в 1987 году во Франкфурте издательством «Посев». Например, в книге приводятся полные протоколы допросов доктора Павла Ивановича Уткина, обвиняемого Александра Семеновича Ребухина, свидетелей — рядового Енисейского полка Аркадия Яковлевича Неустроева, унтер-офицера караульной команды Козьмы Егоровича Рудометова; телеграфистов станции Пермь-I Владимира Андреевича Ермолаева и Клавдии Ивановны Шиловой, гражданок Натальи Василь-

евны Мутных, Евгении Ивановны Соколовой, Степаниды Федосеевны Подоровой, Татьяны Лазаревны Ситниковой, Ивана Филипповича Куклина, Федора Федотовича Онянова, Устиньи Ивановны Варанкиной, Максима Кузмича Григорьева, Матрены Никитичны Куклиной, Василия Семеновича Рябова, рядового 5-го Томского сибирского полка Федора Васильевича Ситникова. Из рассказов этих людей складывается история великой княжны Анастасии Николаевны: она не погибла в роковую ночь с 16 на 17 июля 1918 года, попала к красноармейцам, подверглась физическому и моральному насилию, ее видели в районе разъезда № 37 Пермской железной дороги в сентябре 1918 года. Все допросы проводил помощник начальника военного контроля штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса надворный советник А. Ф. Кирста в период с 10 февраля по 2 апреля 1919 года. Нельзя упрекнуть А. Ф. Кирсту в недостаточном профессионализме. Последний рапорт А. Ф. Кирсты адресован начальнику штаба Сибирской армии и датирован 7 апреля 1919 года. В нем А. Ф. Кирста предлагает подробный план дальнейшего расследования во имя, как он пишет «первой цели — спасти семью Государя Императора...»¹

Иначе говоря, А. Ф. Кирста был убежден, что к апрелю 1919 года Романовы были живы. Не вызывает сомнений необходимость самого тщательного и скрупулезного сравнительного анализа подлинных документов с материалами, опубликованными в эссе Н. А. Соколова. Вот что пишет о его работе товарищ прокурора Пермского окружного суда Д. Тихомиров 2 апреля 1919 года: «Наблюдая постоянно за расследованием, производимым Александром Федоровичем Кирста по делу об императорской фамилии... Поэтому полагаю крайне необходимым дать возможность А. Ф. Кирста осуществить разработанный им план расследования и закончить начатые уже розыски и со своей стороны изъявляю полную готовность продолжать работу с А. Ф. Кирста по этому делу, вплоть до окончания его и задержания всех виновных лиц». Как известно, Соколов не принял эту версию в работу, так же как спустя 70 лет этого не сделала и Госкомиссия Правительства РФ. Спрашивается, что этому помешало? В результате пренебрежения мнением профессиональных историков с самого начального этапа работы правительственная комиссия еще больше «запутала» объективную картину убийства, а особенно захоронения «екатеринбургских останков». Поэтому проведенная следствием 1991–1997 гг. работа является только версией, а не научно доказанным выводом о подлинности «екатеринбургских останков». Никакие суперсовременные методики не могут обойтись без элементарных исторических фактов, которые нередко противоречат результатам самых дорогостоящих экспериментов, потому что абстрагированы от реальной действительности².

Надо отметить, что ни прежняя власть, ни сегодняшняя так и не сумели до конца разобраться в подлинности происходивших в то время событий. А это никак не вяжется с постоянными заявлениями о восстановлении справедливости по отношению к семье императора, в

¹ Попов В. А. Где Вы, Ваше величество? // Публикации. Факты. Исследования. СПб: Петровская академия наук, 1996. С. 203 – 204.

² Бастрыкин А. И. Процессуально-криминалистический анализ материалов, связанных с обнаружением и исследованием захоронения неизвестных лиц, обнаруженных в 1991 году в окрестностях г. Екатеринбурга. С. 85–87.

данном конкретном случае по отношению к оставшимся в живых. Ибо это не укладывается в рамки версии о гибели всей царской семьи. Спрашивается, кому это выгодно? Ведь если существуют такие подходы к решению вопросов, связанных с судьбой семьи первого лица Российского государства, то на что же может рассчитывать простой гражданин России?

Автор не впервые обращается к данной теме. В соавторстве с учеными-криминалистами и судебными медиками им написана книга «Спасение Цесаревича Алексея. Историко-криминалистическая реконструкция расстрела Царской Семьи» (СПб.: Блиц, 1998). Книга вышла в свет в США, Англии, во Франции, в Австралии и Канаде. В нее включены данные судебно-медицинских и криминалистических исследований, где впервые упоминается версия спасения цесаревича Алексея Николаевича Романова, сына императора Николая II, и о его дальнейшей жизни под именем гражданина СССР Василия Ксенофоновича Филатова. Следующая книга автора была посвящена жизни цесаревича Алексея в СССР (Филатов О. В. «История души, или Портрет эпохи». СПб.: Фонд «Державные Традиции», «Валери СПД», 2000). Она носит историографический характер. Следует сказать, что первые данные о проведении войсковой операции по спасению царской семьи стали известны автору из устных рассказов В. К. Филатова в 80-е годы. Эти данные согласовывались с информацией Госкомиссии о том, что часть останков членов семьи, якобы расстрелянных в доме Ипатьева, так и не были обнаружена. Объяснению этому факту не дано до сих пор. Официальная работа криминалистов и судебных медиков началась в 1988 году, то есть в год смерти В. К. Филатова. Одновременно с исследованием его биографии, по имеющимся в семье данным о нем и его документам, а также воспоминаниям членов семьи, обследовались архивы тех районов, где он проживал. Автором было проанализировано большое количество исторических и иных фактов, которые могут свидетельствовать о спасении членов императорской семьи Николая II на Урале в 1918 году. К ним были отнесены: 1. Воспоминания членов семьи Филатовых. 2. Личный архив семьи Филатовых. 3. Документы, удостоверяющие личности членов семьи Филатовых. 4. Медицинские документы семьи Филатовых. 5. Дневники семьи императора Николая Александровича Романова и его родственников. 6. Заключение специалистов по судебной медицине, криминалистике, касающиеся идентификации гражданина СССР В. К. Филатова и наследника цесаревича А. Н. Романова. 7. Исторические документы и публикации на тему, связанную с историей судьбы семьи Николая II. 8. Выводы белого следствия (1918–1924), а также выводы правительственной Госкомиссии (1991–1998) о судьбе царской семьи. Сюда же автор отнес источники: из военных архивов Русской армии до 1918 года, военных архивов Советской армии после 1918 года, Военно-медицинского архива РФ, исторических архивов РФ, медицинских учреждений и медицинских архивов РФ, административных архивов, государственных архивов, архивов МВД, архивов Генштаба, архивов военных комиссариатов, Центральных архивных бюро РФ, устные опросы, проведенные по местам событий в РФ и за рубежом. В результате проделанной работы стало ясно, что спасение было возможно осуществить. Изучив материалы, посвященные судьбе цесаревича до 1918 года, и проана-

лизировав дневниковые записи императорской семьи, а также имевшиеся публикации на тему судьбы семьи после 1918 года, автор пришел к выводу, что необходимо разделить изучение биографии цесаревича на две части: первая — это жизнь под своим именем до 1919 года, а затем вторая — это жизнь по легенде под именем Василия Ксенофонтовича Филатова.

Автору понадобилось около 10 лет для того, чтобы собрать материалы для книги «Символ Веры» (книга 1-я «Операция “Царский ковчег”»). Замысел книги созрел не сразу. Очень много в этой истории было неясно. Исследуя в архивах многочисленные документы и собирая материалы, автор пришел к твердому убеждению о спасении, и ярким доказательством этого явилась сама его (цесаревича Алексея) жизнь в СССР под именем В. К. Филатова. Автор решил, что книга о спасении цесаревича Алексея должна стать историческим романом со множеством персонажей, которые действуют в разное время в разных городах, но все они связаны одной целью: подготовкой к спасению царской семьи. События, описываемые автором в романе, относятся к 1917–1918 годам, когда еще шла Первая мировая война. Происходят они на Урале и в Сибири в городах Екатеринбург, Курган, Омск, Шадринск. Автор подчеркивает, что этот регион России являлся опорным краем державы. Еще в 1915 году туда производилась эвакуация промышленных предприятий и различных учреждений и специалистов из Польши. Там же создавалась следующая линия обороны против наседавшего врага: Германии и Австро-Венгрии. Туда же были отправлены в лагеря и военнопленные. Как известно, к тому времени в России их насчитывалось до 2,2 млн человек. Ставка Верховного главнокомандующего в начале Первой мировой войны находилась в Барановичах, затем в Могилеве, а далее ее планировалось перенести в Калугу. Но в ходе войны и последующих изменений в стратегической ситуации в результате наступления немецких войск ставка должна была переехать либо в Тюмень, либо в один из городов Урала. На Урале, по данным местных архивов, формировались войсковые части, к примеру, в районе Шадринска размещались запасные батальоны. А затем там была расквартирована кавалерийская дивизия. Всего к началу Гражданской войны (в мае 1918 г.) там располагалось 200 тыс. войск. К тому времени из центра золотой запас России переместился в Казань. На Урал, в Екатеринбург, перебазировался Генеральный штаб русской армии. Бывший премьер-министр России князь Г. Е. Львов бежал от большевиков в Тюмень. Семья императора России Николая II находилась в административной ссылке в Тобольске, а затем в Екатеринбурге. Сюда переезжают консульство Великобритании, представители Франции и немецкого Красного Креста. Здесь происходит формирование маршевых батальонов из пленных чехословаков для отправки на фронт. В романе разворачивается панорама событий, связанная с разразившейся трагедией — революцией, а затем Гражданской войной. Автор показывает, кто именно руководил всей военной и хозяйственной жизнью на территориях, занятых белыми частями, кто представлял исполнительную и судебную власть, в какое время формировались эти органы власти, а также наличие тайных офицерских организаций на территории России в период Гражданской войны: «...Борьба русского офицерства против антинациональной власти не ограничивалась белыми фрон-

тами. Уже в первые месяцы большевистской власти в крупных городах развернулась деятельность тайных антибольшевистских организаций, постепенно спланировавших вокруг себя очнувшихся от апатии офицеров. Организации эти создавались самыми разными антибольшевистскими силами — от монархических до эсеровских, но во всех них основной костяк составляли офицеры. Численность подпольных организаций в начале 1918 г. по всей стране составляла около 16 тыс. чел. Осенью 1918 г. активно действовал “Всероссийский монархический союз”. Всего за 1918 г. в 20 губерниях центральной России произошло 245 крупных выступлений, ЧК было раскрыто 142 организации, за 7 месяцев 1919 г. — 99 восстаний, и ЧК было обнаружено 270 организаций, более трети из которых чисто белогвардейских... Офицеров, чье участие в Белом движении ограничилось подпольем, было не более 7 тыс. Поскольку расстреливались практически все схваченные участники подпольных организаций, а абсолютное большинство уцелевших пробралось потом в белые армии, лишь очень немногие из них (не более 10%) эмигрировали...»

Руководителями войск и Белого движения на Урале и в Сибири являлись:

Болдырев В. Г. — генерал-лейтенант, главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России (с сентября по ноябрь 1918 года);

Колчак А. В. — адмирал, руководитель антибольшевистского движения в Сибири с 14 октября 1918 года, в должность вступил в ноябре 1918 года, инициатор расследования обстоятельств гибели царской семьи;

Гришин-Алмазов А. Н. — полковник, организатор и руководитель восстания русского офицерства и Чехословацкого корпуса с апреля по ноябрь 1918 года в центре России, на Урале и в Сибири;

Гайда Радола — один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса (1918), командовал Сибирской армией у Колчака. В мае 1919 года Гайда женился на Екатерине Колчак, племяннице адмирала;

Дитерихс М. К. — генерал-лейтенант в 1919 году, участник восстания, главнокомандующий фронтом. Ближайший сотрудник А. В. Колчака. В 1922 году «правитель» на Дальнем Востоке.

В книге действуют и простые граждане Екатеринбурга, Кургана, Омска, Шадринска, которые в силу обстоятельств стали участниками этих событий. Показана в книге и работа белой разведки. Главные герои книги — это офицеры Симонов, Обыденков, Филатов, Гладких, Мокеев и другие. Описание боевых действий на фронте происходит через переживания одного из основных героев книги Андрея Филатова. Автор дает читателю возможность понять, чем жил герой, о чем он думал в минуты наивысшего напряжения боя, в первые минуты после ранения, о его встрече в госпитале с великой княжной Татьяной Николаевной, которая, уже находясь в Тобольске, справлялась в своем письме жене генерала Чеботарева о бедном Филатове и советовала искать этого бедного Филатова. В романе читатель сможет понять истинное отношение Андрея к царской семье, которую он видел воочию среди раненых и умирающих, находясь на госпитальной койке. Читатель представит, чем жила русская глубинка в дни войны, что происходило в сердцах русских людей. Автор описывает Шадринска, быт его жителей, их нравы. Отдельно в романе рассказывается о нескольких участ-

никах основных событий. Это начальник контрразведки армии штабс-капитан Симонов. Вот что писали о нем участники тех событий: «...Когда был взят Екатеринбург, то из разбитой, отступавшей армии Берзина к нам перебежало много наших офицеров. В числе их был и генерального штаба капитан Симонов, начальник штаба армии Берзина. Хотя это был офицер, причисленный в генеральный штаб уже приказом Бронштейна-Троцкого, но, занимая видную должность у Берзина, он много помогал нашему офицерству перебраться на белогвардейскую сторону и, в конце концов, сам последовал за ними. В Омске он нашел своего начальника академии генерала Андогского; последний, покровительствуя Симонову, взял его в Ставку на ответственную должность начальника разведывательного и контрразведывательного отдела. В Омске Симонов всем говорил и докладывал официально Верховному правителю, что, служа в рядах большевиков, он слышал от комиссаров, что наследник цесаревич и великие княжны живы, но неизвестно, где находятся. Лично Симонов твердо верил в это и решительно отстаивал ту версию, но никаких реальных доказательств представить не мог»³. К этому надо добавить, что вместе с капитаном Симоновым в его отделе служил Константин Семенович Мельник, поручик императорской армии. Он женился на дочери доктора С. Боткина Татьяне и увез ее в Европу. В Тобольске доктора Боткина солдаты охраны предупредили о грозящей опасности. И далее: «Для участия в осмотре и для опознания вещей пригласили доктора Деревенко и старика Чемодурова... Доктор Деревенко В. Н., участвовавший в осмотре, был спокоен. Он разделял мнение, что убиты не все...»⁴ Выведен в книге и образ секретаря великого князя Михаила, родного брата императора Николая II, — это офицер Обыденков. Именно о нем записал великий князь в дневнике следующее: «28 мая ...Пермь объявлена на военном положении. За последние дни отсюда посылали довольно много рот Красной армии на разные внутренние фронты... 29 мая. Газет не было из Петрограда уже два дня, а из Москвы почему-то сегодня поезда не пришли... До обеда видел Обыденкова, только что возвратившегося из Екатеринбурга, по-видимому, там военнопленные взяли власть в свои руки и арестовали Советскую власть, то же самое совершилось и в других некоторых городах Сибири...»⁵ Отдельная глава в романе посвящена воспоминаниям императора о днях измены. Глазами императора читатель увидит истинное положение вещей, складывавшихся в то непростое время. И тем ярче на этом фоне ему будет понятна преданность офицеров, не изменивших присяге. Автор выводит в романе и образы женщин. Так, мы узнаем о любви Екатерины к штабс-капитану Мокееву, об отношениях штабс-капитана Симонова с Александрой Филатовой. В романе автор сознательно не выводит образ царской семьи. Для него важнее было показать события и действия людей, оставшихся преданными ей, например семьи Филатовых и ее родственников. Эти люди принимали участие в передислокации

³ Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале; Жильяр П. Император Николай II и его семья // Тайны истории в романах, повестях и документах. С. 51, 58, 65. М.: ТЕРРА, 1996.

⁴ Там же. С. 63–65.

⁵ Буранов Ю. А. Правда о Екатеринбургской трагедии // Сборник статей под ред. Ю. А. Буранова. М.: Русский вестник. 1998. С. 241.

царской семьи в спецукрытие в Заозерный край. При опросе местных жителей о далеких событиях 1918 года автор выяснил, кем являлись родственники семьи Филатовых до революции. Ему дружно отвечали, что все они были сапожниками. Однако в ходе работы в двух архивах города с документами стало ясно, что к родственникам семьи Ксенофонта Филатова относились также семьи купцов Ватина и А. П. Седунова, довольно известные в тех местах.

В романе нет прямых столкновений характеров, нет и длительных, мучительных переживаний героев, с кем им идти. Характеры их уже сложились. Автор рассказывает о людях, однажды выбравших для себя путь, с которого не сойдут. Служба, которую они несли, требовала полной самоотдачи. И каждую минуту могло произойти столкновение «стенки на стенку». Так оно и вышло.

И в заключение надо сказать, что одним из новых источников, в котором подтверждаются указанные выше факты, являются мемуары полководца А. А. Брусилова. Осенью 1924 года к Брусилову в Москве пришел молодой человек, по виду крестьянин, и передал письмо от наследника цесаревича. Брусилов и его супруга задали молодому человеку вопрос о том, жив ли он? Прочитав письмо, Брусиловы поняли, что жив не только наследник, но и его сестры — великие княжны.

События, описанные автором в 1-й книге «Операция “Царский ковчег”», имеют продолжение, и читатель узнает о них в следующей книге.

Член Российского Межрегионального
союза писателей, действительный член
Академии русской словесности и изящных
искусств им. Г. Р. Державина

Олег Васильевич Филатов

Санкт-Петербург
Май 2006 года

Глава I

АГЕНТ

Поток пассажиров выплеснулся с перрона на маленькую вокзальную площадь станции Екатеринбург-II и оттуда медленно стал растекаться по улицам города. Среди пассажиров был невысокий смуглый человек в синем костюме. В одной руке он держал чемоданчик, через другую руку был переброшен черный непромокаемый плащ. На темные волосы надвинута серая кепка. Его звали Михаил Павлович Гладких. Он прошел в толпе через вокзал на площадь и огляделся. «Ничего не изменилось». С последней группой пассажиров, возбужденно торопившихся, он зашагал по правому тротуару. Весна, распутившаяся во всем своем блеске и великолепии, покрыла бульвар роскошной зеленью. Пышные кроны тополей бросали широкие тени. На первом перекрестке Михаил Гладких замедлил шаги и растерянно усмехнулся. На углу он прочел на металлической табличке название улицы. Это было прежнее название, знакомое ему, — «Сибирский проспект». Улица была все такой же широкой, просторной, тонущей в зелени, и вела к Сенной площади. Там же находились и казармы. А далее она пересекала реку Исеть и через весь город шла на окраины и до кладбища

и исправдома № 71. Вдалеке красовался грандиозный силуэт Новотихвинского монастыря, купол, которого, покрытый золотом, отражал яркие солнечные лучи. Гладких продолжал медленно шагать. Мимо него торопливо шли екатеринбуржцы. Время от времени он останавливался и осматривал витрины, где были выставлены мебель, ткани и другие товары. На губах его играла улыбка, которой он прикрывал охватившее его смущение. Он пересек тенистый бульвар, отскочил от двуколки, пронесшийся за его спиной, прошел еще сотни три шагов и остановился на перекрестке. Слева от него подымалась громада купеческого дома. Год назад, осенью, когда он в последний раз приезжал сюда, этого дома еще не было, он только строился и был весь в лесах. Несколько часов Михаил бродил по городу. Не раз он останавливался, стараясь ориентироваться. Город после революции стал неузнаваемым, даже чужим. Около полудня он остановился на углу рядом с Хлебной площадью. У газетного ларька стояли два покупателя. Гладких подождал, пока они отойдут, наклонился к окошечку и спросил последний номер «Уральского рабочего». Пока продавец брал газету, Гладких внимательно разглядывал его лицо — круглое, с усами и маленькой родинкой под левым глазом.

— Погода сегодня хорошая, — медленно произнес Михаил, беря газету, и посмотрел продавцу прямо в глаза.

— Да, хорошая, — безразлично ответил он. — Весна!

Михаил огляделся и после короткой паузы добавил:

— Но погода может испортиться!

— А вы посмотрите на небо, если ли на нем кучевые облака, то можно точнее определить, будет ли дождь. — Спокойно ответил продавец газет. Михаил Гладких пригляделся и обнаружил, что внутри ларька сидит еще один человек. Рассмотреть его было трудно, видна была лишь его серая парусиновая куртка.

Гладких взял газету и побрел дальше по улице. Он приехал сюда надолго. Первые дни он жил у своих знакомых, на улице Малышева, бывшем Покровском проспекте. Они сдали ему комнату на втором этаже. За неделю к нему никто не приходил и не спрашивал, кто он такой и зачем приехал. Он ходил по улицам, по берегу Исети. Ноющее чувство, будто каждый встречный подозрительно смотрит на него, не проходило. Через неделю он смог убедиться, что контроль здесь не строгий. Патрули ни разу не останавливали его. Конечно, могло случиться всякое. И он прекрасно учитывал подстерегающие его опасности, но надежда избежать их постепенно возрастала. А если провалится... Страхи его были не напрасны, ему было чего бояться. Сын богатого купца, Михаил Гладких учился в гимназии, потом в офицерском училище. В годы войны он добровольно пошел на фронт. Здесь незаметный поручик быстро отличился: на его счету был не один успешный рейд в тылы противника. В последние месяцы войны его ранило на Северо-Западном фронте. Долго лечился, потом дом и, наконец, очутился в разведывательном центре «Урал». Две недели назад полковник Гришин-Алмазов нашел его. Предложил выполнить особое задание. Поручик Михаил Гладких согласился. Шеф обеспечил его финансами для выполнения этого сверхважного поручения. В тот день, 30 марта, он вышел на улицу и пошел на встречу. Погода была прекрасной. Через час он подошел к тому же газетному ларьку. Теперь он

был без кепки, но надел поверх костюма плащ. Михаил купил пачку папирос, медленно положил их в карман и будто случайно произнес:

— Погода сегодня хорошая.

— Да, хорошая, — подтвердил продавец.

— Весна! Но если погода испортится, то посмотрите на небо. Так точнее можно определить, будет ли дождь.

Продавец высунул голову в окошко, оглянулся направо и налево и прибавил:

— Говорите быстрее: где и когда? Пройдите здесь в 17.30 и идите вслед за мной.

Михаил Гладких отошел от ларька и исчез в толпе. В 17.30 вечера продавец газет и Михаил Гладких вошли во двор дома № 96. Продавец шел впереди. Двор был крайним по Московской улицы. За ним начинался лес. Дом, куда они вошли, был небольшой, покрытый белой штукатуркой, местами осыпавшейся, с застекленной верандой. Они прошли в темную комнату, полную запахами древесных опилок, свежих стружек. Дверь в следующую комнату была открыта. Гладких осмотрел ее и обратил внимание на то, что она была удобной, обставлена со вкусом: двуспальная кровать, шкаф, у окна — круглый стол, напротив кровати — книжный шкаф и возле него — копия картины Шишкина «Вид в окрестностях Петербурга». А в комнате, где он находился, в углу стоял небольшой верстак. Вдоль стен — книжные шкафы и простые стеллажи, а на них всевозможные книги, подсвечники, солонки, резные подстаканники, полированные, с инкрустацией ножи.

Михаил Гладких оставил чемоданчик на столе и внимательно оглядел человека, который привел его сюда. Худенькое румяное лицо его было с усами, подбородок гладко выбрито. Тонкие брови, зеленые, беспокойные глаза. Под левым глазом родинка. Продавец протянул руку и представился:

— Василий Никанорович Филатов.

Оба уселись у стола.

— Вы не родственник Филатовым из Шадринска?

— Родственник.

— Оттуда приехали? — спросил Василий Никанорович.

— Да.

— Мы будем вместе работать?

— Да, некоторое время.

— Непременно нужно было... — начал Василий Никанорович.

— Что такое?

— Нужно было бы восстановить связь со мной.

Гладких знал сеть, в которую входил этот человек, сидевший перед ним.

Он аккуратно намекнул Василию Никаноровичу так о себе, чтобы у собеседника не оставалось сомнений относительно него.

— Мне кажется, — сказал он, — вы обеспокоены исчезновением Померанцева? — Перед отъездом из центра Михаил Гладких узнал, что Померанцева убили при попытке перейти линию фронта или при других обстоятельствах, но факт оставался фактом, что вследствие его гибели Василий Никанорович не был раскрыт. Василий Никанорович промолчал, а Михаил загадочно добавил:

— Он, может быть, больше уже и не появится.

— Неужели он?.. — В глазах Василия Никаноровича мелькнул страх.

— Нет, он не раскрыт. Будь он раскрыт, я бы не связался с вами. Он... по ту сторону, — спокойно сочинил Михаил Павлович.

— А в чем моя задача?

— Пока что только одна: квартира и эстафета. Впрочем, вам ведь главным образом за это и платили. — Василий Никанорович улыбнулся. Его стало раздражать открытое стремление Гладких держать себя с ним высоко.

— Это мне хорошо известно, — заметил он.

Василий Никанорович разговаривал степенно и уверенно; он не считал себя новичком в своем деле и намекал на то, что знает себе цену. Взгляд Михаила Павловича скользнул по комнате и остановился на кровати у стены.

— Может быть, здесь? — слегка неуверенно спросил он.

— А почему бы и нет? — Василий Никанорович поднялся.

— Минутку терпения, сейчас я вам все покажу.

Они вернулись в переднюю, через которую прошли.

Оттуда деревянная лестница вела на чердак. Василий Никанорович открыл одну из дверей, они вошли в кухню. Михаил Павлович внимательно оглядел ее. Рядом с плитой было две маленькие двери. Одна вела в обыкновенный темный чулан без окон и дверей, расположенный в задней части дома. Войти туда можно было только через потайную дверцу, замаскированную на кухне обоями. В полу чулана, под деревянной койкой, был устроен лаз в подполье, из которого можно проникнуть в сарай, а оттуда — в сад и на улицу. Все подземелье было забито сундуками, чемоданами и ящиками.

— А эта дверь? — спросил Гладких.

Василий Никанорович открыл ее, Гладких прошел за ним. Они опять оказались в спальне.

— Умно! — усмехнулся Михаил Павлович. — Это хорошо. Можно вокруг ходить и ничего не увидеть.

Они снова вышли в переднюю, Василий Никанорович зажег лампу и пошел по деревянной лестнице. Гладких следовал за ним. Минут через пятнадцать они снова сидели за столом в спальне, Филатов по-прежнему был спокоен, у Михаила лицо слегка покраснело от волнения.

— Да, место надежное. Хозяин согласился.

— А эстафета работает?

— Думаю, что да. — Гладких обрадовался: значит, он постоянно будет иметь связь с центром. И тут же в голове пронеслось: «А если нас накроют?» Он провел носовым платком по пересохшим губам. — Не было ли у вас до сих пор неприятностей с властями?

— Нет, — решительно произнес Василий Никанорович.

— Обыски? Допросы?

— Нет!

— Не замечали ли вы слежки за собою?

— Никогда, сами подумайте. Стал бы я так рисковать и приводить вас сюда...

— У вас связь была только по одной линии эстафеты, не правда ли?

— Да! Вверх — с Померанцевым, вниз... — Василий Никанорович замялся.

— Можете не называть! — мягко сказал Гладких.

— Ведь оно лучше будет.

Наступило непродолжительное молчание.

— Я должен как можно скорее связаться с центром, — проговорил, наконец, Михаил Павлович, Филатов только взглянул на него.

— Конечно, встречаться не здесь. Меня могут взять. Лучше в каком-нибудь другом месте, например в лесу.

— А не будет ли это еще опаснее?

— Нет, не будет, — успокоил его Василий Никанорович, — у нас здесь, в сущности, обстановка не совсем простая, как предполагают начальники. Здесь власти хотя и смотрят за вновь прибывающими, но это вовсе не значит, что за каждым гражданином следит Совдеп. Можешь гулять, где хочешь, никто тебя не остановит, разве только...

— Разве только — что?

— Разве, что сам засыпешься, обратив чем-нибудь на себя внимание.

— Где же тогда назначать встречи?

— Подумаем. По воскресеньям окрестности полны народа. Город то в ширину три километра, а в длину пять... Можно совершенно незаметно пройти вместе с ними.

— Но со мною должен быть человек, пока я буду передавать данные с рук на руки. На всякий случай должен быть кто-нибудь. Могли бы вы со мной пойти?

— Конечно, я пойду, — с готовностью подтвердил Василий Никанорович.

— Да, так будет лучше. А вы здесь один живете, в этом доме?

— Пока да.

— Удобное жилье. Как вам позволили занять такую жилплощадь?

— По двум причинам. Во-первых, домик мой собственный, новостройка. Во-вторых, я женат.

— Как женаты? — вырвалось у Гладких.

— Да, женат, но вы не думайте. Жена моя в Шадринске, у своей сестры, и долго пробудет там.

— А она... знает?

— Конечно, знает.

— Нет, не опасно. Ее брат там... на Дону.

— А он... приезжал сюда?

— Приезжал, всего один раз, два года назад.

— Не под наблюдением ли ваша жена?

— Почему? Здесь даже не знают, что брат ее на Дону.

— Впрочем, это несущественно. Важнее другое.

— Что именно? — забеспокоился Василий Никанорович.

— Нам надо условиться на всякий случай: кто вы такой, откуда, зачем приехали, с каких пор мы знакомы. Вы меня понимаете?

— Да, вы правы.

Они ближе подвели друг к другу. Разговор продолжался почти шепотом.

Поздно ночью, подымаясь по деревянной лестнице, Михаил Павлович спросил:

— Как зовут вашего шурина? Того, что в Тюмени.

— Кузнецов... Евстафий Кузнецов.

Гладких вздрогнул, остановился и обернулся к хозяину.

— А что? Вы его знаете? — удивился Василий Никанорович.

— Да, знаю. Где он сейчас?

— Уехал две недели назад, — Василий Никанорович не стал пускаться в объяснения. Ему было известно, что курьера, посланного из центра, звали Евстафием Кузнецовым.

Через два дня Гладких шел по базару, что на Щепной площади у монастыря, где ему надо было встретиться с Александрой Филатовой. Он шел между рядов. Карие глаза его блестели, излучая неподдельный интерес ко всему окружающему. Усы были закручены вверх, волосы зачесаны назад. На ногах у него были яловые сапоги, начищенные до блеска, под пиджаком надета белая косоворотка.

— А вот, любезный, не надо ли свежей сметанки?

— Лука не надо? Может, чеснока? А может, свежей булки?

— Не хочется ли свининки? Может, рыбы свежей?

Михаил где отмалчивался, где отшучивался, где пробовал кусочек окорока, а где и хлеба. Постоял у квасной бочки, выпил кружку кваса. Все это время он внимательно посматривал по сторонам. Александра была на месте. Подозрительного он ничего не заметил. Подойдя к ней, спросил:

— Почему картофель продаешь, красавица?

— Как все, недорого возьму.

— Ладно, взвесь килограмм. — Александра прошептала Михаилу, что, мол, человек из штаба красных передал информацию о том, что большевики хотят семью взаперти держать. Для этого они то ли дом Поппель избрать хотят, то ли дом доктора Архипова.

— Спасибо за товар хозяйка, — нарочито громко сказал Михаил и пошел прочь.

Он думал о том, что ситуация быстро меняется и необходимо срочно через железнодорожников отправить данные в Шадринск, штабс-капитану Мокееву. Как бы не пришлось штурмом брать дом или станцию. Везде необходимо внедрять своих людей. Главное — не дать возможность вывезти Семью из города незаметно. Перехватить по дороге или выкрасть на станции, в крайнем случае — ополить охрану поезда или дома и вывезти. Если удастся без боя, а если не удастся, то перемещать из дома в дом, где будут свои люди, а потом в лес к горнозаводской железной дороге. Думая об этом, он подошел к лесочку, куда он просил подойти Шулина для передачи данных.

В конце недели в субботу, закончив рабочий день в газетном ларьке, Василий Никанорович прошел по Хлебной площади, далее через Щепную площадь и Северному проспекту, пересек улицу Шейкмана и, отвесив не менее десятка поклонов знакомым, добрался до своего дома.

Филатов сдвинул в сторону картину Шишкина и постучал в стену помещения, где нашел себе приют Гладких.

Через некоторое время из кухни вышел Михаил.

— Добрый вечер, — сказал хозяин.

— Здравствуй, Василий, — откликнулся Михаил. — Отработали?

— Отдыхаю с понедельника. Будем обедать?

— С удовольствием, я порядком проголодался. — Он вошел в комнату, служившую Василию Никаноровичу библиотекой.

— Есть новости? — спросил Михаил.

— Есть! Сейчас выкладывать или потом, когда подкрепимся?

— Когда подкрепимся!

Обедали они здесь же, в библиотеке, перед полузавешенным окном, откуда хорошо была видна калитка и садовая дорожка, ведущая к дому. Если кто войдет во двор Василия, то не застанет Гладких врасплох: он успеет скрыться в тайнике. Оба ели и пили молча. Гладких первым закончил обед. Отодвинул от себя тарелки, положил локти на стол, закурил.

— Ну вот и подкрепились. Теперь выкладывайте свои новости, Василий Никанорович.

Ковыряя гусиным заостренным перышком в зубах, Филатов сказал самым обыкновенным будничным голосом:

— Привет вам от Сокола.

— От кого? — Гладких сжал руку Василия Никаноровича.

— От Сокола. (Речь шла об Обыденове.)

— Так, значит, вы его видели?

— Подъехал к моему магазину на авто. Купил «Расписание движения поездов» и доложил о благополучном своем прибытии и о том, что все идет по плану.

Вскоре Михаил Гладких уехал.

Реставратор (Андрей Павлов-Арбенин)

ВЗГЛЯД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА НА ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И. БУНИНА

Отзывъ о стихотворенияхъ И. Бунина

(Изъ отчета о восемнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1909 г.; Сборникъ Отделенія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ LXXXIX, № 6)

Иванъ Бунинъ. Томъ третій. Стихотворенія 1903–1906 гг. С.-Петербургъ. 1906 г. — Томъ четвертый. Стихотворенія 1907 г.

«Година», поэма Теннисона. Изъ «Золотой легенды», Лонгфелло. «Каинъ», «Мистерія Байрона. С.-Петербургъ, 1908 г.

Имя Ивана Бунина не безызвѣстно въ литературѣ. Въ 1903 году вышли вторымъ томомъ его стихотворенія. Год [спустя] третьимъ изданіемъ напечатаны его рассказы въ прозѣ. Ему же принадлежитъ переводъ песни о Гайавате Лонгфелло. Не касаясь этихъ перечисленныхъ трудовъ, займемся разсмотрѣніемъ третьяго и четвертаго томовъ стихотвореній.

Г. Бунинъ хорошо владѣетъ стихомъ, который у него безукоризненъ съ внешней стороны. Въ этомъ отношеніи мы имеемъ дело не съ начинающимъ писателемъ, а со стихотворцемъ, победившимъ черныи трудъ изложенія поэтической мысли столь же поэтической речью. Уже во II томе, не подлежащемъ нашему разбору, у г. Бунина встречается не мало стихотвореній своеобразныхъ, образныхъ, полныхъ точнаго и картиннаго описанія, удачныхъ оборотовъ и сравненій. Онъ умеетъ придать обыкновенному предмету поэтическую прелесть. Вотъ несколько примеровъ:

Ракета

Былъ поздний часъ — и вдругъ надъ темнотою,
Высоко надъ уснувшею землею,
Прорезавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бешеной змеею.
Стремительно порывъ еѣ вознёс...
Но мигъ одинъ — и въ темное забвенье
Уже текутъ алмазы крупныхъ слёзъ,
И медленно ихъ тихое паденье.

Чтобы написать это, надо быть поэтомъ. То же следуетъ сказать и объ осмыслишій

В мае

Все темней и кудрявей березовый лесъ зеленеетъ;
Колокольчики ландышей въ чаще зеленой цветутъ;
На разсвѣтѣ въ долинахъ тепломъ и черѣмухой веетъ,
Соловьи до разсвѣта поютъ.
Скоро Троицынъ день, скоро песни, венки и покосы...
Все цвететъ и поетъ, молодыя надежды тая...
О, весеннія зори и теплыя майскіе росы!
О, далѣкая юность моя!

Такъ же чиста и прекрасна

Эпиталама

Озаренъ былъ сумракъ мрачный
Въ старомъ храме, и сиялъ
Чистый образъ новобрачной
При огняхъ, въ фатѣ прозрачной,
Подъ молитвенный хораль.
А изъ оконъ ночь синела;
Зимній вечеръ темень былъ,
Вьюга въ сумраке шумела,
Грустно съ колоколом пела,
Подымая снегъ съ могил...
Восприми же въ часъ урочный
Юной жизни торжество!
Быть любимой, непорочной:
Близокъ мертвый часъ полночный.
Близокъ сонъ и мракъ его.
Сохрани уборъ венчальный,
Сохрани цветы твои:
Въ жизни краткой и печальной
Светить только безначальный
Непорочный светъ любви!

Много въ этом II томе стихотвореній, заслуживающихъ вниманія; особенно нравятся въ немъ: «В февралѣ» (стр. 65), «Весеннее» (66), «Зной, но ясно» (83), «Изъ темной пропасти ущелья» (191). Томъ заканчивается милыми словами:

Я буду жить и сладко плакать,
И славить радость бытія,

на которыя хочется ответить поэту искреннимъ сочувствіемъ и горячимъ пожеланіемъ светлыхъ и чистыхъ вдохновеній.

II

Если бы мнѣ былъ предоставленъ выборъ, я бы предпочелъ второй томъ третьему, а третій четвертому: въ двухъ последнихъ, по-моему, больше недостатковъ, бросающихъ тень на светлое впечатленіе, получаемое отъ толь-

ко что приведенных стихов г. Бунина. Тем не менее и в последних двух томах есть много стихотворений, делающих честь автору. Нередко встречаются у него своеобразно-поэтические выражения, напр., «Золотой иконостас заката», «Смотрить, как ангел лазурный, весеннее утро на них», «Давно слизалъ, размылъ прибой жемчужный съ сырых песковъ следы подковъ». «Ночная песнь цветовъ — дыханье розъ в садахъ — беззвучной музыкой плыветъ, благоухая». Вот две строфы изъ стихотворения «Олень»:

Вотъ снова следъ — размеренный и редкій...
И вдругъ — прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ — и ветки,
Обитыя рогами на бегу.
О, как легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бешено, въ избытке свежихъ силъ,
Въ стремительности радостно-звериной
Онъ красоту отъ смерти уносилъ.

Верный глазъ и наблюдательность автора проявились въ описательной точности: «Расплавленной смолой сверкаетъ черный киль рыбацкаго челна на мели золотистой». Можно сказать, что поэтъ уподобился тут живописцу и что описываетъ онъ не словами, а красками. Или ещё:

Вонъ чайка села въ бухточке скалистой,
Какъ поплавок... Взлетаетъ иногда —
И видно, какъ струею серебристой
Сбегаютъ съ лапокъ розовыхъ вода.

Иногда какой-нибудь мелочью, верно подмеченной, незначительной подробностью нашъ авторъ умеетъ придать много жизненности тому, что описываетъ. Въ стихотворении «После битвы»:

Воткнувъ копье, онъ сбросилъ шлемъ и легъ.
Курганъ былъ жесткій, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жегъ...
Осенней сушью жарко дуло съ юга.
И умеръ онъ.

Это воткнутое копье и сброшенный шлемъ дышать правдой, жизнью! Но реализмъ иногда оказываетъ автору и плохія услуги, доводя чуть ли не до цинизма:

Одиночество

И ветеръ, и дождикъ, и мгла
Надъ холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче одинъ. Мне темно
За мольбертомъ — и дуетъ в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Подъ вечеръ ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что жь, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и одинъ — безъ жены.

Сегодня идутъ безъ конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой следъ подъ дождемъ у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
Въ предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись — я сроднился съ тобой»!
Но для женщины прошлого нетъ;
Разлюбила и сталъ ей чужой.
Что жь! Каминъ затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Не могу не заметить, что подобное настроеніе мало соответствуетъ обещанію самого автора «сладко плакать и славить радость бытія». Конечно, не всегда нашъ жизненный путь усеян радостями; но если ихъ заменяютъ невзгоды, то лучше лишній разъ промолчать, чем описывать свои неудачи въ стихотвореніях, подобныхъ прозаическому «Одиночеству».

Надо поставить въ укоръ автору неясное, туманное изложеніе мысли. Есть у него стихотворенія, надъ которыми ломаешь голову, какъ надъ ребусомъ: прочтешь, перечтешь, силишься угадать смыслъ и такъ и остаешься въ недоуменіи.

Вот, например, из четвертаго тома:

Неугасимая лампада

Она молчитъ, она теперь спокойна,
Но жизнь ужъ не вернется къ ней: въ тотъ день,
Когда его могилу закидали
Сырой землей, она простилась съ жизнью.
Она молчитъ, — ея душа теперь
Пуста, какъ намогильная часовня,
Где надъ немой гробницей день и ночь
Горитъ неугасимая лампада.

По-видимому, речь идетъ о нем и о ней; кажется, они умерли въ одинъ день — она не пережила его. Все это очень можетъ быть. Но почему теперь душа ея пуста? И при чемъ тут неугасимая лампада, украшающая собою и заглавіе стихотворенія.

Не более понятенъ и

Судра

Жизнь впереди, до старости далеко,
Но вотъ и я ужъ думаю о ней...
О, какъ намъ будетъ въ мире одиноко!
Какъ грустно на закате дней.
Умершие оставили одежды —
Ихъ носить бедный Судра. Такъ и мне
Оставить жизнь не радость и надежды,
А только скорбь о старине.
Мы проживем, быть может, не напрасно:
Но темъ большее будетъ до конца
Съ улыбкою печальной и безгласной
Влачить одежды мертвеца.

Эти стихи, несомненно, требуютъ поясненій. Автору не мешало бы въ выноске или примечаніи указать, кто такой Судра; это имя, конечно, не-ведомо очень многимъ.

Такъ же нуждаются въ растолкованіи и сведения о томъ, что этотъ Судра носить одежды, оставленные умершими.

Но и помимо указанныхъ неясностей, все стихотвореніе загадочно и непонятно.

В горах

Катится дискомъ золотымъ
Луна въ провалы черной тучи,
И таетъ въ ней, и льетъ сквозь дымъ
Свой блескъ на каменные кручи.
Но погляди на небосклонъ:
Луна стоитъ, а дымъ мелькаетъ.
О, да! Не время убегаетъ —
Уходитъ жизнь, бежитъ какъ сонъ.

Заключеніе опять непонятное.

Четвертый томъ открывается стихотвореніемъ съ эпиграфомъ: «Я не тушилъ священнаго огня», заимствованнымъ изъ «Книги Мертвыхъ», происхождение которой г. Бунину не мешало бы поведать недоумевающему читателю.

За гробомъ

Въ подземный міръ введетъ на судъ Отца
Сынъ, Ястреб-Горъ. Шакаль-Анубисъ будетъ
Класть на весы и взвешивать сердца:
Богъ Озирисъ, богъ мертвыхъ, строго судить.
Я погребенъ, какъ рабъ, въ песке пустынь.
Пройдутъ века и Сириусъ, надъ Ниломъ
Теперь огнемъ горящій, станетъ синь,
Да светить онъ спокойнее могиламъ.
И міръ забудетъ, темнаго, меня.

И на весахъ потянетъ сердце мало.
Но я страдалъ. Я не тушилъ огня.
И я взгляну безъ страха в ликъ Шакала.

Изъ приведенныхъ стиховъ явствуетъ, что авторъ углублялся въ тайны древней египетской мифологіи, которыя намъ, в нихъ не посвященнымъ, остаются темными. Если имя Озириса и знакомо большинству, то Ястребъ-Горъ и Шакаль-Анубисъ должны бы быть очерчены читателямъ подробнее. И все же непонятно, почему съ веками Сириусъ станетъ «синь» и вследствие этого будетъ светить могиламъ спокойнее. Что мертвецъ упоминаетъ о своихъ страданіяхъ — ясно: они уделъ каждого; но что онъ «не тушилъ огня» — надо бы пояснить.

Изъ числа непонятныхъ стихотвореній («Пугало» IV, 26, «Наследство» 30, «Рыбалка» 32, «Дядька» 38, «Дикарь» 47) приведу одно; оно какъ-то особенно дико, и едва ли кто его истолкуетъ.

Кошка

Кошка въ крапиве за домомъ жила.
Домъ обветшалый молчалъ, какъ могила.
Кошка въ него по ночамъ приходила
И замирала напротивъ стола.
Столь обращенъ къ образамъ, позабыли,
Столь, как стоялъ, такъ остался. Въ углу
Каплями воскъ затверделъ на полу —
Это горевшія свечи оплыли.
Помнишь? Лежить старичокъ-холостякъ:
Кротко закрыты ресницы — и кротко
Въ черненькій галстукъ склонилась борода...
Свечи пылають, дрожить нависающій мракъ.
Темень теперь флигелекъ по ночамъ,
Кошка приходитъ и светитъ глазами.
Уголь мерцаетъ во тьме образами.
Ветеръ шумитъ по ночамъ.

Если не редки у нашего автора непонятныя піесы, то еще чаще встречаемъ мы у него неведомыя слова и имена, которыя надо бы разъяснить читателю. Ихъ много въ восточныхъ стихотвореніяхъ и особенно въ отделе «Исламъ» (III томъ): Іазаты, барантъ, Отары, Сакаръ, Джиннатъ, Ковсеръ, Эски, Геджасъ, Ирамъ, тюрбэ, Элифъ, Ламъ, Мимъ, друзъ, дзаригъ, Истара, Апить. Получается впечатленіе, точно бродишь въ потемкахъ и ошупью отыскиваешь дорогу.

Логичность мышленія иногда изменяетъ нашему автору:

Сатурнъ

Разсеянныя огненныя зерна
Произрастають въ міре безъ конца.
При виде звездъ, душа на мигъ покорна:
Непостижимъ и веченъ трудъ Творца.

Но къ полночи восходитъ на востоке
Мертвецъ Сатурнъ — и блещетъ, как свинецъ...
Воистину зловещи и жестоки
Твои дела, Творецъ.

Мне кажется, что заключительный выводъ о жестокости Творца грешить противъ логики и во всяком случае неожиданъ.

Не всегда поэтичны и удачны у г. Бунина сравненія; не могу одобрить уподобленій въ роде следующихъ: «Песок, сверкающій, как ртуть», «Я вижу кожу бегемота — горы морщинистый хребетъ», «Какъ мелкій перламутръ беззвучно моль плыветъ», «Ветви кедра — вышивки зеленымъ темнымъ плющемъ».

III

Быть можетъ, перечисленныя мною шероховатости въ произведеніяхъ г. Бунина покажутся придирками; въ оправданіе строгости своей оценки приведу несколько стихотвореній, свидетельствующихъ, что любителю поэзіи нельзя не обратить на нихъ вниманія, какъ на плоды истинно поэтического творчества. От автора, способнаго создать выписываемыя стихотворенія, как от такого, которому много дано, надо и требовать многого. Темъ менее простительны ему указанные мною недостатки.

Въ третьемъ томе прекрасны «Хризантемы», «Призраки»; выпишу целикомъ:

Вершина

Леса, скалистыя теснины —
И целый день, въ конце теснинъ,
Громада снеговой вершины
Изъ-за лесныхъ глядитъ вершинъ.
Селеній нетъ, ущелья дики,
Леса синеютъ и молчатъ,
И серыхъ скалъ нагія пики
На скатахъ изъ лесовъ торчатъ.
Но целый день, куда ни кину
Вдоль по горамъ смущенный взоръ, —
Лишь эту белую вершину
Повсюду вижу изъ-за горъ.
Она полъ-неба заступила,
За облака ушла венцомъ —
И все смирилось, все застыло
Пред этимъ льдистымъ мертвецомъ.

У шалаша

Распали костеръ, сумей
Разозлить его блестящихъ,
Убегающихъ, свистящихъ,
Золотыхъ и синихъ змей!

Ночь изъ тьмы пустаго сада
Дышитъ холодомъ прудовъ —
Ароматом листопада.
Здѣсь же — яркій зной и свѣтъ
Тени пляшут по аллеямъ,
И бегущимъ жарким змеямъ,
Ихъ затеямъ — счета нѣтъ!

Ормуздъ

Ни алтарей, ни истукановъ,
Ни темныхъ капищъ. Мір одетъ
Въ покровы мрака и тумановъ:
Боготворите только Свѣтъ.
Владыка Свѣта весь въ единомъ —
Въ борьбѣ со Тьмой. И потому
Огни зажгите по вершинамъ:
Возненавидѣте только Тьму.
Ночь третью міра властно правитъ,
Но мудрый жаждетъ веритъ Дню.
Онъ въ міре радость солнца славитъ,
Онъ поклоняется Огню.
И, возложивъ костеръ на камень,
Всю жизнь свою приносить въ даръ
Тебѣ, неугасимый Пламень,
Тебѣ, всевидящій Датаръ!

Айя — Софія

Светильники горели, непонятный
Звучалъ языкъ, — Великій Шейхъ читалъ
Святой Коран, — и куполь необъятный
Въ угрюмом мраке пропадалъ.
Кривую саблю вскинувъ надъ толпою,
Шейхъ поднималъ ликъ, закрылъ глаза — и страхъ
Царилъ въ толпѣ, и мертвою, слепую
Она лежала на коврахъ...
А утромъ храмъ былъ светелъ. Все молчало
Въ смиренной и священной тишинѣ,
И солнце ярко купол озаряло
Въ непостояжной вышинѣ.
И голуби въ немъ, рея, ворковали,
И съ вышины, изъ каждаго окна,
Просторъ небесъ и воздухъ сладко звали
Къ тебѣ, Любовь, къ тебѣ, Весна!

Въ четвертомъ томѣ хороши «Стрижи», «Іерусалимъ» (II). Привожу целикомъ:

Цветные стекла

Люблю цветныя стекла оконъ
И сумракъ отъ столетнихъ липъ,
Звнящей люстры серый коконъ
И половицъ прогнившихъ скрипъ.
Люблю неясный винный запахъ
Изъ шифоньерокъ и отъ книгъ
Въ стеклянныхъ невысокихъ шкафахъ.
Где рядом Сю и Патерикъ.
Люблю ихъ синія странички,
Ихъ четкій шрифтъ, простой наборъ...
И серебро иконъ въ божничке,
И въ горке матовый фарфоръ.
И васъ, и васъ, дагерротипы,
Черты давно поблекшихъ лицъ!
И сумракъ отъ столетней липы,
И скрипъ прогнившихъ половицъ.

Христось

По алтарямъ пустымъ и белымъ
Весенній ветеръ дулъ на насъ,
И кто-то сверху капаль меломъ
На золотой иконостасъ.
И звучный гулъ бродилъ в колоннахъ,
Среди лесовъ. И по лесамъ
Мы шли въ широкихъ балахонахъ
Съ кистями, въ куполь, к небесамъ.
И часто, вместе съ малярами,
Тамъ пели песни. И Христа,
Что слушалъ насъ въ веселомъ храме,
Мы написали неспроста.
Намъ все казалось, что подъ эти
Простыя песни вспомнить Онъ
Порогъ на солнце въ Назарете,
Верстакъ и кубовый хитонъ.

Изъ последняго своеобразнаго стихотворенія хотелось бы вычеркнуть прилагательное *кубовый*, если и применимый к краске, то не подходящій к хитону.

IV

Переводъ поэмы Теннисона «Годиwa» исполненъ г. Бунинымъ прекрас-но и не заслуживаетъ ни малейшаго упрека.

Стихи подлинника переданы весьма точно; 75 англійскимъ стихамъ соответствуютъ 89 русскихъ.

Съ такою же похвалою должно отозваться и о переводе перваго от-рывка изъ «Золотой Легенды» Лонгфелло. Жаль только, что переводчику не удалось соблюсти рифмъ въ заключительныхъ стихахъ пятистиший.

Что же касается второго отрывка, то онъ переведенъ белыми стихами, тогда как въ подлиннике чередуются постоянныя рифмы. Это бы еще не беда; много хуже, что переводчик допускаетъ пропуски и даже искаженія.

Напримеръ, въ подлиннике мы читаемъ:

... The volume in his hand,
Wherein amazed he read:
"A thousand years in try sight
Are but as yesterday when it is past,
And as a watch in the night!"
And with his eyes downcast
In humility he said:
"I believe, O Lord,
What is written in try Word,
But alas I do not understand!"

Въ переводе:

Его глаза
Покоились на книге Августина,
Где онъ прочель
О дивномъ и незримомъ Божьемъ Граде
Въ далекой и неведомой стране.
«Всею сердцемъ верю
Въ Твои деянья, Господи! — сказал онъ, —
Но не могу постигнуть ихъ».

Упоминаніе о книге Августина, о дивномъ и незримомъ Божьемъ Граде въ далекой и неведомой стране принадлежитъ произвольному измышленію переводчика. Ничего такого у Лонгфелло нетъ. Решительно непонятно, откуда взялъ г. Бунин книгу Августина; приведенныя американскимъ поэтомъ слова целиком заимствованы изъ 5-го стиха 89-го псалма царя Давида: «Предъ очами Твоими тысяча летъ, какъ день вчерашній, когда онъ пришелъ». Следовательно, книга въ рукахъ монаха Феликса была Библия, а не творенія Августина. Далее, г. Бунинъ почему-то переводитъ Word — *деянья*, тогда какъ могъ бы перевести подстрочно: *слагольи*; и совершенно опускаетъ существенную подробность о смиреніи Феликса, преклоняющаго взоры. Въ конце отрывка встречается необычное слово *скрипторіумъ*, котораго нетъ въ англійскомъ тексте.

V

Более половины четвертаго тома г. Бунина занимаетъ перевод Байроновой мистеріи «Каинъ».

Надо отдать справедливость переводчику, его трудъ читается легко, почти нигде не заметно, что передача англійскихъ стиховъ должна была стоить большого, упорнаго труда; слогъ простъ, ясенъ, гладок, даже звученъ.

Приведу места, показавшіяся мне наиболее удачными.

АКТ ВТОРОЙ

Сцена вторая

Царство смерти

Л ю ц и ф е р ь и К а и н ь

К а и н ь

Я думалъ о сестре моей. Все звезды,
Вся красота ночныхъ небесъ, вся прелесть
Вечерней тьмы, весь пышный блескъ разсвета,
Вся дивная пленительность заката,
Когда, следя за уходящимъ солнцемъ,
Я проливаю сладостныя слезы
И, мнится, вместе съ солнцемъ утопаю
Въ раю вечернихъ легкихъ облаковъ,
И сень лесовъ, и зелень ихъ, и голосъ
Вечернихъ птицъ, поющій про любовь,
Сливающійся съ гимномъ херувимовъ,
Межъ темъ, какъ тьма ужъ реетъ надъ Эдемомъ,
Все, все — ничто предъ красотою Ады:
Чтобъ созерцать ее, я отвращаю
Глаза свои отъ неба и земли...

АКТЪ ТРЕТІЙ

Сцена первая

Местность близъ Эдема

К а и н ь и А д а

А д а

Иди тихонько, Каинъ.

К а и н ь

Хорошо;
Но почему?

А д а

Вонъ тамъ подъ кипарисом
Спитъ на листве нашъ мальчикъ.

К а и н ь

Кипарисъ!
Угрюмый онъ; зачемъ ты положила
Подъ нимъ дитя? Он смотритъ так, как будто
Оплакиваетъ то, что осеняетъ.

А д а

Но он ветвистъ, под нимъ темно, какъ ночью.
Онъ точно созданъ, чтобы охранять
Отъ зноя спящихъ.

К а и н ъ

Спящихъ сномъ последнимъ
И вечнымъ. Но води меня къ Эноху.

(Подходятъ къ ребенку.)

Какъ онъ красивъ! Какъ разгорелись щечки!
Румянецъ ихъ не уступаетъ розамъ,
Разсыпаннымъ подъ нимъ.

А д а

А посмотри,
Какъ хорошо полуоткрылъ онъ губки!
Нетъ, не целуй; онъ скоро самъ проснется,
Онъ выпался, но жаль будить!

К а и н ъ

Да, правда,
Я удержусь пока отъ искушенья.
Онъ спать и улыбается: спи мирно
И улыбайся, маленькій наследникъ
Земли такой же юной, какъ ты самъ!
Спи, улыбаясь! Ты переживаешь
Часы и дни невинности и счастья.
Ты не срывалъ запретнаго плода,
Не знаешь наготы своей. Настанетъ
И для тебя часъ кары за какой-то
Тяжелый грехъ, котораго ни ты,
Ни я не совершали; но покуда
Спи безмятежно! Щечки покраснелись,
Изъ-подъ ресницъ трепещущихъ и темныхъ,
Какъ кипарисъ, колеблемый надъ нимъ,
Просвечиваетъ ясною лазурью
Дремотная улыбка... Спать и грезить —
О чемъ? О рае! — Грезь о немъ, мечтай,
Мой мальчикъ обездоленный! Онъ — греза:
Ужъ никогда и никому изъ смертныхъ
Не быть въ его обители блаженной!

А д а

Не сетуй, милый Каинъ, не тоскуй
О прошломъ надъ малюткою! Что пользы
Весь векъ Эдемъ оплакивать? Ужели
Нельзя создать другого?

К а и н ъ

Где?

А д а

Где хочешь:

Разъ ты со мной — я счастлива безъ рая.

Иль у меня нетъ мужа, нетъ малютокъ,

Родителя и брата, кроткой Селы

И матери, которой мы столь многимъ

Обязаны — помимо жизни?

К а и н ъ

Смертью

Мы тоже ей обязаны.

А д а

О, Каинъ!

Тотъ гордый духъ, съ которым ты ходилъ,

Тебя еще сильнее опечалилъ.

Я думала, что дивныя виденья,

Которыя тебе он обещалъ,

Тьмы темъ міров отжившихъ и живущихъ,

Которые ты виделъ, успокоять,

Насытить умъ твой знаніемъ; но вижу,

Что духъ принесъ одно лишь зло. И все же

Я благодарна духу и готова

Простить его за то, что ты вернулся

Такъ скоро къ намъ!

К а и н ъ

Такъ скоро?

А д а

Да, прошло

Лишь два часа — по солнцу.

К а и н ъ

Я вблизи

Смотрелъ на это солнце, созерцалъ

Міры, что озарялись имъ когда-то,

Но никогда не озарятся больше,

И те міры, что солнечнаго света

Не ведали от века: мне казалось,

Что протекли года.

А д а

Едва часы.

К а и н ь

Такъ, значить, духъ нашъ время измеряетъ
Темъ, что онъ видитъ: радости иль скорбь,
Величье иль ничтожество; я виделъ
Деянiя Безсмертныхъ, созерцалъ
Угасшiя светила и, взирая
На вечное, участвовалъ, казалось,
И самъ въ его величiи: теперь
Я снова — прахъ, и снова понимаю,
Что я — ничто: духъ истину сказалъ мне.

А д а

Неть, духъ сказалъ неправду. Самъ Iегова
Не говорилъ намъ этого.

К а и н ь

Но создалъ
Ничтожествомъ; онъ поманилъ насъ Раемъ,
Безсмертiемъ, но сотворил из праха
И въ прахъ вернетъ — скажи, за что?

А д а

Ты знаешь,
За грехъ отца.

К а и н ь

А мы — въ чемъ *мы* виновны?
Онъ согрешилъ, пусть *онъ* и умираетъ.

А д а

Нехорошо сказалъ ты; эти мысли
Того, кто былъ съ тобой, а не твои.
Я умереть готова — лишь бы жили
Отец и мать.

К а и н ь

Да, — еслибъ можно было
Насытить этой жертвой ненасытность,
И еслибъ этотъ мирно спящiй крошка
И те, что отъ него произойдутъ,
Не испытали смерти и страданiй.

А д а

Какъ знать, не будетъ ли когда-нибудь
Такою искупительною жертвой
Спасенъ весь родъ Адама?

К а и н ъ

Искупление!

Но въ чемъ мы виноваты? Почему
Я долженъ пасть за грехъ, не мной свершенный,
Иль отъ другого жертвы ждать за этотъ
Таинственный и безыменный грехъ,
Весь состояшій только въ жажде знанья?

А д а

Увы! Ты говоришь, что ты не грешенъ,
А самъ грешишь: твои слова — кощунство.

К а и н ъ

Тогда отставь меня.

А д а

О, никогда,
Хотя бы самъ Творецъ тебя оставилъ!
.....

А в е л ь, убитый. К а и н ъ

К а и н ъ

Да смерть!

И это я, который ненавиждель
Такъ страстно смерть, что даже мысль о смерти
Всю жизнь мне отравила — это я
Смерть в міръ призывалъ, чтобъ собственного брата
Толкнуть въ ея холодныя объятія!
Я, наконецъ, проснулся. — Обезумель
Меня мой сонъ, — а онъ ужъ не проснется!

Входятъ Адамъ, Ева, Ада и Села

А д а м ъ

Я прихожу на скорбный голосъ Селлы.
Что вижу я? Такъ это правда? Сынъ мой!
Вотъ, женщина, следъ змія!

Е в а

О, молчи,
Молчи о немъ: глубоко зубы змія
Впились мне в грудь! Мой ненаглядный Авель!
Іегова! Наказанье превышаетъ
Мои грехи!

А д а м ъ

Кто это сделалъ, Каинъ?

Ты былъ при немъ, — скажи, кто это сделалъ?
Враждебный ли нам ангелъ, отступившій
Отъ Господа, иль дикій зверь лесной?

Е в а

Ахъ, въ этой тьме, какъ молнія, сверкаетъ
зловещій светъ: вонъ головня, — смотрите.
Она въ крови!

А д а м ъ

Скажи хоть слово, Каинъ,
Скажи и убеди насъ, что въ несчастьи
Мы не вдвойне несчастны.

А д а

Отвечай имъ;
Скажи, что ты невиненъ.

Е в а

Онъ виновенъ,
Теперь я это вижу; он поникъ
Преступной головой и закрываетъ
Свирепый взоръ кровавыми руками.

А д а

Мать, ты несправедлива. — Каинъ, что же
Ты не рассеешь страшныхъ обвиненій,
Сорвавшихся съ устъ матери въ минуту
Безумныхъ мукъ?

Е в а

Внемли мне, о Иегова!
Будь проклятъ онъ проклятемъ вечнымъ змїя!
Да будетъ онъ снѣдвемъ вечной скорбью,
Да будетъ...

А д а

Мать! Остановись, — онъ сынъ твой,
Онъ мой супругъ, онъ братъ мой...

Е в а

Онъ лишилъ
Тебя родного брата, Селлу — мужа,
Меня — родного сына. Будь же онъ
Навеки скрытъ отъ глазъ моихъ! Все узы
Я разрываю съ нимъ, непощадившимъ
Связь братскихъ узъ. О, смерть! Не я ль ввела

Тебя въ нашъ міръ? Зачемъ же не меня ты
Взяла отъ міра?

А д а м ъ

Ева! Ты доводишь
Свою печаль до ропота на Бога.
Нашъ тяжкій рокъ былъ намъ давно предсказанъ,
И вотъ сбылось реченное, — склонимъ же
Свою главу предъ Господомъ: да будетъ
Его святая воля!

Е в а

Не Господь —
Нетъ, это онъ, вотъ этотъ призракъ Смерти,
Котораго на светъ я породила,
Чтоб онъ усеялъ землю мертвецами, —
Повергъ его! Да будутъ же надъ нимъ
Проклятья всехъ живущихъ, и в мученьяхъ
Пусть онъ бежитъ въ пустыню, какъ бежали
Изъ Рая мы, пока родныя дети
Не умертвятъ братоубійцу! Пусть
Горящими мечами херувимовъ
Преследуемъ онъ будетъ дни и ночи!
Пусть все плоды земные превратятся
Въ устахъ его во прахъ и пепелъ, — змеи
Устелютъ все пути его, — листву,
Где онъ главу усталую преклонить,
Усеютъ скорпіоны! Пусть онъ грезитъ
Во сне своею жертвой, наяву —
Зритъ лишь одно — зловещій образъ Смерти!
Пусть все ручьи, когда, сгорая жаждой,
Прильнетъ онъ къ нимъ нечистыми устами,
Ручьями крови станутъ! Пусть стихіи
Его врагами будутъ! Пусть живетъ онъ
Въ мученіяхъ, в которыхъ умираютъ,
А смерть ему пусть будетъ хуже смерти!
Сгнни съ глазъ, братоубійца! Этотъ звукъ
Отныне міръ заменить словомъ Каинъ,
И будетъ ненавистенъ онъ вовеки
Для мириадъ сыновъ твоихъ. Пусть всюду
Где ступишь ты, трава изсохнетъ! Пусть
Зеленый лесъ тебе откажетъ в сени,
Земля — в жилище, прахъ — в могиле, солнце
Въ сіяніи, и небеса — въ ихъ Боге!

По прочтеніи «Каина» въ переводе г. Бунина хочется поздравить его съ прекрасно исполненной работой, которая, передавая по-русски чудесное произведение безсмертнаго англійскаго поэта, представляетъ собой ценный вкладъ, обогащающій нашу переводную литературу.

Но, къ сожалению, это отрадное впечатленіе значительно ослабеваетъ при внимательномъ сличеніи перевода с подлинникомъ. Приступивъ къ такому сличенію, я не могъ не поразиться темъ, что г. Бунинъ не счелъ нужнымъ вслѣдъ за эпиграфомъ из книги Бытія привести ни 1821 года — времени написанія произведенія, ни перевода посвященія мистеріи Вальтеръ Скотту, а также и коротенькаго предисловія. Конечно, ни годъ, ни посвященіе, ни предисловіе не имеютъ столь важнаго значенія, какъ текстъ самого произведенія. Но они принадлежатъ перу не какого-нибудь неведомаго, непризнаннаго писателя, а написаны лордомъ Байрономъ, каждое слово котораго значительно. Каково же было мое изумленіе, когда и въ самомъ тексте мистеріи я заметил пропуски безъ всякихъ оговорокъ переводчика.

Уже въ первой сцене, по уходе Адама и Евы, въ подлиннике стоятъ слова Селлы (такъ переведена Zillah): *Wilt thou not my brother?* Въ переводе эти слова отсутствуютъ, а сразу говоритъ Авель. Въ первомъ обращеніи Ады къ мужу слова *My beloved Cain*, въ которыхъ выражена вся ея нежная, неизменная любовь, переданы просто: Каинъ. Во всей мистеріи я насчиталъ 25 пропусковъ; где пропущенъ одинъ стихъ, где два, три, четыре, а где восемь и даже тринадцать. Такое безцеремонное обращеніе съ классическимъ произведеніемъ совершенно недопустимо, но оно и изумительно: г. Бунинъ переводитъ весьма искусно, есть места переданныя съ самой тщательной близостью къ подлиннику и нисколько не въ ущербъ красоте и правильности русской речи. Я заметилъ всего одинъ оборотъ, не свойственный нашему языку: на странице 115 выраженіе «братъ бдитъ стада» — *My brother is a watching shepherd boy* — и не благозвучно и не по-русски. К чему понадобились переводчику столь многочисленные пропуски?

Въ концѣ 2-го акта въ речи Люцифера встречается имя Божіе Адонаи (с удареніемъ Адон'аи, а не Адона'и какъ в славянскомъ переводе Библии — Прор. Іезекииля гл. 37, ст. 5).

У Байрона Люциферъ называетъ Бога не этимъ именемъ, а просто Не, т. е. Онъ.

Въ словахъ того же Люцифера, въ той же сцене есть и другая неточность: *Thou wouldst go on aspiring to the great double Mysteries? The two Principles*. Это передано такъ: «Ты стремишься къ Тайне, къ великой ипостаси Двухъ Началъ». Едва ли тутъ уместна *ипостась*.

Переводчику случается иногда безо всякой надобности отступать отъ подлинника: напримеръ, въ концѣ мистеріи слова Каина: *thou wilt forgive him whom his God Can ne'er forgive, nor his own soul* переведены: «Ты простишь того, кому ни Богъ, ни собственное сердце уже не дадутъ забвенія». Ничто не мешало переводчику вместо *забвенія* поставить подстрочное «прощенія».

При несомненномъ умѣнii г. Бунина переводитъ превосходно, нельзя не поставить ему въ вину крупныхъ погрешностей, безъ которыхъ ему было бы нетрудно обойтись. — Въ виду наличности перечисленныхъ недочетовъ я полагаю, что какъ стихи, такъ и переводы рассматриваемаго писателя не могутъ быть увенчаны Пушкинской преміей, но заслуживаютъ почетнаго отзыва.

Павловскъ, 17 февраля 1909 года

Чем ныне озабочены наиболее вдумчивые представители молодежи России? К примеру, рассмотрим короткий текст исполнительного директора Project Time Ltd Светланы Яремич.

«ТОЧНАЯ КОПИЯ БЕЗ ОРИГИНАЛА»

— Вообще, что такое симулякр? Каким образом он стал в наше время заменой всех знаков и понятий? Ведь во времена Платона симулякр был всего лишь «копией копии»... а сейчас это изображение без оригинала, презентация того, чего на самом деле не существует. И это проявляется во всем: начиная от политики (симулякр выборов, симулякр президента) и заканчивая той же культурой (писатели и произведения, ими созданные).

— О чем мы читаем в этих новомодных книгах?

— О жизни, которой на самом деле нет. Сейчас даже появились понятия «пластмассовые люди» и «пластмассовая жизнь», где фигурируют лишь деньги, секс, наркотики, гламур (несчастный этот гламур!!!), ночные клубы. Происходит подмена понятий, и, увы, этот образ жизни, описанный «модными» писателями в «модных» книгах становится эталоном и примером для подражания очень многих людей. Раньше к писателям прислушивались, они если и не вершили судьбы народа, но были общественной трибуной (вспомним Писарева, Огарева, Радищева и т. д.), а сейчас писатели стали общественной урной, а их произведения... говоря языком Бодрияра, симулякрами! Современные книги — это не плохие книги вместо хороших, а книги, которые скрывают, что их нет. То есть СИМУЛЯКРЫ!!!

— Современная литература совершенно не соотносится с какой бы то ни было реальностью, происходит крушение реальности: слова превра-

щаются в звучащую оболочку, лишенную смысла. Писатели как будто устраивают гонку: кто больше использует сленга, новых слов (порой придуманных). И таким образом, со страниц произведений на нас сыпятся буквы, слоги, слова и предложения, лишенные смысла: фрагментарность во всем. «Флеш-моб», «интерактивность», «флуд» и т. д. И действительно, современные книжные полки напоминают интернетовские форумы: много флуда, а комментариев по теме — раз-два, и попробуй вычлени их из всего этого мусора.

— Гиперреальность, созданная не только литературой, но и остальными сферами культуры, а в особенности СМИ, — синтетический продукт XXI века... то есть тотальная симуляция. Это даже не ложь. Мы никоим образом не можем сравнивать информацию, которая доходила до людей в СССР (по ТВ или из книг) с информацией, которая доходит до нас сейчас. Да, в СССР именно была ЛОЖЬ, а сейчас мы видим тотальную СИМУЛЯЦИЮ. Раньше все было проще: ложь — это то, что скрывает истину. Надо лишь обнаружить, в чем ложь, и нам сразу будет понятна истина. Чтобы скрывать истину, необходима цензура, которая закрывает любую лазейку для правды. Сейчас все намного сложнее... Информация не производит смысл, а разыгрывает его. Система симулякров не нуждается в цензуре. И если ложь — власть немногих, при лжи всегда в выигрыше только одна сторона (та, которая производит ложь), то при системе симулякров остаются довольны все (в данном случае и пи-

сатели и читатели. Одни создают иллюзорный мир, вторые грезят о нем), т. к. симуляция создает ИЛЛЮЗИЮ равенства, солидарности.

— И закончить я хотела бы тезисами о том, что симулякры размыва-

ют и уничтожают такие понятия, как добро, зло, ложь, истина, история, память. И что современная культура (в том числе и литература) утрачивает живое ощущение жизни.

ПИСЬМО ЛАНЫ БРИЗ СВЕТЛАНЕ ЯРЕМИЧ

10 октября 2008 года

Света, здравствуй! Письмо и файл с текстом статьи от тебя получила.

Прочла. Статья мне понравилась, чувство оптимизма внушает тот факт, что представитель молодежи не равнодушен к тем негативным процессам, которые происходят в обществе и в СМИ. А пессимизм может родиться от того, насколько же все информационное пространство замусорено, если даже молодая женщина с нескрываемым отвращением описывает то положение вещей, которое существует и в молодежной среде, и в модной литературе (то есть книгах для молодежи, поскольку люди взрослые этих модных книг не читают)...

К тому же многие представители старшего поколения писателей, я уверена, не вполне представляют себе именно эти процессы просто потому, что они не читают ни молодежных журналов, ни попсовых книг, они не бывают в молодежных тусовках и ночных клубах, да и с компьютерами многие не знакомы. Об Интернете они слышали, может, видели, но многие не умеют пользоваться компьютером и вряд ли имеют точное представление о том, что такое форумы в нете и флуды. В каком-то смысле твоя статья сможет помочь им открыть глаза еще шире на те процессы, которые происходят в обществе. И это — полезно.

То есть ты (молодец) вскрыла проблему, поставила диагноз «культивация

жизни, которой нет», «тотальная симуляция жизни». А лечение?

Ты рекомендуешь:

...И вот если внутренняя цензура будет воспитываться с ранних лет, если не искоренять традиции семьи, культуры и не подменять понятия, если не утрачивать живое ощущение жизни, то каждый из нас останется собой и выберет правильный путь...

Этот совет хорош для молодых родителей, перед которыми стоит задача вырастить своих детей морально здоровыми и честными людьми. Но ведь все нормальные родители этого хотят! Однако их дети живут именно в том информационном пространстве, которое создают другие взрослые — профессионалы, пишущая братия. Как раз те, кто все это творит! Те, к кому адресован наш журнал и наши воззвания и статьи.

Как убедить ИХ не писать ЭТО, не публиковать ЭТО, не популяризировать ЭТО???

Ведь лечение нужно именно им, а не тем, кто здоров или еще не заражен этой болезнью. ...

Потом, вот это понятие «внутренняя цензура». Я понимаю, какой смысл ты в него вкладываешь. Но знаешь ли ты о том, что понятие «внутренний цензор» считается почти диагнозом в психиатрии? Именно благодаря такой,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

искусственно выращенной фигуре-субличности (за которой, как правило, стоит некая внутренняя психологическая роль, питаемая внешним авторитетом, родителями например) у многих порядочных по нормам общественной морали людей обостряются тяжелые психологические и психические проблемы. И связаны они с подавленными желаниями! Которые подавляет как раз тот самый внутренний цензор. Но желания-то не исчезают!

Как сделать так, чтобы не возникало порочных желаний? И что считать пороком? Грехом? Если само понятие первородного греха с незапамятных времен связывается с сексом? Вот многие это и подавляют, а в результате извращения. И «литературные в том числе». Поскольку фигура внутреннего цензора (и это научно доказано) всегда связана в подкорке с этой темой... Тут все не так просто.

Сейчас я подумываю о том, что надо осветить и эту тему, поскольку уже поговаривают о том, что пора вводить цензуру на ТВ, но сами заходят в тупик с этими рассуждениями, поскольку свобода слова действительно является большим завоеванием молодой демократии. Нужна не новая цензура. Нужна четкая идеологическая позиция государства и правительства в этих вопросах и экспертиза. Но не литературная, а духовно-нравственная (не путать с религиозной). Экспертиза совести нужна! А не новая цензура! И это — не игра словами и понятиями! Смысл у этих понятий качественно разный! И может быть, найдутся в стране люди, которым можно доверить подобную экспертизу. У которых с совестью и с чутьем на морально-нравственную гниль все обстоит хорошо. То есть которые сами здоровы. Ведь таких людей в России много. Они должны быть подобны медикам, стоящим на страже здоровья нации и не пропускать на прилавки информационных площадок недоброкачественную, прогнившую и отравленную пищу для души и ума. А не оценивать литературные дарования и остроту пера автора.

Разному по уровню развития народу нужны здоровые книги. Не все образованны.

Им и авторы разные нужны, но здоровые!!!

Остро необходимо поставить заслон отравляющей информационной агрессии и идеологическим диверсиям.

Так КАК это сделать без традиционных форм «не пушать»? Об этом нужно думать. И об этом говорить. Здесь лекарство искать.

Я вижу только один путь. Будить чувство собственного достоинства, благородства души и совесть в тех, кто пишет. То есть в писателях и журналистах. Потому что около каждого писателя не поставишь цензора, а возможностей для публикаций сейчас множество. Капитализм! Жаль, дикий пока.

Поэтому так остро стоит вопрос о национальной идее! Потому что именно она, в конце концов, задает тон всему!

Но она на то и идея, что ее искусственно не выдумашь. Она прийти должна. Но не приходит пока. А высокая идея, ты знаешь, кто это? — Это светлое существо женского рода, которая приходит к тем, кто ей созвучен и с кем она может соединиться!

И если мы понимаем, что фундамент у национальной идеи России (страны с духовной миссией) только и может быть духовный, а не экономический, то впору подумать и о духовном состоянии общества. Идея-то высокая все не приходит к народу! А церкви везде работают.

Взбудоражить надо людей! Это навязание иллюзорной жизни развеять, глаза им, как ВИЮ открыть, совесть будить, и их благородное духовное, золотое, начало. Голос совести — это и есть голос Духовного, Истинного Я Человека. И если он звучит в сознании писателя, то никакие цензоры и цензура не нужны. Потому что он и пишет.

Я свято верю в то, что русские люди не идиоты и не подонки. И многие хотели бы по-другому писать, работать, жить! Но такого монстра не так-то лег-

ко свалить. Ведь ему служат тысячи тысяч добровольцев! Однако когда мы знаем имя демона, то мы можем его победить. Особенно сообща. А уж с Божьей помощью вообще все возможно!

Света, я знаю, что с некоторых пор для тебя православие перестало быть пустым звуком. Но христианство имеет множество ответвлений, ты ведь знаешь. И у меня христианские корни. Корни, но не ответвления! Я человек верующий, но не религиозный. Потому что религиозность разъединяет людей и рождает в них внутреннюю агрессию. Попутно рождая ощущение своей духовной элитарности. И я слишком много раз видела все это, чтобы суметь всегда узнать это. Не надо.

...Помнишь?

«Блаженны нищие Духом и жаждущие Его. Ибо их есть Царство НЕ бесное».

Голод по Духу Истины должен всегда присутствовать в том человеке, который стремится к чему-то большему, чем иллюзорная жизнь. По большому счету именно этого Духа Истины-то и не хватает почти всей пишущей братии. Да разве могли бы родиться у истинно духовного человека те «модные» книги? Думаю, ты, как и я, уверена, что нет.

Да уж «Правд на свете много — у каждого своя. Лишь Истина на всех одна».

Этого Духа не хватает всем людям. Потому-то все эти беззакония и творятся.

А ведь с религиозной точки зрения само существование человека на земле является вовсе не жизнью, а подготовкой к Истинной Жизни. На Востоке это называют миром майи, то есть — иллюзией! Чем не симулякр? Это покруче Матрицы будет. Потому что не кино, а реальность. Причем множественная. И не настоящая.

Так чем книжные симулякры хуже этого глобального обмана? А разве люди видят его? И чем реальная Истинная Жизнь отличается от такой жизни, где все борются за существование, пожирая друг друга? Скажи, ты вот знаешь признаки? А ведь все только по

признакам отличить можно. А фантомы-то «симулякры», похожи на настоящее, ну точь-в-точь как те 33 красавицы, у которых «волос в волос, голос в голос»...

Какие же ориентиры люди иметь должны? Не у всех ведь волшебная пчелка есть, чтобы вовремя прожужжала. Или есть?

Само понятие реальности вообще очень интересно. Я, пожалуй, пришлю тебе наброски из своих книг на эту тему. Ею сейчас занимаются не только модные писатели (и Пелевин лишь один из них) или духовные искатели, но и квантовые физики.

Кстати, Александр Николаевич Миронов, зная о моих исследованиях, просил меня как раз написать статью на эту тему. Но я решила начать с другого.

Сперва — скелет, потом мясо наращивать надо.

И снова невольно твои слова:

...то каждый из нас останется собой и выберет правильный путь...

Эх, милая! — собой! А кто ты??? — ПУТЬ! Да это цель и смысл многих жизней! К тому же не человек выбирает Путь, а Путь выбирает человека. Когда он готов идти по нему. Что совсем не легко.

Знаешь, у Майринка в его романе «Белый доминиканец» есть хорошие слова на эту тему.

«...Кому Бог дает работу, тому Он дает и понимание. А силы тьмы шепчут человеку на ухо: „Пойди, возьми сам себе работу, и Бог даст тебе понимание,,».

Когда я впервые прочла эти слова, то не поняла их смысла. Но теперь хорошо понимаю.

...если не подменять понятия, если не утрачивать живое ощущение жизни...

Так КАК это сделать, Света? Чтобы ты посоветовала тем, кто ХОЧЕТ это сделать?

А как побудить взрослых и сформированных людей (тех самых писате-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

лей и редакторов ТВ программ и СМИ) ЗАХОТЕТЬ это сделать?

А видела ли ты кого-нибудь из них, кто признался бы, что выпал из жизни и утратил с ней связь? Всем ведь кажется, что это сделал кто-то другой. В этом-то и проблема, то есть ЗАДАЧА! Обнадеживает только то, что любая задача имеет решение, по определению.

И еще. Ты написала:

Информация не производит смысл, а разыгрывает его.

Но дело в том, что информация и не должна производить смысл!

Информация — это....

...Вот это да!

ИНТРОДУКЦИЯ ИНТРИОМ ИНУДА ИНФАНТЕРИЯ ИНФЛАМАЦИЯ ИНФЛЕКСИЯ ИНФУЗОРИЯ ИНШИЙ

Ни у Даля, ни у Ушакова я вообще не нашла этого слова ИНФОРМАЦИЯ! Вот это новость! Хотела сослаться на точный смысл. А его и нет.

Ну, наверное, так:

Информация — это известие, которое передается с помощью слов, имеющих устойчивое значение и смысл. Поэтому говорится, что: «Передать знания невозможно. Можно передать только информацию, но если она будет помножена на практику действия, то способна дать человеку знания».

Понятие передачи информации прочно связано с передачей сведений, объективных фактов, происходящих или происходивших когда-то достоверных событий. Того, чего другие пока еще не знают.

И если мы говорим о написании книг, то писатель должен вкладывать смысл в ту информацию, которую он передает другим, используя для этого тот изобразительный материал, который способен наиболее точно выразить этот смысл.

А если мы говорим о программе новостей по ТВ, то здесь передающий

информацию должен быть максимально нейтрален и объективен. Ты же знаешь.

Но не далее как сегодня Гордон Кихот в своей передаче по ТВ сказал, что объективной журналистики нет. Каждый журналист окрашивает материалы своим цветом.

И он прав!

А вот где взять таких журналистов, которые не красили бы репортажи и книги собой, непросветленным, а просветляли бы темы, поднятые в этих репортажах и книгах?

.....?

Прочитай еще раз информацию об информации. Здесь есть принципиально важные мысли.

Дальше.

....при системе симулякров остаются довольны все (в данном случае и писатели, и читатели. Одни создают иллюзорный мир, вторые грезят о нем), так как симуляция создает иллюзию...

Я недовольна этим обманом. Так что не все довольны. Но, к сожалению, очень многие. Так **какую внутреннюю психическую потребность в читателях модных книг удовлетворяют писатели тех книг? Они же популярны! Вот вопрос, на который надо найти ответ!**

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ХОТЯТ, ЧТОБЫ ИХ ОБМАНЫВАЛИ? Почему им это нравится?

А ведь и они знают, что это даже не правда... (не говоря уже о том, что не Истина). Они знают, что это — вранье.

Если у тебя есть мысли на эту тему и варианты ответа, то, может быть, ты напишешь об этом? Ведь современную молодежь и их внутренние чаяния лучше видны тебе. Просто потому, что ты одна из них. Только думающая и ищущая.

...Я больше не хочу отрываться в мир симуляции от своих друзей, от своей мечты. Я перестаю погружаться в бессмысленные образы и знаки. Я не буду терять свою индивидуальность.

Я больше не есть копия копии. Я — человек.

Красиво написано, лирично, образно. Действительно. Мне нравится. К чувствам обращено, а это всегда эффективно.

Но как это может сделать другой? Как это сделать, Света? Расскажи.

И как не потерять индивидуальность, если у большинства людей вообще еще не сформировалась индивидуальность? Ее попросту нет! А есть только инфантильная, посредственная, заурядная эго-личность. И даже менее этого!

Жизнью большинства людей управляют СУБЛИЧНОСТИ! Вот они-то как раз и наслаждаются ложными реальностями и симулякрами! Потому что сами — симулякры! А где настоящий Человек?

Разве истинный Человек сможет наслаждаться чтением книг-симулякров, просмотром фильмов-симулякров, находя в этом себе удовольствие?

Истинный Человек питается совсем другой пищей.

А для низкой субличности (активной программы подсознания в человеке) такая ложная реальность в самый раз.

Потому что субличность, по сути, лишена возможности по-настоящему жить.

Но кто из людей способен признать, что их жизнью управляет субличность? Программа подсознания? Психологическая роль?

Никто же не считает себя копией копии? Все считают себя прогрессивными людьми. Настоящими. Никто себя не видит! Только других. В этом-то и проблема. Может, об этом напишешь?

О причинах такого тотального интереса ко лжи и иллюзорной реальности?

Спрос ведь рождает предложение. (Вот и название!) Наоборот-то сделать гораздо сложнее. Формировать вкусы и потребности. Тем более потребности в чем-то более возвышенном и достойном.

Не хотят субличности с праздничного стола питаться. Подавай им по-

мойку! Гнилые отходы им вкуснее кажутся! — Вот ужасно. А страдает человек.

Продолжи тему. Глубже копай. «Зри в корень», помнишь Козьму Прутков? ☺

Мои статьи, может, потому и показались тебе трудными для чтения, что они как раз «в корень». Просто на твоё восприятие повлияла долгая работа и соприкосновение с форматами популярных журналов и СМИ. Все равно это накладывает свой отпечаток. Ты в суть смотри. Есть смысл или нет?

И насколько он глубок?

Трудные тексты... Да я уже их до примитивного состояния перевела с того языка, на котором говорят со мной Идеи.

И эти статьи не адресованы людям с улицы. Здесь ты ошибаешься. Журнал для тех, кто пишет и связан со СМИ. Мои статьи именно для писателей. Но не как образец литературной речи, а как средство их разбудить.

Знаешь, сегодня у меня в гостях была одна моя клиентка. Она практикующий врач-психотерапевт, работает и в психиатрических клиниках с больными, и в диспансерах с группами людей разных возрастов, и с одиночными клиентами, у которых есть жизненные проблемы. Она хороший и опытный врач. Но свои самые сложные проблемы она обсуждает со мной и просит совета. Потому что знает о моем даре видеть суть вещей.

Сегодня она сказала мне: «Лана, вы психотерапевт для психотерапевтов. И даже больше. Я когда к вам прихожу, то чувствую себя словно НЕО, который из матрицы пришел в дом к пифии. И мне это всегда помогает».

Это дорогого стоит, Света. А ты говоришь «дубовым» языком написано, сложно читать. Так ведь потому и попса эта в литературе, что людям сложно читать более серьезные вещи!!! Многие ли могут читать философскую научную литературу? Только многим людям сложно читать даже то, что тебе совсем легко. Они до тебя не доросли.

Но ведь и тебе есть куда расти. Разве нет?

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Честно говоря, меня огорчила эта твоя раздраженная фраза.

Я не поленилась и перечитала тексты. Думаю, может, и правда? Ведь я ставлю себе эту задачу — писать понятнее, проще, но не примитивнее.

Взяла за ориентир твои слова:

... предложения со сложной терминологией.

Ну, думаю, может действительно, проскочило что? Размышляю-то я в мыслях своих действительно в другой терминологии.

Знаешь, я не нашла сложных слов. Ну, может, ЭТИ слова тебе показались сложными?

Я даже не поленилась и выписала их.

Архаика, атрофия, модальность, аннотация, актуальные, элитарность, отчужденность, бдительность, стереотипы, клиповость, прессинг, идеология, пропаганда, катастрофически, культивируется.

Эти слова мне не кажутся сложными, но вынуждена признать, что не каждый человек употребляет их и не каждый знаком с их значением и смыслом. Ну так и тексты эти не для каждого. Они не для всех! А для тех, кто работает со словом, со смыслами, с информацией, с людьми.

Остальные слова в моих текстах ну совсем уже простые слова. А вот понятия и поднятые темы действительно сложные.

Я думаю, тебе не слова были трудны. Уверена, ты их знаешь. Энергетика у этих текстов мощная. Потому не каждым легко воспринимается. Так это специально. А как еще болото разворошить можно? Только так, цепляя за живое.

В данном случае — писателей. И тогда будет реакция. А это значит, что процесс пойдет. Закон химии жизни. И это главное! ☺ РЕЗУЛЬТАТ!

У тебя же пошел процесс!

Смотри, какую замечательную статью написала, умница! Теперь просто глубже смотри! И еще глубже, и еще! В самую суть вопроса смотреть надо. Тогда и лекарство можно найти.

А что толку рекомендовать человеку пластырь на лоб от головной боли? Метод хоть и выглядит медицинским, но не работает в таком качестве. Лекарство должно быть еще и действенным. И ты должна сама его приготовить. Когда вскрываешь язву. Слова, мысли, смыслы, Сила Слова и Сила Духа — вот те ингредиенты, из которых писатель должен готовить блюдо. И мы все этому только учимся. Хотя не все учатся. Да и не учиться здесь надо. Это — не техника. Растить надо. Каждому.

Смотри на результат. «О дереве — по плодам, о человеке — по делам».

Пиши, всегда рада твоим письмам. Мы ведь с тобой фактически знакомимся заново. Ты, к счастью, уже подросла.

(Письмо из частной переписки Л. Бриз и С. Яремич.

Публикуется с разрешения автора письма)

Андрей Каратыгин

О проблеме адекватного восприятия сложного и возможных способах ее решения

Введение

Челибидаке (Celibidache) Серджиу (1912–1996), румынский дирижер. Ученик В. Фуртвенглера. Дирижер Берлинского филармонического оркестра (1945–1952), Лондонского симфонического оркестра (1962–1963 и с 1977), главный дирижер Мюнхенской филармонии и музык-директор Мюнхена (с 1979). Руководил оркестрами шведского (1962–1971) и южнонемецкого (с 1972) радио, Национального оркестра радио и ТВ Франции (с 1975). Румынский дирижер Серджиу Челибидак стал легендой еще при жизни главным образом потому, что отказывался от студийных записей, а также из-за своих необычных представлений о музыке и крайне медленных темпов. Через несколько лет после смерти Челибидак его семья дала разрешение на публикацию избранных исполнений, чтобы уберечь записи от различного рода пиратских изданий. Следует понимать, что этот человек сам никогда бы не позволил этим записям увидеть свет. Тем не менее мы получили возможность прикоснуться к легенде через эти записи.

Приведенный ниже перевод с английского статьи Патрика Ланга, сделанный недавно петербуржцем *Андреем Каратыгиным*, и начинается большой разговор на заявленную выше тему о восприятии сложных явлений нашей жизни.

Не сентиментально, не объективно, но человечно

Исполнение произведений Брукнера сделало Челибидак всемирно знаменитым в 1980–90-х годах, но в 1960-70-х годах Челибидак был известен (особенно в Италии) прежде всего как специалист по русской музыке. Он всегда пренебрегал ярлыками такого рода и в действительности яростно сопротивлялся современной тенденции «специализации» в искусстве. Бывало, он жаловался в интервью радио Штуттгарта, где в то время был главным дирижером оркестра, что продюсеры и организаторы концертов предпочитают, чтобы он дирижировал произведениями Чайковского. Тем не менее мы имеем право спросить, в чем особенность Чайковского у Челибидак? Возможно поставить вопрос иначе: какова отличительная черта исполнения? Прежде всего, Челибидак восхищался даром великого русского композитора в оркестровке: «Он только прикасается к оркестру, как вы тотчас слышите это». Каждый инструмент играет точно ту партию, которая наиболее подходит ему, посредством чего каждая тема, каждый фрагмент достигают вершины возможной чистоты и прозрачности при достижении наилучшего общего эффекта. В этом смысле Челибидак приводит Чайковского в противоположность Брамсу или Шуману (композиторов, часто демонстрировавших недостаток специфического оркестрового инстинкта). Другими словами, они демонстрировали

отсутствие интереса к обогащению звука, смешению звуков, противопоставлению их друг другу. «Ничего из этого у них нельзя услышать!»

Общепринято мнение в музыкальной истории, что Чайковский страдал от определенной сентиментальности, связанной с психической неуравновешенностью композитора, его тенденцией впадать в меланхолию и депрессию. Временами его работы похожи на голос личной исповеди строго интимного свойства, выходящей за пределы артистической выразительности, что может задеть некоторых. Даже при жизни его обвиняли в склонности к потворству эмоции момента и желании «провернуть нож в ране». Как внушал Челибидаке, склонность к этому и есть то, что выделяет Чайковского как истинно русского романтика, но это, к сожалению, открывает дорогу чужому дурному вкусу, слезливости и эмоциональному экзгибиционизму.

В противоположность этому можно бросить взгляд назад, в шестидесятые, прежде всего на Е. Мравинского, представляемого некоторыми критиками как носителя «нового стиля исполнения Чайковского». Все эмоциональные выбросы избегались, и предпочиталась крайняя холодность, что выражалось в очень быстрых темпах, метрономической прямолинейности, заостренных цветах и в определенной мере преднамеренной резкости. Такая «объективность» лишает музыку всей теплоты чувства, но позволяет оценивать структурную силу музыки Чайковского, как кажется на первый взгляд.

Живое исполнение, представленное Челибидаке, провозглашает взгляд на Чайковского, который равноудален от слезливой сентиментальности, с одной стороны, и механистической бесчувственности — с другой, выражающийся в прочтении, которое действительно воздает музыке должное. «Чайковский без чувств — мой Бог! — суп без воды». История интерпретаций Чайковского, как описано выше, была чередой неверных представлений и поверхностных, ложных заключений. По мнению Челибидаке, музыка Чайковского в конечном счете не сентиментальна, но она предлагает идеальную поверхность, на которую так называемые интерпретаторы могут проецировать свою собственную сентиментальность. Но сентиментальность лишь одна форма эмоциональной выразительности, которая мгновенно истощает порыв. Сам Чайковский в письмах, особенно к Н. Ф. фон Мекк, отмечал, что ценность его работ не стоит приписывать вдохновению, но строгому конструктивному обращению к форме и содержанию. Он был особенно горд созданным вступлением 4-й симфонии в этом смысле.

«Локальный эффект от локального аффекта» удовлетворит тех, кто не в состоянии создать взаимосвязи, то есть кто не может соотнести между собой эмоции, связать их и выделить суть. Или «Ощутить окончание, как продолжение начала», в формулировке Челибидаке. Поэтому было бы нон-сенсом полностью исключать эмоциональную выразительность, как если бы исполнять поэму Гете в жанре скороговорки (то, что преобладает в музыкальном бизнесе сегодня). Речь идет о тех людях, которые заботятся прежде всего о чистоте произношения в ущерб сути говоримого. В свою очередь, Челибидаке был всегда сфокусирован на «музыкальной семантике», которая оказывает влияние на все остальные аспекты.

Пристальный взгляд на его исполнение 4-й симфонии, возможно, даст понимание этого. Дирижирование *Moderato con anima*, поданное

как главный предмет первой части, полно серьезности: его интенсивность постепенно возрастает до тех пор, пока хроматические шаги не теряют энергию. Неземное настроение начала заключительной группы экспозиции (скрипки и ударные) представлены с уникальной деликатностью, а колеблющиеся, бесконечно нежные деревянные духовые уводят далеко-далеко.

Пиццикато, аккомпанирующее соло гобоя, в начале второй части, с заданной мелодической формой, совпадает с определением фразировки, данным Челибидаке: «выверенное распределение энергии в функции интервала». Великолепие и благородство подводят к средней части, так часто низводимой до уровня безвкусной популярной песни. Необычный безмятежный темп, взятый в начале знаменитого скерцо (пиццикато остинато), оказывается сюрпризом, но немедленно становится ясно, что это как раз и позволяет работать «тематико-мотивным» взаимодействиям: ритмометрические синкопы и стретто можно услышать там же в противоположность большинству исполнителей, где эта часть налетает как суета и пустота вперемишку с виртуозностью. Даже в среднем фрагменте с деревянными духовыми заслуга Челибидаке в том, что все интервалы становятся постижимыми без выделения каких-либо ярких моментов.

Он не признавал музыку ни как спорт высших достижений, ни как цирк. Оправдание заключительного изменения темпа в этом фрагменте приходит в виде радостного фортиссимо от 387-го такта. В последнем моменте, которым часто жертвуют в угоду прохоту большого барабана и литавр, Челибидаке отходит от вульгарности и исполняет его с артистической умеренностью и почти итальянской элегантностью.

Это исполнение позволяет получить в полном объеме эмоции, содержащиеся в музыке Чайковского, ощутить всю их многогранность, переданную с любовной заботой и с определенной доверительностью и без намека на сентиментальность. При этом происходит нечто совершенно неожиданное, что может стать подобием шока нашим привычкам мыслить: вместо инстинктивной кипящей массы в прямом конфликте с рациональностью появляется ясно структурированная понятная система взаимосвязей.

Патрик Ланг.

Комментарий к исполнению 4-й симфонии П. И. Чайковского
Мюнхенским филармоническим оркестром под управлением Серджиу Челибидаке.

ЛИТЕРАТУРА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РАБОТЕ СЕКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЕ ЧТЕНИЯ» РМСП (Краткий отчет о деятельности секции в 2008 году)

24 февраля 2008 года решением Правления Российского Межрегионального союза писателей от 19 февраля 2008 года на базе помещения приемной отделения партии «Единая Россия» в Центральном районе Санкт-Петербурга (по адресу: Кирочная ул., дом 32/34) начат новый этап работы названной секции. По настоящее время с интервалом раз в две недели с учетом изъятия праздничных дней было проведено 7 заседаний секции (занятия проходили по четвергам с 17.00 до 19.00). Члены секции собирались последний раз 29 мая 2008 года. В среднем на занятиях каждый раз присутствовало 13–15 человек — членов РМСП. На означенных встречах изредка присутствовали приглашаемые членами союза гости, а также систематически участвовали как наблюдатели представители партии «Единая Россия». В рамках состоявшихся заседаний обсуждались: рукопись новой повести «Руслан Усманов — Советский союз» Валерия Стародубцева, вновь изданная книга «Пока не поздно» Натальи Мюллер, рукопись нового романа «Символ Веры» Олега Филатова. На обсуждение выносились следующие темы: «Проблемы восприятия писателем действительности» (по теме выступила Л. А. Бриз), «Сущность патриотизма и национальной идеи как единого источника актуальных художественных образов» (по теме выступили: Ю. П. Калюжин, В. В. Петров), «Будущее России в пророчествах отечественных предсказателей» (по материалам рукописи «Энциклопедии всемирных предсказаний» выступила В. А. Соловьева). По итогам работы секции в указанный период В. В. Петрову было предложено продолжить изыскания по теме «Формулирование ключевых признаков национальной идеи России как актуального источника художественного творчества».

Главными целями работы настоящего творческого объединения ныне являются: помощь всем заинтересованным членам союза в получении объективной оценки качества их писательских работ; помощь в раскрытии творческого потенциала как поэтов, так и прозаиков посредством проведения дискуссий на социально значимые темы, создающие предпосылки к написанию новых и действительно насущных народу России книг; помощь заинтересованным представителям партии «Единая Россия» в вопросах формирования социальной успешной политики.

В части получения объективной оценки уже подготовленных к опубликованию произведений литературы секция «Литературно-дискуссионных чтений» предполагает: во-первых, заслушивание представлений новых работ их авторами; во-вторых, обсуждение степени успешности решения ими поставленных перед собой творческих задач; в-третьих, формулирование рекомендаций по уточнению, дополнению или изменению ключевых смысловых посылок в написанных членами РМСП работах.

По итогам деятельности в 2008 году секцией «Литературно-дискуссионных чтений» планируется осуществить выпуск соответствующего альманаха. Его главной целью является актуализация и восполнение острой нехватки в области литературной жизни России ключевых смыслов социального бытия, целиком и полностью определяющих саму судьбу нашего Отечества, как-то: основные смысловедческие проблемы писательского труда как труда подлинно насущного или вносящего в жизнь России заметные предпосылки изменений к лучшему; национальная идея России в творчестве современных писателей и поэтов, а также особая роль художественных образов, ею рождаемых в литературных произведениях, на формирование ближайших перспектив развития нашей страны. Кроме того, актив настоящей секции считает правомочным ходатайствовать перед правлением РМСП о каком-либо поощрении авторов наиболее удачных работ, признанных таковыми в ходе текущей работы секции.

Руководитель секции «Литературно-дискуссионные чтения» РМСП

А. Н. Миронов

11 сентября 2008 года